

Slavia Christiana

ЯЗЫК · ТЕКСТ · ОБРАЗ

ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКОЙ
КНИЖНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI FIRENZE

КАФЕДРА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

«ИНДРИК»
МОСКВА
2019

ДЕВЯТЫЕ
РИМСКИЕ КИРИЛЛО-
МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

РИМ — САЛЕРНО
4—9 ФЕВРАЛЯ 2019 г.

УДК 81
Ш 81

*Ответственные редакторы
сборника материалов конференции*

И. Вернер
Н. Запольская
М. Обижаева

**Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения.
Материалы конференции
(Рим — Салерно, 4—9 февраля 2019 г.)
М.: Индрик. 2019. — 204 с.**

ISBN 978-5-91674-000-0

Сборник содержит материалы международной научной конференции Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (4—9 февраля 2019 г.), организованной Институтом славяноведения РАН при поддержке Университета г. Салерно. Доклады были прочитаны в тематических блоках: «Личность в пространстве и времени культуры: жизнь — житие Константина-Кирилла», «Текст в пространстве и времени культуры: лингвистическая рефлексия «до» и «после» Грамматики Мелетия Смотрицкого», «Славянская письменность XI—XVII вв.: грамматика в тексте», «Новое о старом»: современные исследования славянского рукописного и книгопечатного наследия», «От средневековой книжности к литературе постмодернизма: функциональный диапазон библейского «цитатного пространства».

ISBN 978-5-91674-000-0

© Оформление,
Издательство «Индрик», 2018

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Альберти (<i>Италия, Болонья</i>) Кириллические надписи на кресте-реликварии из Рораи Пикколо	11
Н. Ананьева (<i>Россия, Москва</i>) Система причастий в «Пшемыском размышлении»	12
М. Бабалык (<i>Россия, Петрозаводск</i>) Методика текстологического анализа «Беседы трех святителей»	17
М. К. Брагоне (<i>Италия, Павия</i>) Формирование лингвистических воззрений И. В. Пауса через его переводы (на примере перевода «Sententiae morales» Иоанна Стобея)	21
Д. Ващенко, А. Плотникова (<i>Россия, Москва</i>) Градищанские хорваты между Бечем, Пожоном и Шопроном: язык и письмо	24
А. Влашич-Анич (<i>Хорватия, Загреб</i>) О результатах последних исследований глаголицы в капуцинских библиотеках	29
А. Вранеш, Л. Маркович (<i>Сербия, Белград</i>) Сербская библиография старопечатных и редких книг . . .	30
С. Вуйчич (<i>Сербия, Белград</i>) Смысловые инверсии: миф и религия в сборнике стихотворений Миодрага Павловича «Светлые и темные праздники»	34

О. Горбань, М. Косова, Е. Шептухина (*Россия, Волгоград*)

Черновики документов XVIII в.:

лингвистическое содержание правок 37

К. Дидди (*Италия, Салерно*)

К вопросу о кирилло-мефодиевских переводах

«славянских книг» 42

Л. Дони́на (*Россия, Санкт-Петербург*)

Старые существительные типа *щенья* в свете «нового»

источника – «Летописца Еллинского и Римского» 44

М. Живова (*Италия, Рим*)

Оригинальные стихи в нестишном Прологе XVI в. PIO Slavo 5 . . 49

А. Журавель (*Германия, Галле*)

Средневековый травелог или келейное чтение?

К вопросу о популярности текста «Книги Паломник»

Антония Новгородского 54

Н. Зайц (*Словения, Любляна*)

Преп. Максим Грек – Адам Бохорич – Мелетий Смотрицкий

(сравнение на уровне исторической лингвистики) 62

Н. Запольская (*Россия, Москва*)

Грамматика как рефлексия о языке:

способы достижения *правильности* языка

в церковнославянских грамматиках XVI — XVII вв. 67

Е. Иванова (*Россия, Санкт-Петербург*)

Ц. Димитрова (*Болгария, София*)

Предложения с союзом *макар* в болгарских памятниках

XV — XVII вв. 74

А. Иванович (*Сербия, Белград*)

Средневековая гимнография и современные

горизонты поэтики 80

А. Ипполитова (<i>Россия, Москва</i>) Библейские мотивы на страницах русских травников XVII — начала XX вв.	87
Н. Карева, Е. Пивоваров (<i>Россия, Санкт-Петербург, Москва</i>) К истории изучения «Российской грамматики»: попытка атрибуции некоторых документов из архива М.В. Ломоносова	92
К. Коваленко (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Грамматика Мелетия Смотрицкого в азбуковниках XVII века	97
А. Кожина (<i>Беларусь, Минск</i>) Слово как реминисценция из Библии	102
Е. Коницкая (<i>Литва, Вильнюс</i>) Русские и словенские библейские фразеологизмы как интерпретации библейского текста	107
А. Кравецкий (<i>Россия, Москва</i>) Церковная служба как часть государственного церемониала: об одном эксперименте Екатерины II	112
М. Лявинец-Угрин (<i>Венгрия, Будапешт</i>) К вопросу изучения карпаторусинских памятников письменности: Гукливская летопись	115
Е. Матвеев (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Библейские и богослужебные заимствования в одической поэзии М. В. Ломоносова и В. П. Петрова . . .	120
С. Менгель (<i>Германия, Галле</i>) Взаимосвязанность грамматических концепций в печатном листе «Extranea» (Ext. 157: 6,38) и грамматиках Й.В. Пауса и Й. Х. Шталя. Суверенность, преемственность или взаимовлияние? . . .	125

	Н. Милькович (<i>Сербия, Белград</i>)	
	Об одном древнерусском источнике абсурда у Даниила Хармса	128
—	Н. Мосягина (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>)	
8	Тропари сербским святым третьего гласа: приемы работы древнерусского распевщика (на материале рукописи РНБ, Кир.-Бел. 586/843)	131
—	М. Новак (<i>Россия, Казань</i>)	
	Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39): атрибуция и композиция	137
	Е. Остапчук (<i>Польша, Варшава</i>)	
	Список глав Евангелия от Иоанна в старопечатных кириллических богослужебных четвероевангелиях	143
	Т. Пентковская (<i>Россия, Москва</i>)	
	Новозаветные цитаты в «Слове о милости» второй половины XVII в.	145
	И. Плаович (<i>Сербия, Белград</i>)	
	Герменевтическая поэзия и новое Средневековье	150
	А. Плетнева (<i>Россия, Москва</i>)	
	Государственный культ и церковное богослужение: службы военным победам	155
	Ф. Ромоли (<i>Италия, Пиза</i>)	
	Об источниках пророческих цитат в сочинениях Максима Грека	158
	М. Саккини (<i>Россия, Тюмень</i>)	
	Приставка <i>раз-</i> в «Слове о Полку Игореве»: семантика и вид глагола	161

Е. Славкович (<i>Сербия, Белград</i>) Сербская традиция славянского перевода «Жития святого Амфилохия Иконийского»	167	
В.С. Томеллери (<i>Италия, Мачерата</i>) Молитва господня с толкованиями Брунона в переводе Дмитрия Герасимова. Интерлинейное издание	170	— 9 —
М.К. Ферро (<i>Италия, Кьети-Пескара</i>) Методология создания многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов: новый подход	172	
Р. Фишер (<i>Австрия, Вена</i>) Школьное образование свв. Кирилла и Мефодия	175	
А. Циммерлинг (<i>Россия, Москва</i>) От Кирика до Посошкова: конструкция <i>им. п.</i> + <i>инфинитив</i> в истории русского языка	179	
И. Шпаднер (<i>Сербия, Белград</i>) «Молодой Папа» П. Соррентино как агиографический нарратив	187	
М. Шульга (<i>Россия, Москва</i>) Грамматика и текст: <i>тысячей</i> – <i>тысячью</i>	192	
И. Юрьева (<i>Россия, Москва</i>) О текстологических швах в Киевской летописи	198	

Альберто Альберти

Болонский университет, Италия

a.alberti@unibo.it

Кириллические надписи на кресте-реликварии из Рораи Пикколо

—

—

В 1934 г. в церкви Св. Агнессы недалеко от г. Порденоне (Северная Италия) обнаружился наперсный крест, т.е. крестообразный ковчежец или энколпион, с 15 кириллическими надписями, в настоящее время хранящийся в епархиальном музее сакрального искусства г. Порденоне. Учёные почти единодушно относят энколпион к XII–XIII вв. и указывают Киев или Новгород в качестве вероятного места его происхождения. Сопровождающие изображения надписи, выгравированные на внешних сторонах энколпиона, повторяются и внутри створок. Очевидно, внутренние тексты служили моделью для эпитафиста: это своего рода «метатекст», довольно необычный для такого типа изделий.

Ключевые слова: *энколпион, Рораи Пикколо, кириллические надписи*

Alberto Alberti

University of Bologna

a.alberti@unibo.it

The Cyrillic Inscriptions on the Rorai Piccolo Enkolpion

In 1934, a small pectoral cross (*enkolpion*) has been found in St. Agnes church near Pordenone. This object, nowadays preserved in the Sacred Art Diocesan Museum of Pordenone, is supplied with 15 cyrillic inscriptions. Scholars generally agree in dating the *enkolpion* to the 12th–13th centuries, and indicate Kiev or Novgorod as its most likely place of prove-

nance. Quite curiously, inscriptions engraved beside the figures on the outer side of the valves are repeated on the inside, possibly to serve as a model for the successive work of the epigraphist: therefore, it represents a sort of ‘metatext’, rather unusual for this type of objects.

Key words: *enkolpion, Rorai Piccolo, Cyrillic Inscriptions*

—
12
—

Наталья Ананьева

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Россия

ananeva.46@mail.ru

Система причастий в «Пшемьском размышлении»

В докладе анализируется система причастий в апокрифическом памятнике древнепольского языка XV–XVI вв. – так называемом «Пшемьском размышлении». Мы рассматриваем формы и синтаксические функции причастий в этом апокрифическом повествовании о жизни Христа и его семьи (атрибутивную, адвербиальную, как компоненты сказуемого).

Ключевые слова: *причастие, падеж, синтаксическая функция*

1. «Пшемьское размышление» (*Rozmyślanie przemyskie*) – памятник древнепольского языка, сохранившийся в рукописи конца XV – начала XVI в. Рукопись представляет собой апокрифическое повествование о жизни Христа и Богородицы (полное название – «*Rozmyślanie przemyskie o Żywocie Pana Jezusa czyli Żywot Najświętszej Rodziny*»). Первоначально памятник принадлежал библиотеке греко-католического капитула в Перемышле (польск. *Przemyśl*), откуда происходит определение «пшемьское» (польск. *przemyskie*). С 1946 г. рукопись хранится в Национальной библиотеке (Варшава).

2. Древнепольская система причастий унаследовала от праславянской системы остатки парадигм пяти типов кратких причастий (двух типов, образующихся от презентной основы, – действительное и страдательное и трех претеритных – два действительных и одно страдательное), а также систему полных причастий действительного и страдательного залога (только для претеритальных форм на -n, *en > *on - t), образовавшихся путем присоединения к основам соответствующих кратких форм местоимений *jъ, *ja, *je. Действительное причастие на -l/-l, вошедшее в состав форм перфекта и плюсквамперфекта, в докладе не рассматривается.

Из древней полной (трехчисловой и трехродовой) парадигмы кратких форм причастия действительного залога в древнепольских памятниках сохранились лишь три формы ед. числа: Им.п. м.р. на -ę (этимологическая в глаголах III и IV класса и аналогическая в остальных классах), Им.п. ж.р. на -ęсу (< *ętji, *ętji) и сохранившаяся до настоящего времени как единственная обстоятельственная (т.е. употребляемая в функции деепричастия) форма Вин.п. м.р. Из древней полной парадигмы кратких претеритальных причастий действительного залога в древнепольских памятниках представлены две формы ед. ч.: Им. м.р. (на -w, причем не только от вокалических основ, но и от основ на согласный и -i) и Им. ж. р.: сохранившиеся до настоящего времени формы на -szy / -wszy, употребляемые в обстоятельственной функции.

4. Презентные краткие причастные формы страдательного залога (с суффиксом -m-) в памятниках представлены лишь отдельными лексемами (например, świadom), в то время как генетические претеритальные краткие формы широко представлены в древнепольских памятниках (наиболее часто в формах Им.п. ед.ч. м. и ср.р.). В ряде случаев (например, в Им.п. ед.ч. ж.р.) по памятникам, в которых не про-

— ставляется долгота гласных, определить отличие краткой формы от полной невозможно. Поэтому примеры кратких форм приводятся нами для тех форм, где в полных и кратких представлены качественно дифференцирующиеся окончания (например, Им. ед. м.р. и ед. ср.р.).

14

— 5. С древнепольских памятников отмечается победившая впоследствии тенденция формирования для генетически кратких причастных форм действительного залога обстоятельственной функции, для генетически кратких претеритальных форм страдательного залога функции компонента сказуемого (т. наз. *orzecznik* – именная часть составного именного сказуемого), для полных причастных форм действительного залога атрибутивной функции, для полных причастий страдательного залога (генетически претеритальных) как функции *orzecznika*, так и атрибутивной функции).

6. В «Пшемьском размышлении» представлены все отмеченные для древнепольского языка типы причастий и формирование вышеуказанных тенденций в сфере синтаксических функций.

Большинство форм на *-ac* (письм. на *-ac*, *-ac*) и *-szy / -wszy* представлены в обстоятельственной функции. Примеры: *nyebossa myodem czykly, daycz svyadecztwo vyezne v porodynyv [Vrtel-Wierczyński 1969: 90], pastuchy pasąc a strzegąc szych czrod [Ibid.: 89]; Marya, vvedząc syna svego nyevynego, ... ydze do nyego [Ibid.: 92]; Szedschy do betleem, naydzczye... [Ibid.: 89]; Iesus, smylovawschy szye nad nym, przykazal lvovy... [Ibid.: 94]. Закономерные в основах на согласный *-wszy* (как и *-w* в генетической форме Им.п. ед.ч. м.р.) может присоединяться к основам на согласный (*przyschedwszy knyemv, pozdrovyl y [Ibid.: 88]*). В глаголах на **êti* под влиянием форм прошедшего времени перед *-wszy* (как и перед *-w*) встречается гласный *a* (*vsryawszchy to [Ibid.: 91]*). К особенностям древнепольского языка, представленным*

в том числе и в данном памятнике, относятся также: образование форм на -ąc от глаголов совершенного (а не только несовершенного) вида (Vslyszacz to Iesus y rzecze [Ibid.: 93]; vzbach on svoye dzyeczyątko zywe... [Ibid.: 94]) и соединение союзом і (письм. у) причастий на -ąc и -szy / -wszy с личным глаголом (Chvavyacz y rzekl [Ibid.: 92]; Byeżacz yedwo dzyeczya nyepacznye y szvalyło szye zoney, gory [Ibid.: 92]; odmłodzy, zakvytņawschy y daly ovocz [Ibid.: 90]).

Реже краткие формы на -ąc и -ęсу (письм. -ąсу) встречаются в функции определения: rzekącz, izeszmy vydzyely y schlyschely anyely movyącz [Ibid.: 90]; avgvstus ... vzryal obraz dzyevycze nadobne noschącz dzyeczyątko narąkv [Ibid.: 90]; yakoby, dzyevycza yedna, noschączy dzyeczyątko narąkv [Ibid.: 91]. Редкие формы Им.п. ед.ч. ж.р. на -ęсу чаще употребляются в обстоятельственной функции: у posła za svem mylem synem zalobnye placzący [Ibid.: 95]; A vstavšchy dzyevycza Marya zyemye poszala movych..., rzekący [Ibid.: 95]. Отмечается также выходящая из употребления генетическая форма Им. п. ед.ч. м.р. действительного залога наст. вр. на -ę (письм. -ą): Iesus ten czass przydą k nyemv, uzrzy y ... pocznye pytacz [Ibid.: 92].

7. Примеры кратких причастий страдательного залога (генетически претеритальных):

а) в функции орzecznika: mabycz odkvpyon wschystek svyath y bądzye odkvpyon wschystek svyath y bądzye navroczoно krolestwo davydovo, a bądą yemvdany vschystky krolewstwa tego svyata [Ibid.: 89]; ktory yest yąth [Ibid.: 95]; yego moczy wschytко stvorzenye yest poddano [Ibid.: 90].

б) в функции определения: vzbadva [Анна – Н.А.] tesch dizewa, roskoszным lystem okraszono [Ibid.: 88].

8. Примеры полных форм страдательных причастий:

а) в функции определения: nachvalą narodzonemv krolovy [Ibid.: 90]; Tho blogoslavyone plyemyą, dzbany rozbyte czyyl czalo [Ibid.: 91];

б) в функции orzecznika: yenze badzye synem borem vezvany.

9. Примеры полных форм действительного причастия в атрибутивной функции: myr lyvdzyem dobrze zuvuączym [Ibid.: 90], od boga wszechmogącego [Ibid.: 88].

—

16

—

10. Краткие формы страдательных причастий в настоящее время является стилистически маркированными: употребляются в религиозном функциональном стиле. Краткие формы Им. п. ед. ч. ср. р. на -o после утраты глагола-связки (jest stworzono → stworzono) приобрели в польском языке статус безличных и неопределенно-личных конструкций, противопоставленных конструкциям со страдательным причастием (генетически полная местоименная форма). Ср. stworzono ‘создали’ – jest stworzone ‘создано’.

Литература

Vrtel-Wierczyński 1969 – Vrtel-Wierczyński: Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejde do roku 1543. Warszawa, 1969.

Nataliya Ananyeva

Lomonosov Moscow State University

ananeva.46@mail.ru

The System of the Participles in «Peremyshl's thoughts»

In this paper is analyzed the system of the participles in so called «Peremyshl's thoughts», the apocryphal Old Polish tales about Christ and his family (XV–XVI cent.). The author considers the forms and the syntactic functions of the participles (the attributive one, the adverbial and the predicative).

Key words: *function, case, participle*

Марина Бабалык

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижи», Россия*
mg-babalyk@ya.ru

Методика текстологического анализа «Беседы трех святителей»

—

17

—

В рукописной традиции популярностью пользовались вопросно-ответные сочинения, сохранившиеся в большом количестве. Тематическая близость, обмен вопросами и ответами, соседство в рукописях усложняют их идентификацию и анализ. На примере изучения «Беседы трех святителей» в статье продемонстрирована методика текстологического анализа, позволяющая разграничивать вопросно-ответные сочинения, а также устанавливать редакции и варианты одного памятника.

Ключевые слова: *рукописная книжность, вопросно-ответные сочинения, методика текстологического анализа, апокриф «Беседа трех святителей»*

Апокриф «Беседа трех святителей» (далее – «Беседа...») относится к числу вопросно-ответных памятников, т. е. к произведениям с открытой многочленной структурой, к которым невозможно применять традиционные текстологические методы пословного сопоставления списков по причине чрезвычайной их вариативности. Мельчайшей единицей таких текстов является высказывание, представляющее собой вопрос и ответ. В русской книжности существует большое количество вопросно-ответных памятников, зачастую близких друг другу по тематике, что затрудняет их изучение. Например, «Беседу...» долгое время смешивали с рядом других произведений (с «Диалогом Василия Великого и Григория Богослова», с «Устроением слов Василия, Григория и Иоанна Феолога» и др.) [Лурье 1988: 89]. И это неудиви-

тельно, поскольку вопросно-ответные тексты на библейские темы, которые потом стали основой «Беседы...», возникли на византийской почве приблизительно в V–VI вв. [Мочульский 1893: 170–171]. Предыстория развития этого апокрifa достаточно хорошо изучена текстологами-медиевистами [Мочульский 1893; Бучилина 1994; Милтенова 2004]. В переводе на славянский язык сочинения, типологически близкие «Беседе...», известны уже в XI в. [Рождественская 1980: 649]. К XIV в. число разнообразных вопросно-ответных памятников, из которых позже «Беседа...» заимствовала фрагменты, значительно увеличилось. Самые ранние списки апокрifa зафиксированы на русской почве, они датируются XV в. Отмечая разницу между греческими, латинскими и южнославянскими вопросно-ответными сочинениями и «Беседой...», ученые неоднократно высказывали мнение о необходимости отдельного исследования «Беседы...». На протяжении многих лет я собирала и изучала русские списки этого памятника. Результатом исследования [Бабалык 2012] стало выдвижение гипотезы о русском происхождении «Беседы...» на основе переосмысленных и отредактированных южнославянских текстов под влиянием новой традиции почитания Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, сложившейся к концу XIV в., когда на Руси было введено богослужение трем святым. В начале XV в. утвердился иконописный канон и появились храмы, посвященные этим святым. Первые списки апокрifa, как было сказано выше, и наиболее ранний Индекс ложных книг, в котором упоминается «Беседа...», датируются также XV в. На основе анализа около 150 списков удалось выделить десять редакций апокрifa, установить историю текста на раннем этапе (XV–XVI вв.) и в позднее время (XVII–XX вв.). Кратко представлю методику анализа «Беседы...», благодаря которой удалось прийти к этим результатам.

На особый метод исследования указывал еще А.Н. Веселовский [Веселовский 1891: 134], предложив-

ший сравнивать между собой устойчивые повторения вопросов и ответов. Действительно, внимательный исследователь заметит, что вопросно-ответные сочинения не настолько хаотичны, какими кажутся на первый взгляд, если постарается выявить устойчивые части текста. На первом этапе необходимо изучить содержание памятника, выделить основные темы вопросов и ответов, из которых сложится тематический стержень. Анализ большого количества списков позволит увидеть разницу между памятниками. Сразу же следует обратить внимание на заглавие, поскольку оно, как показала наша практика, порой может помочь идентифицировать текст, несмотря на то, что в рукописной традиции заголовки являются наименее устойчивым элементом текста.

После того, как определится ряд списков со схожими тематическими стержнями, необходимо подготовить их к дальнейшему анализу. Для этого следует выделить смысловое ядро каждого вопроса и ответа. Например, можно использовать ключевые словосочетания, поскольку одного слова чаще всего недостаточно. Например, вопросно-ответную пару из «Беседы...» «Василей рече: что суть четыре рози на земли? Григорей рече: восток, запад, север, юг» можно записать словосочетанием «стороны света», а пару «Василей рече: како имя разбойникома? Иоан рече: первому имя Арогой иже сказуется сила, а шуюму Геста иже сказуется изыгнанье» — «имена разбойников». Сразу же отмечу, что на этом этапе анализа не стоит обращать внимания на варианты одной вопросно-ответной пары. Важно, чтобы исследователь понимал, какому смысловому ядру соответствуют те или иные ключевые словосочетания и свободно «читал» новый сокращенный текст.

После того, как весь список сочинения будет представлен смысловыми ядрами вопросов и ответов, перед исследователем появится текст-перечень вопросов и ответов. Таким образом, список становится наглядным, кратким и понятным для дальнейшего анализа. Например, небольшой отрывок из ранней Троицкой редакции «Беседы...» выглядит

так: «наречение сатаны», «высота, широта, глубина», «Петр и ризы лежащие», «три коморы», «толкование Троицы».

При сопоставлении списков, представленных в виде перечня ключевых словосочетаний, обнаруживается особенность построения текста апокрифа: многие списки состоят из блоков вопросов и ответов, то есть вопросно-ответных цепочек, в которых порядок следования вопросов и ответов достаточно устойчив. Блоки тематически разнородны, состав их складывался исторически на протяжении веков. Блок не равен границе заимствования из одного источника, но представляет собой сплав таких заимствований. Чтобы определить границу блока, необходимо сопоставить все списки, имеющие в своем составе похожие наборы вопросов и ответов. Чем больше списков, тем яснее граница блока.

На следующем этапе необходимо проанализировать порядок следования вопросно-ответных блоков и на основе его выделять редакции памятника. Далее внутри редакции определяются и ее варианты. Только после этого можно приступать к микротекстологическому анализу конкретных вопросов и ответов.

Литература

Бабалык 2012 – Бабалык М. Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. Lap Lambert Academic Publishing, 2012.

Бучилина 1994 – Бучилина Е.А. Апокриф «Беседа трех святителей» как памятник средневековой русской литературы. Автореферат диссертации канд. филол. наук. М., 1994.

Веселовский 1891 – Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха // СОРЯС. СПб., 1891. Т. 53. Вып. 6. С. 105–136.

Лурье 1988 – Лурье Я.С. Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 89–93.

Милтенова 2004 – Милтенова А. Erotapokriseis. Съчинения от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004.

Мочульский 1893 – Мочульский В.Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893.

Рождественская 1980 – Рождественская М.В. Беседа трех святителей (комментарии к тексту) // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 649–650.

—
21

Marina Babalyk

Federal State Budget Institution “Kizhi State Open Air Museum of History, Architecture and Ethnography”
mg-babalyk@ya.ru

Methods of textual analysis of «Conversations of Three Saints»

In manuscripts there are many texts in the form of questions and answers. Thematic proximity, exchange of questions and answers, proximity in the manuscripts make their identification and analysis difficult. This article presents a method of textual analysis on the example of the studying of apocrypha “Conversation of Three Saints”.

Key words: *Handwritten book-learning, works of question-answer genre, methods of textual analysis, apocryphal “Conversation of Three Saints”*

Мария Кристина Брагоне

Университет г. Павии, Италия
mariacristina.bragone@unipv.it

Формирование лингвистических воззрений И.В. Пауса через его переводы (на примере перевода «Sententiae morales» Иоанна Стобея)

В докладе рассматривается перевод антологии византийского писателя Иоанна Стобея, выполненный

И.В. Паусом; на основе анализа черного и белого списков выделяются языковые особенности перевода.

Ключевые слова: *И.В. Паус, переводы, Иоанн Стобей*

—

—

Настоящий доклад является частью проекта исследования, касающегося переводческой деятельности И.В. Пауса (1670-1735), которая рассматривается в связи с развитием его лингвистических воззрений. В этой перспективе изучение черновых и белых вариантов его многочисленных переводов является интересным и плодотворным.

В докладе рассматривается выполненный Паусом перевод известной антологии, принадлежащей византийскому литератору Иоанну Стобею (V в.) и содержащей отрывки из сочинений писателей, философов, ораторов, историков античности, таких как, например, Платон, Демокрит, Сократ, Эпиктет, Демосфен, Гомер, Еврипид, Сапфо и т.д. [Брагоне 2018: 24–34].

Перевод Пауса, дошедший в двух списках, хранится в Рукописном Отделе БАН в папке, которая включает разные материалы: БАН, Q.213.XVI. *Sententiae moralis*, л. 224–248. Оба списка, черновой и белой, содержат неполный перевод антологии Стобея. В переводе отрывки из антологии даются на немецком, славянском, греческом и латинском языках. Они расположены в четырех колонках, в каждой из которых приведен текст на одном из этих языков. Греческий и латинский тексты извлечены из издания антологии Стобея, подготовленного выдающимся ученым Конрадом Геснером (1516–1565) и вышедшего в Цюрихе в 1543 г. [Κέρας Αμαλθαίας 1543].

В соответствии с изначальным дидактическим предназначением антологии, составленной Иоанном Стобеем для сына, по всей вероятности, Паус выполнил свой перевод на славянский тоже с дидактическими целями (обучение греческому и латинскому с помощью славянского и немецкого).

В докладе предполагается выявить другие аспекты этого перевода Пауса и, в связи с этим, сосредоточиться на его лингвистических особенностях, принимая во внимание черновой и белой варианты перевода и те исправления, которые переводчик в них внес. Результаты этого анализа предоставляют новые данные для реконструкции лингвистической рефлексии Пауса.

—

—

Литература

Брагоне 2018 – Брагоне М.К. ««Sententiae morales»: сборник греческой мудрости в России XVIII века» // Дар дружества и муз. Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.-СПб. 2018. С. 24–34.

Κέρας Αμαλθαίας 1543 – Κέρας Αμαλθαίας. Ἰωάννου τοῦ Στοβαίου ἐκλογαὶ ἀποφθεγμάτων. Ioannis Stobaei Sententiae ex thesauris Graecorum delectae, quarum autores circiter ducentos et quinquaginta citat, et in sermones sive locos communes digestae, nunc primum a Conrado Gesnero Doctore Medico, Tigurino, in Latinum sermonem traductae, sic ut Latina Graecis e regione respondeant (...) Tiguri excudebat Christoph. Froschouerus, Anno M.D.XLIII.

Maria Christina Bragone

Università di Pavia, Italy

mariacristina.bragone@unipv.it

The formation of linguistic attitudes of J. W. Paus through his translations (the case of «Sententiae morales» by Ioannis Stobaei)

The report deals with the J. W. Paus translation of the Byzantine anthology by Ioannis Stobaei; based on the analysis of the draft and final lists, the author highlights the language features of the translation.

Key words: *J.W. Paus, translations, Ioannis Stobaei.*

Дарья Вашенко

Институт славяноведения РАН, Россия

daranis@mail.ru,

—

Анна Плотникова

Институт славяноведения РАН, Россия

24

annaplotn@mail.ru

—

Градищанские хорваты между Бечем, Пожоном и Шопроном: язык и письмо

Исследуется письменная традиция градищанских хорватов, в настоящее время проживающих на юге Словакии. Еще до Второй мировой войны эта часть градищанских хорватов проживала в Венгрии, поэтому сохранившиеся письма сельских жителей из приграничного села Чунова содержат ряд особенностей, характеризующих специфику венгерской орфографии начала прошлого века, ныне утраченные диалектные черты, лексические заимствования из языков окружения (прежде всего немецкого).

Ключевые слова: *рукописное наследие, латиница, наивная орфография, диалектные черты, лексические заимствования*

В основу настоящей работы лег лингвокультурный анализ писем жителя деревни Чуново Я. Стефанчича и его многочисленных родственников и односельчан до и во время Первой мировой войны (письма относятся к периоду 1908–1918 гг.), опубликованных во втором томе книги об этом селе [Maász, Miletić 2017]. Градищанско-хорватское Чуново в настоящее время находится на границе трех государств – Словакии, Венгрии и Австрии, представляя собой южный тупик в пределах города Братиславы. Присоединение этой небольшой венгерской территории к Словакии произошло только после Вто-

рой мировой войны, поэтому до сих пор в селе Чуново бытует и венгерский язык (наряду с градищанскохорватским и государственным словацким) – на нем говорит старшее поколение жителей, его использует в качестве «тайного» языка среднее поколение.

Полевые этнолингвистические исследования в Чуново и близлежащих селах Русовце и Яровце, проведенные по проекту РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», позволили сравнить современный градищанскохорватский язык жителей Чунова с тем, который отражен в переписке начала XX в. Решения авторов публикации Иве Мааса и Штефана Милетича, представляющих в книге тексты эпистолярного жанра в современной орфографии, а также фото оригиналов части писем, интересны с точки зрения современного взгляда на своеобразие градищанскохорватского языка и особенностей орфографии начала прошлого века, о которой сами авторы книги пишут, что она «частично венгерская» [Maász, Miletić 2017: 52], и заменяют на современную градищанскохорватскую.

Анализ опубликованных оригиналов писем начала XX века дает возможность показать целый ряд особенностей письменности градищанских хорватов на этой территории, прежде всего, следование венгерской, в том числе старой венгерской орфографии: так, диграф *cz* был официально заменен на *c* лишь после 1922 г., поэтому последовательно фиксируется *otacz (otac)*, *Maricza (Marica)*. Можно наблюдать и другие черты венгерской орфографии при передаче лексем градищанскохорватского языка: 1. Передача [ɾ] через *ly dragolyublyeni, pohvalyen (dragoljubljeni, pohvaljen)*; 2. передача [č] через *cs: csuda, csa, csemern csas (čuda, ča, čemern čas)*; 3. передача [s] через *sz: piszat, dosztat (pisat, dostat)*; 4. передача [š] через *s: jos, znas, nepises (još, znaš, ne pišeš)*; 5. передача [ž] через *zs: zselyim, zsito (želim, žito)*. Отсутствующий в венгерском языке звук [ć] обычно передается в письмах как *ch: chacha, na kipichi (ćaća, na kipići)*.

—
26
—

Последовательность при передаче градищанскохорватского языка средствами венгерской орфографии несколько варьируется у разных участников переписки: наиболее последовательно венгерскую норму правописания соблюдает сестра Я. Стефанчича. Отец Я. Стефанчича транслитерирует по-венгерски звуки [l̥], [č], [ć], [sz] и [ž], тогда как [c] и [š] представлены у него в немецкой орфографии: *Mariza, szerzem, otaz (Marica, sercem, otac); zaverschim, kaschaly (zaveršim, kašal)*. Так, в письме отца в устойчивой эпистолярной формуле того времени *Pohvaljen Jezus Krisztusch (Pohvaljen Jezuš Kristuš)* [l̥] передается как *ly* в соответствии с венгерскими правилами, а [š] – сначала по-венгерски, а затем по-немецки. У матери, в свою очередь, наблюдается частичный отход от тогдашней венгерской нормы и близость к фонетическому принципу письма. Например: *na szinakosi (na sinakosi)*, где первое [s] написано по венгерским правилам как *sz*, в то время как второе уже передается через *s* (как слышится). Предлог *va* мать передает как *wa*, т. е. в немецкой транслитерации. В свою очередь, у сына (Я. Стефанчича) по мере его пребывания на службе в Боснии наблюдается постепенный отход от венгерской орфографии и переход на сербскохорватскую, ср. уже в письме конца 1912 г.: *vojsko, deržat, jasam, šopron* (а не *vojszko, derzsat, jaszam, Sopron*, как ранее); в его последних письмах венгерская норма фактически остается только в составе устойчивых формул, обращений (например, *Preljubljeni Sztarji i mila szesztricza*, где [l̥] написано в хорватской орфографии, а [s] и [c] – в венгерской).

Написание ряда слов позволяет также показать и те диалектные черты в речи градищанских хорватов, которые в настоящее время в говоре уже утратились, но сохраняются, например, в речи градищанских хорватов Венгрии (с. Хорватский Жидан и др.), в чем участники экспедиции имели возможность убедиться лично во время полевых исследований градищанских хорватов в западной Венгрии в 2017 г. Так, в письмах прослеживается: *kerst, serce, kerv* и под., с наличием гласно-

го в группе *TRBT, *TЪRT, – диалектная особенность, которая в Чуново в настоящее время не была отмечена (по всей видимости, из-за следования норме градищанскохорватского языка как современного литературного микроязыка, см. [Плотникова 2016: 114–122]).

В письмах многочисленны немецкие заимствования: существительные (*ruml* < *Rummel* «шум, шумиха», *urlaub* < *Urlaub* «отпуск», *furberk* < *Fuhrwerk* «повозка, подвода»), прилагательные в составе именного сказуемого (*fertik* < *fertig* ‘готовый’, *getultig* < *geduldig* ‘терпеливый’), глаголы, в том числе модальные (*prauhat* < *brauchen* ‘нуждаться, быть необходимым’) и др. Все эти окказиональные заимствования отсутствуют в современном словаре градищанскохорватского языка [GHNr 1991]. Унгаризмы в письмах практически не представлены: нам встретилась всего одна венгерская по происхождению лексема *orsag* (< венг. *ország* ‘страна’) в одном из писем Я. Стефанчица из герцеговинского Требинья. Письма в данном случае отражают преобладающее, по сравнению с венгерскими, присутствие германизмов в повседневной речи начала прошлого века, что обусловлено, во-первых, восприятием градищанскими хорватами немецкого как более престижного языка окружения (ср. сегодняшнюю ситуацию, когда среди заимствований главенствуют словакизмы), во-вторых, теснейшими контактами с немецким населением, проживавшим не только в соседних немецких и немецко-хорватских селах на территории Австрии и в Вене (Бече), но и среди самих градищанских хорватов в селах Яровце, Русовце, Чуново, о чем свидетельствуют интервью во время проведенной экспедиции, надписи на могильных плитах, пестрящие немецкими фамилиями, и др.

Обозначения праздников, обрядовых лиц и реалий, о которых идет речь в переписке, совпадают с тем кругом градищанскохорватской лексики традиционной народной духовной культуры, которая была зафиксирована в ходе этнолингвистической экспедиции 2018 г.: *badnjak* ‘рождественский сочельник’, *kiritof* ‘праздник села’, *pir* ‘свадьба’,

–

127

–

zaručnjak ‘жених’, *staćilo* ‘предводитель свадьбы’, *pogreb* ‘похороны’, *cimiter/cimitor* ‘кладбище’ и др. Любопытна также и опубликованная запись молитвы начала прошлого века, показывающая как жанровые особенности молитвы-заговора, так и специфику градищанскохорватской лексики записанного сакрального текста.

—
28

Литература

Плотникова 2016 – Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.

GHR 1991 – Gradišćansko-hrvatsko-nimški rječnik. Zagreb – Eisenstadt, 1991.

Maász, Miletić 2017 – Maász J., Miletić Š. Čunovo. T. II. Sudbina Jandre Štefančica osud Ondreja Štefančsicha. Bratislava, 2017.

Daria Vaschenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
daranis@mail.ru

Anna Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
annaplotn@mail.ru

Burgenland's Croats between Bech, Pozhon and Shopron: language and writing

Written tradition of Burgenland's Croats currently residing in the South of Slovakia is under consideration. Before the Second World war, this part of Burgenland's Croats lived in Hungary, so the preserved letters of rural residents of border village Chunova contain a number of features characterizing the specifics of the Hungarian spelling of the beginning of last century, now lost dialect features, lexical borrowings from the languages of the environment (primarily German).

Kew words: *handwritten heritage, Latin, naive spelling, dialect features, lexical borrowings*

Аница Влашич-Анич

Старославянский институт, Хорватия

vlasican@stin.hr

О результатах последних исследований глаголицы в капуцинских библиотеках

—
29

Сообщение посвящено наиболее значимым результатам междисциплинарного изучения новых находок глаголических, латинских и еврейских «пергаментов на каждый день»* — драгоценных памятников средневековой мультиписьменности, которые автор открыла в капуцинских библиотеках в Хорватии. В центре внимания — идентификация четырех хорватских глаголических пергаментных отрывков XIII века, переходного периода хорватского глаголизма. До настоящего времени было известно лишь 30 фрагментов этого периода.

Ключевые слова: *междисциплинарность, «пергаменты на каждый день», хорватский, глаголический, XIII век*

Anica Vlašić-Anić

Old Church Slavonic Institute, Croatia

vlasican@stin.hr

About the results of the most recent Glagolitic research in capuchin libraries

The author will briefly report on the most significant results of the latest interdisciplinary research of newly discovered Glagolitic, Latin and Hebrew “jeans-parchment” (Vlašić-Anić): precious monuments of medieval multiliteracy which he discovered in capuchin libraries in Croatia.

---

* Термин предложен как интертекстуальная аллюзия на книгу Александра Флакера «Proza u trapericama».

Special attention will be devoted to the identification of 4 Croatian Glagolitic parchment fragments from the 13th century – the transitional period of Croatian glagolism from which only 30 fragments have been known so far.

Keywords: interdisciplinarity, “jeans-parchments”, Croatian Glagolitic, 13th century

—
30
—

Александра Вранеш

Белградский университет, Сербия

aleksandra.vranes@gmail.com

Лиляна Маркович

Белградский университет, Сербия

ljiljana.markovic@gmail.com

Сербская библиография старопечатных и редких книг

Библиографические описания старопечатных и редких книг – пример подлинного исследовательского подвижничества. Внимание редких сербских библиографов XVIII века больше и чаще устремлялось на старые сербские печатные книги, нежели на изучение монастырских библиотек, поскольку первыми библиографами были литературоведы, писатели, языковеды, редакторы периодических изданий. Первые описания, которые, согласно систематизации Деяна Медаковича, были сделаны в 1734, 1753 и 1771 годах, сопровождались монографиями, посвященными монастырям Фенек (1779), Войловица (1801) и Хиландар (1814).

Ключевые слова: *сербская библиография, старинные сербские печатные книги, сербские редкие книги.*

Старопечатные и редкие книги находятся под защитой «Закона о культурных ценностях», который, как правило, задает уровень значимости той или иной книги для национальной культуры в соответствии с хронологическим

принципом. К старопечатным и редким книгам на югославских территориях относят издания до 1867 года — года официального принятия системы правописания Вука Караджича. Однако есть те, кто предлагает поднять эту границу до 1900 года как рубежа веков. И в Сербии, и в мире бесспорной высокая ценность остается у инкунабул и т.н. «сербулей», которые некоторые из исследователей объединяют вместе. Но если инкунабулы — это печатные издания до 1500 года (для сербских книг эта граница сдвинута до 1638 г.), и их в мире насчитывается всего около 45 000, то сербули — это и рукописные, и печатные книги церковного содержания на сербославянском языке, сохранившие следы сербских народных говоров.

С самого начала XIX века старинные сербские печатные книги были предметом описания и учета библиографов. Поиски истоков сербского книгопечатания стремились установить его роль в формировании сербской культуры. В газете «Новине сербске» в 1816 году вышел труд «Об исправлении славянских церковных книг» — по сути краткая летопись книжности со времен Кирилла и Мефодия до патриарха Макария с беглым, не всегда достоверным обзором церковных книг. Некоторые из библиографов, например, Павле Соларич, сосредотачивались только на «возникновении» сербского книгопечатания в Венеции в XVII в., в то время как другие, например, Лукиан Мушицкий и Георгий Магарашевич, стремились к отражению более широкой картины. Так, Мушицкий составил перечень 23 древних сербских книг, которые он видел лично в 24 монастырях, привел при этом точные данные об их заглавиях, месте и годе издания (иногда заменив год издания годом сдачи рукописи в печать), о формате, издателе, меценате, но не указал количество страниц, а также сведения о печатнике, годе выхода и принадлежности книги тому или иному монастырю*.

---

* Мушицкий продемонстрировал широту познаний о сербских монастырях и сербских типографиях на территории Османского царства,

Сербские старопечатные книги и сербули не были предметом исключительного интереса ни одного из библиографов XIX века, но в 1830-х годах о них писали Вук Караджич, Георгие Магарашевич, Адам Драгосавлевич, Павел Йозеф Шафарик. Несмотря на то, что Вук Караджич не занимался библиографией, его статья «Начало описания сербских монастырей»* стала первым библиографическим трудом о сербулях, который содержал краткое и ясное объяснение важности занятий этой темой.

Aleksandra Vraneš

University of Belgrade, Serbia
aleksandra.vranes@gmail.com

Ljiljana Marković

University of Belgrade, Serbia
ljiljana.markovic@gmail.com

Serbian bibliography of old and rare books

Old and rare books are protected by the Cultural property law, which, mainly chronologically, determines the degree of their importance for the culture of one nation. An old and rare book on Yugoslav territory is considered to be publications until 1867, the year of the adoption of the Vuk's spelling, while there are proposals for 1900, as intermittent for the new century. It is undeniably always, in the world and in our country, the evaluation of the incunabula and srbulja, the terms that sometimes, some of them identifies. While inkunabules were printed until 1500 (for the Serbian book, the border was shifted to 1638), which in the world has a total of about 45,000, Srbulje are also manuscript and printed books of the church

---

однако порой ошибочных (к примеру, он утверждал, что в Венеции в начале XVI в. существовали две типографии — Божидача Горажданина и Божидача Вуковича-Подгоричанина).

* Сабрана дела дела Вука Караџића. Књ. 8. С. 642-646.

character in the Slavonic-Serbian language, which preserved the characteristics of Serbian folk speech.

At the very beginning of the 19th century, the old Serbian printed books were the subject of bibliographers. The search for the beginnings of the Serbian printing industry, aimed at determining its role in the formation and historical development of Serbian culture. In Novine serbske was published paper in 1816 O popravljanju slavenski crkovni knjiga, which is actually a short chronicle from Cyril and Methodius to Patriarch Makarije, with a superficial overview of church books without reliable data. Some of the bibliographers, like Pavel Solaric, kept their attention only on the “concepts” of the Serbian printing industry in Venice in the 17th century, while others, such as Lukijan Mušicki and Georgije Magarašević strived to the completeness. Mušicki thus recorded 23 old Serbian books he personally saw in 24 monasteries, citing reliable data on the title, place, year of publication (occasionally replacing the year of publication by the year of handwriting in print), format, publisher, adherents, denying information about the number of pages, the printer, the year of printing and the book belonging to a monastery).**

The old Serbian printed books were not exclusively the subject of interest in a 19th-century bibliographers, but in the 1930s Vuk Karadžić, Georgije Magarašević, Adam Dragosavljević, Pavel Jozef Šafarik wrote about them. Although Vuk Karaic did not deal with the bibliography, his text Početak opisanija srpski manastira*** is the first bibliographical attachment about srbulje with a clear and concise explanation of how to deal with this topic.

Key words: *Serbian bibliography, old Serbian printed books, Serbian rare books.*

** Mušicki showed the breadth of his knowledge of Serbian monasteries, Serbian printing houses on the Turkish Empire, and sometimes and insufficient information (about the existence of two printers of Božidar Goraždanin and Božidar Vuković Podgoričanin in Venice at the beginning of the 16th century, for example).

*** Сабрана дела дела Вука Караџића. – књ. 8. С. 642-646

София Вуйчич

Белградский университет, Сербия

sovujcic@gmail.com

—
34
—

Смысловые инверсии: миф и религия в сборнике стихотворений Миодага Павловича «Светлые и темные праздники»*

В докладе анализируется, каким образом принципы света и тьмы сдвигают идейную направленность поэтического сборника. Художественная циклизация — лирически одновременно открытая и закрытая — собирает голоса, истории и маски: от полифонии до полисемии празднеств. Ритуальная поэтика, описанная в эссе Павловича, раскрывает свою логику в его стихах при помощи мариологического и теологического культа. Здесь же предлагается *основа для* рассмотрения возникновения храма, для взгляда на метаморфозы, православную духовность, тайный язык, а также на медитации о мифе.

Ключевые слова: *Миодраг Павлович, «Светлые и темные праздники», мифическое событие, библейское цитатное пространство*

В 1971 году «Светлые и тёмные праздники» завершают порядок взаимосвязанных сборников стихов М. Павловича, который начинается «Молоком исконны». Название «Светлые и тёмные праздники» указывает на напряженность поляризации, на смену взлётов и падений цивилизаций, а также на стремление вопреки антагонизму к целостности, к гармонии между человеком и Богочеловеком. Разумеется, биполярная классификация задает содержание самих стихотворений.

Мифологический ряд поэтического мира сборника гармонирует с богатой тематической палитрой встречи человека

---

* Перевод с сербского М. Обижаевой.

с трансцендентным. Мифическое событие, «в котором пересекаются реальности»**, кажется основаным на поэзии, которая, как указывает Злата Коич, проистекает «из печального осознания того, что человек ведёт неравоправный диалог с космическим, божественным, с целью принятия решения о том, как сократить недопустимое расстояние» [Коич 2010:460] в драме «человек — бог» [Делић 2010:51]. Апострофический призыв сакральной поэзии «Светлых и тёмных праздников», их библейский тон и христологические аллюзии требуют возможности божественного просвещения между катафатическим и апофатическим актом, между исчезновением старых богов и неизвестным объявлением Логоса в секулярном существовании.

В докладе предпринимается попытка описания мировоззрения в поэзии Миодрага Павловича. В фокусе окажутся, во-первых, проблема говорящего субъекта, концепция пространства и времени, во-вторых, вопросы, связанные со словотворчеством и цитатным пространством, прежде всего, библейским, из чего следует, что исторический код можно понимать как код за гранью реальности.

Многозначность сборника определяется множеством лирических точек зрения — голосом человека, множества или двойственности. Лирические голоса — это эхо метавремени завета, хотя слышны и лирические голоса, присутствующие на языческом торжестве. Новая жизнь космоса — это начало тяготения к центральному, антропологическому моменту. Истинная точка отсчета поэзии гуманистического вектора — всегда человек. В некоторых стихотворениях лирическое «я» занимает позицию «мы», оно может обращаться к множественному мирскому «вы», или быть на «ты» в личной исповеди. Осознание ответственности за выбор между правильным и ошибочным является целью открытия иной реальности в повседневном.

** «Митски догађај је онај у којем се укрштају реалности, или боље уобличен осећај да стварност коју осећамо као дату и очигледну, наткриљује или окружује још једна стварност» [Павлович 1999, 63].

Ассоциативный прототип опирается на языковую мощь образа, аллюзии и символа. Христианское завещание духовной поэзии Миодрага Павловича обнаруживается уже в именовании — эпифания опирается на календарь, праздничный кодекс и библейские цитаты. Опыт Иисуса на земле воспринимается в сборнике как образец для подражания. Этот опыт объединяет события: рождение, смерть, воскресение, — и фигуры жертвы и спасителя.

Онтологическое и моральное измерение поэзии берет начало в жертвоприношении старого «я» и его реальности ради воскресения нового духа в теле во время земного существования. Посредством структуры стихотворений Миодрага Павловича обнаруживается святость посреди древнего и нынешнего, в передаточных функциях символов исторического и библейского, в объединении языческого, ветхозаветного и новозаветного.

Литература

Делић 2010. — Делић Ј. Уз поезику Миодрага Павловића // Песништво и књижевна мисао Миодрага Павловића: зборник радова, уредник Делић Ј., Белград.

Коцић 2010. — Коцић З. Символика «Међустепеника» Миодрага Павловића // Песништво и књижевна мисао Миодрага Павловића: зборник радова, уредник Делић Ј., Белград.

Павловић 1971 — Павловић М. Светли и тамни празници, Нови-Сад.

Павловић 1999 — Павловић М. Свечаности на платоу (обреди поетичког живота), Белград.

Sofija Vujčić

University of Belgrade, Serbia

sovujcic@gmail.com

Semantic inversions: Myth and religion in *Light-coloured and Dark-coloured Holidays* by Miodrag Pavlovic

This paper examines how the principles of the light and the darkness displaces the semantic focus of the book of poetry. The artistic cyclization, in the lyrical manner at the same time free and closed, collects voices, stories and masks, from polyphony to polysemy of festivities. It turns out that ritual poetics, published in Pavlovich's essay, revealed its logic in verse, created within the mariological and theological cult. At the same time, a base for analysis of metamorphosis and the constructing of the temple, for analysis of the orthodox spirituality and the secret language, as well as the basis of meditations about the myth is achieved.

Key words: *Miodrag Pavlovic, Light-coloured and dark-coloured Ceremonies, mythical occurrence, intertextuality*

Оксана Горбань

Волгоградский государственный университет, Россия

oa_gorban@volsu.ru

Марина Косова

Волгоградский государственный университет, Россия

mv_kosova@volsu.ru

Елена Шептухина

Волгоградский государственный университет, Россия

em_sheptuhina@volsu.ru

**Черновики документов XVIII в.:
лингвистическое содержание правок***

Исследование выполнено на материале архивно-фонда «Михайловский станичный атаман» (Госу-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса документов XVIII – XIX вв. канцелярий Войска Донского»).

дарственный архив Волгоградской области). Лингвистический анализ характера исправлений в черновиках документов и интерпретация мотивов выбора того или иного речевого варианта позволил выделить правки трех типов: фактуальные, стилистические, коммуникативно-прагматические. Сделан вывод о возможности реконструкции речемыслительной деятельности составителей документов, о воссоздании истории языка сквозь призму человеческого фактора.

Ключевые слова: история русского делового языка, региональная письменность, документ, черновик, правка текста

Черновики как подготовительные варианты создаваемых текстов являются объектом исследований с позиций текстологии, источниковедения, истории. В трудах по текстологии разработаны основные понятия, принципы, методы, приемы изучения процесса создания и бытования литературных текстов [Бонди 1971; Лихачев 2001; и др.]. Черновики деловых документов привлекаются учеными наряду с другими архивными источниками для решения целого ряда источниковедческих задач и рассматриваются в ряде случаев с точки зрения также палеографии и текстологии; в отдельных работах используются элементы описания лексических единиц [Еремин 2014: 150–151]. На наш взгляд, лингвистический анализ черновых текстов документов, характера производимых в них правок позволит не только представить последовательность создания документного текста, но и увидеть в нем отражение речемыслительного процесса, реконструировать речевую деятельность писавшего их человека.

Специфика документного текста (стандартность композиции и ряда речевых средств, типизированность отражаемой в документе ситуации, регламентированность официальной коммуникации и др.) вносит ограничения в использование черновых документов как

основы для реконструкции индивидуального речевого мыслительного процесса, тем более если рассматриваются документы предшествующих исторических периодов с их культурными, ментальными, языковыми отличиями от современности. Тем не менее такой подход к лингвистическому анализу черновики документов правомерен, поскольку речевая деятельность в принципе не исключает создания типовых текстов, о чем писал еще М.М. Бахтин [Бахтин 1979: 231]; документные тексты содержат также части, где составитель относительно свободен от клише; достаточная достоверность в трактовке мотивов производимых правок возможна, если учитывать исторический контекст.

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются черновики исходящих документов фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области, созданных станичными писарями в канцелярии Михайловской станицы в 1734–1753 гг. (ГАВО. Ф. 332, оп. 1, д. 1–9). Тексты могли диктоваться писарю высокопоставленным лицом либо создаваться на основе его рассказа как вторичные; задача пишущего заключалась в письменном воплощении общего содержания и оформлении этих текстов по правилам делопроизводства. Документы составлены разными писцами, но каждый документ в отдельности, судя по почерку и чернилам, — одним человеком.

Правка осуществлялась путем зачеркивания, вставки (между строк либо на полях), собственно исправления единицы текста (предпочитаемый вариант обычно надписывался над зачеркнутым). Отмечены исправления, которые производились в процессе порождения высказывания либо после его завершения или завершения всего текста.

Лингвистическая интерпретация правок позволила разделить их на фактуальные, стилистические, коммуникативно-прагматические.

Фактуальная правка связана с содержанием документа и нацелена на адекватную передачу фактуальной информации [Горбань и др. 2016: 185]. Она осуществляется посредством вставки развернутого текстового фрагмента или отдельного слова, выражения, дополняющего уже имеющуюся в документе информацию: *от(е)ць ево Василѣи Милованов был козакъ и козачьи службы в равенстве в той станицы с козаками производил а онъ Селиванъ доподлинно козачиу сынъ а отецъ ево умре там* (ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5; вставка выделена).

Стилистическая правка носит собственно языковой характер и затрагивает лексический, грамматический, текстовый уровни. В результате текст документа приводится в соответствие требованиям деловой речи – обеспечивается точность, устраняются диалектные, просторечные и вводятся книжные элементы и т. д. Это могут быть вставки и замены лексического характера: *на бахче на огороде* (ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 4 об.), здесь диалектное *бахча* заменено на общеупотребительное *огород*; грамматического: *насать ѿт восмнатцать летъ* (ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5), изменение порядка слов сняло значение неопределенности; *доношение было писано было* (ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6), спрягаемая форма сказуемого перенесена в конец в соответствии с требованием книжной речи; и др.

Стилистическая правка может определяться стремлением реализовать требования логичности, связности, целостности текста, разнообразить текст путем использования синонимов.

Правки коммуникативно-прагматического характера обеспечивают соблюдение речевого этикета, упрощают восприятие представляемой в документе информации, способствуют усилению воздействия на адресата. Например: *писано было к любезнейшему вашему родителю Данилу Евремовичу а нашему высокомилоствивому отцу и к[ормильцу] Данилу Евремовичу* (ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6),

составитель начал писать имя, зачеркнул его и продолжил с использованием этикетной формулы.

Черновики исторических официальных документов, несмотря на стандартизованность структуры и речевой организации, отражают порождение документных текстов как творческий процесс. Создавая документ, писарь руководствовался различными целями. Анализ последовательности производимых правок дает возможности для реконструкции речемыслительной деятельности составителей документов, их языковых и профессиональных компетенций, а в целом – выявить тенденции развития русского литературного языка в XVIII в. с учетом языкового вкуса, представлений о «хорошей» и «правильной» речи, в том числе в сфере деловой письменности.

Литература

Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., С. 237–280.

Бонди 1971 – Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1971.

Горбань и др. 2016 – Горбань О.А., Ильинова Е.Ю., Косова М.В., Шептухина Е.М. Жанровые особенности войсковых грамот XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 18, № 4 (157), 2016. С. 182–199. DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.074.

Еремин 2014 – Еремин А.И. 2014. Черновики документации русской классической гимназии конца XIX – начала XX в. как источник для изучения истории повседневности // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 19 (141). С. 141–153.

Лихачев 2001 – Лихачев Д.С. Текстология (на материале литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.

Oxana Gorban

Volgograd State University

oa_gorban@volsu.ru

Marina Kosova

Volgograd State University

mv_kosova@volsu.ru

—
42

Elena Sheptukchina

Volgograd State University

em_sheptuhina@volsu.ru

Draft documents of the XVIIIth cen.: linguistic editing

The research is based on the documents from Fond «Mikhailovsky Stanitsa Ataman», State archive of Volgograd region. Linguistic interpretation of motivations on corrections and selection of a certain variant of the utterance for the written text drafts resulted in distinguishing three types of corrections: factual, stylistic, and communicatively pragmatic. In conclusion it is stated that reconstruction of the human language history may be viewed through reconstruction of mental-and-speech activity of officialese writers.

Keywords: *history of Russian administrative language, regional writing, document, draft, text correction*

Кристиано Дидди

Университет г. Салерно, Италия

criddi@gmail.com

**К вопросу о кирилло-мефодиевских переводах
«славянских книг»**

В докладе автор обращается к вопросу о «славянских книгах», привезенных Кириллом и Мефодием в Рим для

получения папского благословения. Под определением «славянские книги» (Житие Константина 17:5), как правило, имеются в виду «богослужебные книги», якобы переведенные миссионерами во время их миссии в Моравию. Однако тщательный анализ рукописной традиции Жития Константина не подтверждает гипотезу об активной переводческой деятельности двух братьев по прибытии в Моравию. Напротив, на основании рукописей можно предположить, что на новый глаголический алфавит были «переложены» или «записаны» тексты, бывшие в обиходе в регионах, уже евангелизированных франкским духовенством. В целях более точной идентификации данных текстов в докладе принимается во внимание литературное наследие ирландских и франкских миссионеров периода VIII–IX вв. Автор предлагает вновь обратиться к кирилло-мефодиевским источникам, оставив в стороне идеологические предубеждения, и дать им буквальное толкование, исходя из действительно содержащейся в них информации.

Ключевые слова: *Кирилло-мефодиевские источники, Житие Константина, Житие Мефодия, славянские книги, славянские писмена*

Cristiano Diddi

University of Salerno, Italy

crdiddi@gmail.com

Some Remarks about the Cyrillo-Methodian Translation of the “Slavic Books”

The author takes as a starting point the account about the “Slavic books” (книгы словенскыє – Vita Constantini 17:5) brought to Rome by the Slavic apostles Constantine-Cyrill and Methodius, and their blessing by Pope Adrian II. By “Slavic books,” scholars usually mean loosely defined “liturgical books” allegedly translated by Cyrill and Methodius in Great Moravia. However, careful reexamination of the

vitas' entire manuscript tradition cannot support the assumption that, after his arrival in Moravia, Constantine continued to engage in translation activities. Taking up a proposal advanced in the past by other scholars, it is quite possible that, instead of *translating* some undefined "liturgical texts" (see Vita Constantini 15:2 *вьсь цркѡвныи чинь прѣложь/прѣимь*), Constantine "transferred", "transcribed" or "fixed" in Slavic letters texts that had already been translated. For a more precise identification of these translations, the author briefly reexamines the literature produced by Irish and Frankish missionaries in the dioceses of Salzburg, Regensburg, Freising, Passau during the 8th and 9th centuries. In conclusion, the author invites to re-read the Cyrillo-Methodian sources afresh, without any theoretical nor ideological bias, keeping in mind that these texts are primarily literary and ideologically inflected works, not historical sources.

Key words: *Cyrillo-Methodian sources, Vita Constantini, Vita Methodii, Slavic Books, Slavic letters*

Людмила Дони́на

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Институт лингвистических исследований РАН, Россия
ldonina@mail.ru

Старые существительные типа *щеня* в свете «нового» источника – «Летописца Еллинского и Римского»

Текст «Летописца Еллинского и Римского» содержит около 4500 существительных в 35000 употреблений. Основное внимание уделено функционированию существительных словоизменительного класса, восходящего к консонантному склонению на *-t.

Ключевые слова: *древнерусский язык, морфологические изменения, имя существительное, «Летописец Еллинский и Римский».*

1. «Летописец Еллинский и Римский» второй редакции как источник исследования периферийных именных парадигм древнерусского языка. Грамматика древнего языка может быть «извлечена» в первую очередь из текста, и каждый памятник ценен. Крупнейший хронограф «Летописец Еллинский и Римский» должен занять достойное место среди источников изучения древнерусского языка, несмотря на специфические черты, затрудняющие построение какой-либо непротиворечивой теории на базе извлеченных из него фактов.

Лингвистическое изучение хронографа вводит в научный оборот данные, важные для понимания изменений в словоизменительных классах существительных, в частности, восходящих к консонантному склонению. «Летописец» отличается «энциклопедизмом» и огромным объемом материала (4500 сущ.; 35000 употреблений). Наблюдению доступны, например, практически все слова, когда-либо причислявшиеся к склонению на *-es, во всех падежно-числовых формах. Представлены грамматические формы всего древнерусского периода (списки датируются XV–XVII вв., включены источники с X–XI вв.), что углубляет временную перспективу исследования.

Для анализа избраны сущ. типа *щенья* как наименее обеспеченные фактологическим материалом.

2. Состав лексем, частотность, представленность падежно-числовых форм сущ. типа *щенья*. Сущ. с древней основой на *-t объединяются в словоизменительный класс системой флексий, а также словообразовательными (формант *-ят*), морфологическими (средний род, одушевленность), лексическими («невзрослость») признаками, что накладывает значительные ограничения на вхождение слов в эту группу. В тексте «Летописца Еллинского и Римского» их менее 1% от числа употреблений сущ. Это наименьший процент, так, сущ. на *-es, *-n, *-й имеют примерно по 5% употреблений.

Признаки принадлежности к словоизменительному классу проявляют 10 слов в 145 употреблениях: *дѣтя*/

дѣти, отрочя, внучата, близянти; щеня, ов(ь)ча, ося, агня, жрѣ(е)бя, (?)дичата.

Относительная частотность падежных форм сущ. в «Летописце» обычна для памятников XV в. [Именное склонение 1977: 91–93]. Однако на словоформы мн.ч. приходится 60,69% употреблений; подобного соотношения не отмечается в тексте для других групп существительных. Статистические исследования именного склонения славянских языков фиксируют обратное соотношение, постоянное для разных веков, жанров, книжных центров. В памятниках XV в. на формы мн.ч. приходится 19,22% употреблений [Там же: 100–102]. Это свидетельство выхода из активного употребления словоформ ед.ч.

3. *Формоизменение. Основы с формантом -ят и без него.* Изменения этой группы имен концентрируются не в типе основы: словоформы мн.ч. содержат *-ят*, исключением издревле является сущ. *дѣти*; в ед.ч. с тем же многовековым постоянством употреблялись без *-ят* сущ. в Им.-Вин. и звательной форме. Традиционной выглядит и система флексий (в Твор. вместо *-ьмь* выступает *-ем*). Под воздействием склонения на **-i* наблюдается активизация флексии *-и*, которая употребляется в ед.ч. не только в Дат. п., где она исконна, но и в Род. (с древней флексией *-е: отрочяте/отрочяти*), и в Мест. Во мн.ч. замена исконного окончания на новое по образцу **-ѡ*-склонения наблюдается в Твор. п.

4. *Влияние морфемного, лексического, синтаксического уровней языка на сокращение разнообразия и употребительности существительных.* Изменения словоизменительного класса, зафиксированные «Летописцем», вызваны морфологическими процессами. Наблюдается и синергетическое влияние других языковых уровней.

А) Лексические факторы

Наличие слов определенной группы в конкретном памятнике обусловлено его жанром и содержанием. В «Летописце» отмечены контексты, в которых возможно употребление сущ. на **-t*.

1) «Естественнонаучные» описания. Рассказывается о размножении *животинъ: тѣлорози ... рогы ся сѣгпають у древа и висят и тако ражают дѣти* [Летописец 1999: 171]. Лексема *дѣти* приобретает свойства гиперонима. Применяются видовые обозначения: *ражается леонисъ* [Летописец 1999: 165]; *в тѣхже огнех ражаются черви, нарицаемии каламандра* [Летописец 1999: 134].

Слова на -ят редки: *Орли ... възносят агнята* [Летописец 1999: 105]; *ослица дикия съ жръбяты* [Летописец 1999: 136] (замена производящей основы).

2) Повествования о событиях человеческой жизни: Упомянуты *козы, кобылници* (как и *хортица*, не отмечено в Словаре И.И. Срезневского), *говяда* и др.: *привозят ... жито на вельблудех борзых* [Летописец 1999: 139].

Имеются названия молодых животных: *идеже псы щенятся, у хортици взяти щеня* [Летописец 1999: 482]; *внидохом в пещеру ту на ослицах, а жребята извязавше внгъ дверии* [Летописец 1999: 136]. Процесс распространения номинации на близкий «отряд» затронул сущ. *щеня* (им названы детеныши собаки и гиены, последние именуются также словом *дѣти*) и *жребята* (здесь вместо *ослята*, ср. *ослята пастьявше* [Летописец 1999: 449]).

3) Связанные с верованиями *тѣглища*, а также произведения искусства: *лвы камены; дивии вепрь мѣдяныи* и др.

4) Риторические фигуры, включающие сущ. *трепестник* ‘обезьяна’, *рысь, голубь* и др.: *яко угоря не может яти, тако и того философа* [Летописец 1999: 294]. Названия детенышей являются символами: *кротцаише овчати коня показа* [Летописец 1999: 448]; *агнец Божий; бысть агня Христова вмѣсто волка* [Летописец 1999: 461].

Таким образом, обилие названий животных (более 100) и разнообразие контекстов незначительно увеличивают представленность сущ. данного класса. Распространение некоторых наименований на всех молодых животных (*дѣти*) или на определенные семейства (*жребята, щеня*) сокращает состав группы.

Б) Морфемно-словообразовательные процессы

В памятнике имеются номинации невзрослых особей, не связанные с формантом *-ят*: *птичь, птичищъ, младенец, чадо* и др. Они оказываются в ряду однокоренных слов с другими суффиксами: *дѣтя–детище, агня–агнецъ, отроча–отрочище–отрочищъ–отрок(ъ)*.

Словообразовательное варьирование накладывается на наличие двух основ: с формантом и без него. Процесс утраты некоторых слов в ед.ч. выглядит практически завершенным к XV в.: во мн. *внучата* и *внуци*, в ед. *внук(ъ), внука*; в дв. *близняти*, в ед. *близнецъ*.

В) Синтаксические факторы

Сочетания имени животного с прилагательными *маленький, молодой* дублируют однословные названия или оказывается основным способом номинации: *имгю жребца младыя, маль змищъ*.

5. *Выводы.* Рассмотренные изменения уменьшают продуктивность класса. Малочисленность сочетается с невысокой функциональной ценностью лексем, что заметно при сопоставлении сущ. на **-t* (10 слов, 145 употреблений) и **-s* (18 слов, но 1434 употребления). Возможность вхождения в «подходящие» контексты остается нереализованной.

Отдельные слова становятся гиперонимами; используются словосочетания типа *маль змищъ*. Позднейшей замене сущ. ед.ч. словами с суффиксом *-онок/-ок* способствовало многообразие параллельных именовании с разными суффиксами. Сохранение старых основ во мн.ч. соответствует тенденции числового противопоставления. Парадигма с двумя основами сохраняется в русском языке как для сущ., восходящих к типу на **-t*, так и для новых и окказиональных (*даунята, куклята*).

Литература

Именное склонение 1977 – Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв: Лингвостатистический анализ. Отв. ред. Н.А. Мещерский, А.С. Герд. Л.

Летописец 1999 – Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб.

Ludmila Donina

Saint Petersburg State University, Russia

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

ldonina@mail.ru

**Old Nouns of the «Shchenya» Type in the Light
of the New Source – «Hellenic and Roman Chronicle»**

—

—

The text «Hellenic and Roman Chronicle» (35000 items) contains about 4500 nouns. The focus of the paper is on the functioning of the nouns that refer to inflectional class of consonantal origin by *-t.

Key words: *Old Russian, morphological alterations, noun, «Hellenic and Roman Chronicle»*

Маргарита Живова

Римский университет Рома Тре, Италия

zhivova2002@gmail.com

**Оригинальные стихи в нестишном Прологе XVI в.
PIO Slavo 5**

Уникальный Пролог XVI в. из собрания Папского Восточного института в Риме, P.I.O. Slavo 5 не только содержит ряд текстов, не известных больше ни по одному списку, но и представляет собой особую версию Пролога: к текстам так наз. Простого пролога добавлены оригинальные (непереводные) стихи, что уподобляет его прологу стишному, появившемуся в православно-славянской традиции в XIV в., где житиям были предпосланы переведенные с греческого «стихи». Хотя римский пролог уже привлекал внимание исследователей, и несколько оригинальных текстов из него было опубликовано, до сих пор остаются не изученными стихи, сопровождающие житийные тексты. В докладе

будут представлены первые результаты анализа этих произведений и показано, как именно они создавались.

Ключевые слова: *Пролог, XVI век, оригинальные сочинения*

—

—

В представляемом докладе речь пойдет об уникальном Прологе начала XVI в. из собрания Папского Восточного института в Риме, P.I.O. Slavo 5. Как известно, с XII в. на Руси получает большое распространение так наз. Простой Пролог, содержащий, помимо житий святых, учительные тексты и бытующий в двух редакциях – краткой и пространной. В XIV в. у южных славян переводится и распространяется другой тип Пролога, так наз. Пролог Стишной, где проложным житиям предпосланы стихи, являющиеся переводом стишного календаря Христофора Митиленского (XI в.). Эти стихи состоят обычно из двух или трех строк, где кратко, и иногда метафорично, изображается подвиг святого, причина и дата его смерти. В конце XIV в. Стишной пролог попадает и на Русь, где, по образцу Простого, дополняется учительной частью. В отличие от Балкан, на Руси Пролог Стишной не вытесняет Простой, оба типа книг сосуществуют. Как указывает А.А. Турилов, на Руси «представлены три варианта соединения стишной и нестишной редакций: 1) присоединение к Стишному прологу готовой учительной части из нестишного; 2) присоединение стихов (взятых из стишной редакции или же написанных заново) к нестишному; 3) создание нового набора учительных статей, частично с использованием традиционного» [Турилов 2006: 71–72]. Второй тип (присоединение стихов к нестишной версии Пролога) известен по единственному списку Пролога на мартовскую половину года, так наз. «римскому» Прологу P.I.O Slavo 5.

Римский пролог был представлен впервые в Описании славянских рукописей Папского Восточного Института А. Джуровой и Кр. Станчева [Джурова, Станчев 1997: 22–25] с указанием содержащихся в нем житий рус-

ских святых. В рецензии на *Описание* А.А. Турилов отметил, что «все (!) жития русских святых (кроме киевских святых домонгольского времени и виленских мучеников), неизвестны по другим спискам» [Турилов 2001: 120–122] и предположил, что памятник был создан во Пскове. В 2003 г. А.А. Турилов опубликовал уникальное житие Евфимия Суздальского по «римскому» Прологу [Турилов 2003]. Позднее к русским житиям Пролога обращается также А.Г. Бобров, предполагающий новгородское происхождение рукописи, и публикует из нее пять житий новгородских святых [Бобров 2011: 265–275]. В последнее время к памятнику обратилась и М.Б. Плюханова, опубликовавшая и прокомментировавшая молитвенный текст из пролога РЮ Slavo 5, так наз. «Стихи о Софее» [Плюханова 2015].

До сих пор, однако, без внимания исследователей остаются и «традиционная» часть памятника, изучение которой могло бы быть немаловажным в текстологии Пролога, и предпосланные житиям стихи, которые, собственно, и составляют его необычность в не меньшей степени, если не в большей степени, чем содержащиеся в нем уникальные жития.

Задачей исследования, представляемого в настоящем докладе, является комплексный анализ текстов стихов. Изучение этих произведений выявило их подражательный характер. Очевидно, автор был знаком с классическими переводными стихами стихного пролога и пытался по крайней мере на внешнем уровне следовать традиции. Так, перед каждым стихом, как это принято в стихном прологе, читается указание «Сти(х)», начальные буквы строк выделяются красным. Эти произведения могут содержать несколько строк (стихов), а могут сводиться к нескольким словам (и, редко, даже к одному слову). В плане содержания автор также следует традиции: в большинстве случаев в стихах сообщается суть духовного подвига святого и некоторые сведения о его кончине (это может быть место, причина, реже – в отличие от стихов Христофора Митиленского – дата). При

этом русский книжник скорее всего даже не пытался подражать изысканной литературности византийского поэта, часто использовавшего метафоры, рифмы, обыгрывающего «говорящие» имена и т.д., что до некоторой степени было успешно отражено и в славянском переводе произведений. Примечателен факт (не имеющий пока что однозначного объяснения), что тексты новых русских житий в римском прологе не имеют проложных стихов (в отличие от некоторых рукописей стихного пролога балканского происхождения, в которых жития южнославянским святым, сопровождаются оригинальными стихами). Стихи предпосланы только традиционным житиям.

Как замечает в цитированной выше рецензии на *Описание* А.А. Турилов, «данная редакция представляет попытку создать вариант Стишного пролога, что называется, из подручного материала с написанием новых стихов». Как уже было сказано, стихи не однородны, они различаются и по длине, и по типу содержащейся в них информации. В настоящем докладе исследуется именно тот «подручный материал», из которого создавались произведения, и то, как именно они сделаны, т.е. выявляется «творческий метод» их автора.

Скорее всего, данный памятник остался уникальным и «бездетным», по крайней мере до сих пор не найдено ни одного подобного списка – ни пролога с оригинальными (непереводными) стихами, ни списков русских житий, содержащихся в римской рукописи. Вместе с тем, в нем очевидно нашли отражения тенденции, характерные для той эпохи. «Сходные литературные приемы будут характеризовать творчество местных агиографов – сотрудников митрополита Макария, Василия-Варлаама и Ильи», – пишет А.А. Турилов по поводу «особых» житий данного памятника [Турилов 2001]. Действительно, XVI в. знает немало примеров появления в основном компилятивных житий и служб, создаваемых для заполнения «агиологических лакун». Римский пролог, однако, является примером творческой активности древнерусского

книжника не только в рамках отдельного жанра. Создание стихов, добавленных к исходно нестишному прологу, порождает уже не новый текст, а новый вид книги в рамках одного из наиболее устойчивых типов богослужебных сборников. Причиной такого предприятия могло быть то, что в том месте (монастыре?), где создавался этот памятник, имелся стишной пролог на первую половину года (сентябрь-февраль), тогда как на вторую половину по каким-то причинам у них был в распоряжении только простой пролог. Ради достижения единообразия в одном из наиболее распространенных типов богослужебных книг неподвижного годового круга, автор (или заказчик) и вынужден был создать «стишной» пролог на вторую половину года из «подручного материала».

—
53
—

Литература

Бобров 2011 – Бобров А.Г. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 265–275.

Джурова, Станчев 1997 – Джурова А., Станчев К., Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma, 1997.

Плюханова 2015 – Плюханова М.Б. Стихи о Софее в Стишном прологе из Папского Восточного Института в Риме. // Slověne, №1, 2015. С. 377–393.

Турилов 2001 – Турилов А.А., [Рец.:] Джурова А., Станчев К. «Описание славянских рукописей» // Славяноведение, 4, 2001. С. 120–122.

Турилов 2003 – Турилов А.А., К ранней истории общерусского почитания прп. Евфимия Суздальского: (Неизвестное краткое житие в Прологе нач. XVI в. из б-ки Папского Восточного института в Риме) // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России: Материалы научно-практической конференции. Владимир, 2003. С. 22–24.

Турилов 2006 – Турилов А.А. К истории Стишного пролога на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, №1 (23), 2006. С. 70–75.

Margarita Zhivova

Roma Tre University, Italy

zhivova2002@gmail.com

**The Original Verses in the Nestishnoj Prolog (Synaxarium)
of XVI century PIO Slavo 5.**

—
54
—

The presentation will discuss a unique 16th-century Prolog from the collection of the Pontifical Oriental Institute in Rome, P.I.O. Slavo 5, which not only contains a number of texts that are not known by any other manuscript, but also represents a special version of the Prolog: to the texts of so-called Simple Prolog added original (untranslated) poems, which makes it look like a translated Verse Prolog, appeared in the Slavic Orthodox tradition in the XIV century, where the lives of saints men accompanied by verses. Although the Roman Prolog had already attracted the attention of researchers, and several original texts from it were published, the verses accompanying the hagiographic texts still remain unstudied. In this report will present the first results of the analysis of these works and show how they were created.

Key words: *Prolog, XVI century, original texts*

Анна Журавель

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия

anna.jouravel@slavistik.uni-halle.de

**Средневековый травелог или келейное чтение?
К вопросу о популярности текста «Книги Паломник»
Антония Новгородского**

В прошлом году успешно завершилась работа над изданием текста *Книги Паломник* Антония Новгородского. В предлагаемом докладе подводятся итоги исследования и на основе реконструкции генеалогии списков

рассматривается до сих пор не решенный вопрос о степени популярности этого произведения.

Ключевые слова: издание текста, текстология, реконструкция, «Книга паломник» Антония Новгородского

Текст *Книги Паломник*, написанный будущим новгородским архиепископом Антонием на рубеже XIII в. и хорошо известный современной науке по французскому переводу С. Хитрово [Khitrowo 1889] и изданию Х. М. Лопарева [Лопарев 1899], дошел до нас всего в десяти списках. Шесть из них уцелело полностью, один сохранился в сильно сокращенном виде, а от трех списков остался лишь небольшой фрагмент начала текста. Тем не менее, в науке укрепилось представление об изначально широкой распространенности этого текста.

Впервые это предположение высказала О.А. Белоброва [Белоброва 1974: 185], аргументируя его тем, что все семь полных списков *Книги** находятся непосредственно по соседству с текстом *Хождения игумена Даниила в Палестину* — произведения гораздо более популярного и распространенного на Руси (о чем свидетельствует число его списков — их насчитывается около 150)**.

Это предположение не подтверждается, однако, типологическим анализом. Поскольку текст (как с помощью кодикологического и текстологического анализов было показано на прошлых Кирилло-Мефодиевских чтениях) дошел до нас всего в одной редакции, мы имеем дело лишь с одной генеалогической ветвью, восходящей к архетипу. Сопоставление же состава сборников, в которых наш текст сохранился, а также действительно

---

* В 30-е, 60-е и 70-е гг. XX в. к известным шести рукописям присоединилось еще три полных списка. Последний, десятый список, который является лишь фрагментом, по объему тождественным двум известным, мне удалось обнаружить в 2017 г. (о нем см. ниже, прим. 14). Таким образом, в распоряжении О. А. Белобровой было семь полных списков и два фрагмента.

** О рукописной традиции этого текста см. [Прохоров, Белоброва et al. 2007].

или предположительно бытовал в прошлом*, и проведенная на основе этого сравнения реконструкция состава сборника-архетипа (α) показывает, что дошедший до нас текст *Книги* входил в состав сборника-конволюта, состоявшего, вероятно, из пяти рукописей (см. ниже).
—
Одну из этих рукописей (вторую часть реконструированного конволюта-архетипа) представляли два текста — Антониева *Книга* и следующее за ней *Хождение игумена Даниила в Святую землю*. Впоследствии эти два произведения, воспринимаемые как одно тематическое целое, механически переписывались одно за другим.

В случае одного гипархетипа (γ) они остались без тематического сопровождения**, а в случае другого

---

* Для адекватной реконструкции состава и последовательности текстов в сборнике-архетипе в число сравниваемых рукописей следует включить, помимо дошедших до нас сборников с сохранившимся текстом *Книги*, еще два сборника: один, в котором этот текст, действительно, содержался раньше, но был изъят (это сборник C_1 , о нем см. ниже, прим. 4) и второй, в котором текст предположительно содержался, но по кодикологическим причинам до нас не дошел. Это сборник **T**, конца XVI — начала XVII в. из библиотеки Тихонравова (краткое описание сборника см. у [Майков 1890: 2f.], [Георгиевский 1913: 14f.] и [Majeska 1984: 122]). Поскольку в нем мы находим конец текста *Беседы о святых и других достопримечательностях Царьграда* (о ней см. ниже), содержащуюся во всех дошедших до нас сборниках по соседству с текстом *Книги*, его при сопоставлении состава следует учесть. В этом сборнике сохранившемуся фрагменту *Беседы* предшествует лакуна неопределенного объема. Содержался ли в этой лакуне текст *Книги*, листы которого пропали вместе с большей частью текста *Беседы*, сказать трудно, но предположение об этом подкрепляется еще и наличием в этом сборнике текста *Повести о Вавилоне-граде*, содержащуюся также в рукописи **O** (о ней см. ниже, прим. 13) — одной из поздних рукописей, также восходящей к гипархетипу (β) (о нем см. ниже).

** Гипархетип (γ) репрезентируется списками **C** (Савvaitовский список, Санкт-Петербург, РНБ, ОСПК, Q.IV.412 середина XVII в.) и списком, обозначенным мной сиглой C_1 (Сборник Антониево-Сийского монастыря, о нем см. [Бычков 1900: 152f.], [Барсов 1891: 98] и [Викторов 1890: 109]), в состав которого изначально входил текст *Книги*, предшествующий в нем тексту *Хождения игумена Даниила*, но вырванный отсюда и привезенный в Петербург; списком **И** (Санкт-Петербург, Древлеханилище Пушкинского дома, отдельные поступления, ор. 24, № 64) и сборником **П** (Санкт-Петербург, РНБ, ОЛДП), в котором тексты Антония и Даниила являются непосредственной копией со

(β)^{***} постепенно пополнялись поздними произведениями похожего рода — путевыми заметками и описаниями Константинополя. Так, уже в сборнике XVI в.^{****} мы находим по соседству с нашим и Данииловым хождением анонимное описание города (*Сказание о святых местех во Костятинне гръде* [sic!])^{*****} [о нем см. Сперанский 1934: 83–140]; короткий, до сих пор не идентифицированный анонимный фрагмент [о нем см. Majeska 1984: 21–22, 153–154]^{*****}, и текст *Странника* Стефана Новгородского [см. Сперанский 1934: 5–82].^{*****} В поздних же списках XVIII в.^{*****}, воспроизводящих все тот же текст *Книги паломник* и *Хождения Даниила*, вместо этих произведений мы находим текст *Толкования надписей в келии Соломоновой в цареградском храме св. Софии* (вероятно, бытующий самостоятельно фрагмент из *Жития Кирилла*)^{*****} и полный текст *Беседы о святыхнях и других достопримечательностях Царьграда*^{*****} [о них см. Майков 1890]. В последний вставлена средняя часть текста *Книги Паломник*, вероятно, выпавшая из сборника-протографа, затем вложенная в него не на свое место и впоследствии переписанная в неправильном порядке. Во всех же трех фрагментах, также восходящих к предполагаемому гипархетипу (β), отсутствует, кроме вступительных слов, уже около двух третей

списка **И**. Описаний этих двух сборников до сих пор не существует (они будут впервые опубликованы в новом издании *Книги Паломник*).

*** Гипархетип (β) выделяется курсивом, т. к. на основе данного рукописного материала невозможно с уверенностью сказать, является ли он действительно отдельным, не дошедшим до нас списком, или лишь поздним, дефектным состоянием архетипа (α). Этот вопрос подробно обсуждается в новом издании *Книги*.

**** Забелинский список (**З**): Москва, ГИМ, собр. Забелина, № 416.

***** **З**, лл. 409 – 424об.

***** **З**, лл. 424об. 2 – 425 19.

***** **З**, лл. 425 – 434об.

***** Списки Музейный (**М**): Москва, ГИМ, Музейск. собр., 1428 и Библиотечный (**Б**): Санкт-Петербург, РНБ, ОСПК, Q.XVII.184.

***** **М**, лл. 43 – 43об.; **Б**, лл. 70об. – 71.

***** **М**, лл. 43об. – 48об. и 57об. – 65об.; **Б**, лл. 71 – 78об. и 84 – 96об.

текста *Книги Паломник* и, соответственно, следующее за ним *Хождение Даниила*. Как показали кодикологический и текстологический анализы, в двух фрагментах* эти лакуны были впоследствии заполнены интерполяциями из *Сказания о построении храма святой Софии* и из *Повести о взятии Царьграда турками* – произведений тематически близких, широко распространенных и известных в составе *Хронографа*, *Еллинского летописца* и *Степенной книги*. В третьем фрагменте**, который удалось обнаружить в ходе этого исследования и который оказывается старше двух других, текст *Книги сохранился* без этих дополнений.

Таким образом, непосредственный конвой нашего текста показывает, что «ядро», состоявшее из двух хождений Антония и Даниила, не изменялось, а лишь пополнялось по тематической, либо же по кодикологической причине. В последнем случае отсутствие текста *Хождения Даниила* объясняется повреждением сборника-протографа, вследствие чего от «ядра» сохранилась лишь неполная первая тетрадь, содержащая начало текста *Книги Паломник*.

Для реконструкции состава архетипа и его датировки, нужно, однако, учесть и остальные тексты, содержащиеся во всех 12 (sic!, см. прим. 3 и 4) сборниках, т. к. с помощью непосредственного конвоя удастся проследить лишь состав гипархетипа (β). Сократив же состав всех сборников до пересечения множеств, а значит, отсеки тексты, встречающиеся лишь в одном из сборников, мы получаем довольно устойчивый конвой, состоящий изначально из пяти тематически близких частей: 1) циклы

---

* Копенгагенский список (К): Копенгаген, Королевская библиотека, NKS 553с (середина XVII в.) и список Общества любителей древней письменности (О): Санкт-Петербург, РНБ, ОЛДП, Q. 240 (датирован 1742г.).

** Список, в силу отсутствия каких-либо сведений о его происхождении, обозначенный мной первой буквой алфавита – сиглой А (сигла М по месту хранения в Государственном музее уже занята другим сборником, см. выше, прим. 10): Москва, ГИМ, Музейск. собр., № 2931 (вторая четверть XVII в.).

разнородных, но пересекающихся между собой произведений нравоучительного и апокрифического характера; 2) хождения Антония и Даниила; 3) текст *Мерила праведного* и других юридических и уставных текстов; 4) текст *Жития Кирилла*, вероятно изначально входившего в минейный цикл, и 5) текст *Пчелы*. Эти произведения в большем или меньшем объеме встречаются одновременно практически во всех дошедших до нас списках, что позволяет их реконструировать для сборника-архетипа. Подробно распределение этих текстов по сборникам будет рассматриваться в предлагаемом докладе.

Для датировки же реконструированного архетипа в качестве *terminus post quem* выступает самое младшее из содержащихся в нем произведений – *Мерило праведное*. Поскольку оно было составлено не раньше конца XIII в. [Корогодина 2014], то сборник, послуживший архетипом всем дошедшим до нас спискам, должен датироваться приблизительно началом XIV в.

Итак, анализ типологии всех сборников подтверждает картину, сложившуюся после анализа текста на макро- и микроуровнях: однородность текста подтверждается устойчивостью состава.

С помощью комплексного (кодикологического, текстологического и типологического) анализа удаётся, однако, реконструировать, кроме сохранившихся десяти рукописей, не более пяти не дошедших до нас списков, восходящих к общему протографу, — а значит, мы имеем дело с произведением, переписанным не более 15 раз с момента составления архетипа. Принимая во внимание и тот факт, что один из поздних списков*** вышел из стен того же Хутынского монастыря, в котором постригся наш автор по возвращению из Царьграда, текст *Книги Паломник*, по-видимому, вовсе не был распространён. По отношению к заданному в начале вору о степени популярности этого текста, из сказан-

*** Это список О, о нем см. выше, прим. 13.

—

—

ного следует, что наш текст был малоизвестен. Соседство всех полных списков *Книги* с популярным хождением в Палестину в данном случае свидетельствует не о похожей распространенности нашего текста, а лишь о механическом копировании *Книги Паломник*, всего один раз – в начале XIV в. – поставленной рядом с одним из списков *Хождения Даниила*. Таким образом, трансмиссию нашего текста спровоцировала либо популярность текста *Хождения Даниила*, побудившая «заодно» и копию нашего текста, либо — и это предположение на фоне фрагментов, сохранившихся между более плотно прошитыми листами сборника, кажется вероятнее — просто случайность.

Литература

Khitrowo 1889 – Khitrowo S. Antoine, archevêque de Novgorod. Description des lieux-saints de Constantinople (1200) // Khitrowo S. (ред.) Itinéraires russes en Orient (Publications de la Société de l’Orient Latin. Itinéraires, T. 1). Genève. С. 85–111.

Majeska 1984 – Majeska G.P. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries (Dumbarton Oaks studies, XIX). Washington, DC 1984.

Барсов 1891 – Барсов Е.В. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Книга III, 158. М.

Белоброва 1974 – Белоброва О.А. «Книга паломник» Антония Новгородского (К изучению текста) // ТОДРЛ, 29. С. 178–185.

Бычков 1900 – Бычков И.А. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской публичной библиотеке. Т. 1. СПб.

Викторов 1890 – Викторов А.Е. Описание рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб.

Георгиевский 1913 – Георгиевский Г.П. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1912 год. М.

Корогодина 2014 – Корогодина М.В. О составе Мерила праведного // Корогодина, М.В. (ред.) Историография и источ-

никоведение отечественной истории. Вып. 7. Историческое повествование в средневековой России. К 450-летию Степенной книги: материалы Всерос. науч. конф. СПб. С. 94–110.

Лопарев 1899 – Лопарев Х.М. (ред.) Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония Архиепископа Новгородскаго в 1200 году (Православный Палестинский сборник, 17.3 = 51). СПб.

Майков 1890 – Майков Л.Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 51/4). СПб.

Прохоров, Белоброва и др. 2007 – Прохоров Г. М., Белоброва О. А., Гардзанини М. и др. (ред.). «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. К 900-летию со времени хождения (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях). СПб.

Сперанский 1934 – Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы XIV века (Памятники древнерусской литературы, 4). Berkeley.

Anna Jouravel

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Germany

anna.jouravel@slavistik.uni-halle.de

A Mediaeval Travelogue or a Cell Reading? On the Question of the Popularity of the ‘Kniga Palomnik’ by Anthony of Novgorod

Last year the work on a new critical edition of Anthony’s “pilgrim’s book” has been successfully completed. The presentation aims at showing the most important results of this work. Furthermore, on the basis of the reconstructed stemma codicum it proposes an answer to the hitherto open question on the degree of the popularity of the text.

Key words: *edition, textology, text reconstruction, the „pilgrim’s book“ by Anthony of Novgorod*

Нежа Зайц

Институт культурной истории

Словенской академии наук и искусств, Словения

nzajc@zrc-sazu.si

—
62
—

**Преп. Максим Грек – Адам Бохорич – Мелетий Смотрицкий
(сравнение на уровне исторической лингвистики)**

В докладе сравниваются три разные попытки закрепления норм славянских языков, являющиеся в то же время важными прецедентами создания лингвистического пространства славянских культур. Поэтому речь идет не только о трех основателях грамматических правил. Богословский язык преп. Максима Грека возможно сравнить и с лингвистическими взглядами А. Бохорича, и с грамматическим опытом М. Смотрицкого. Все они воссоздавали общую языковую память о славянском языке в диахронной перспективе.

Ключевые слова: *преп. Максим Грек, Адам Бохорич, М. Смотрицкий, грамматика, Священное Писание*

Максим Грек, рожденный как Михаил Триволис в греческо-македонском городе Арта, перед прибытием в Москву был лишь частично знаком с южнославянскими языками (македонским, сербским). О влиянии Максима Грека на московскую интеллектуальную среду, включая придворные и церковные круги, было уже много раз упомянуто, так как это было засвидетельствовано уже его современниками. Более того, авторитет его строгого богословского слова несомненно имел определенное значение при его первом осуждении на московском церковном Соборе в 1525 г. [Судные списки 1971: 55]. Филологический опыт, полученный ватопедским монахом Максимом в Италии, не умалялся на Афоне, но, наоборот, считался там весьма ценным словесным искусством. Монахи афонской обители Ватопед цени-

ли Максима именно за его лингвистические способности, в том числе и грамматические. Последнее представлялось важным в эпоху раннего Возрождения, когда христианское учение в Центральной Европе во многом утрачивало свое позиции вследствие неразумного восприятия различных знаний, в том числе и религиозных, приходящих напрямую с Востока. Отлично осведомленный и владеющий филологическим опытом итальянских училищ и лингвистическими знаниями членов греческой диаспоры, афонский монах святой обители Ватопед приехал в Московскую Русь по приглашению великого князя Василия Ивановича, приславшего письмо на Афон с просьбой отправить в Москву редактора и переводчика священных книг. Максим прибыл с Афона в Москву после долгого путешествия, длившегося с 1516 по 1518 гг. и проходившего через Константинополь, Молдовлахию (*Curtea de Arges*) и Венецию, где, по всей вероятности, Максим мог приобрести первопечатные книги из типографии Альда Мануция (тогда уже покойного) и его сына Паоло Мануция. Следует упомянуть также, что тогда же в Венеции началась деятельность первопечатников Федора и Винченцо Вуковичей, сосредоточенная на издании православных богослужебных сборников (сербской церковнославянской редакции), осуществлявшемся в два этапа, в 1518–19 и в 1546 гг. Считается, что богослужебный язык этих сербских книг не повлиял на русский церковнославянский язык XVI в. Но тем не менее это были первые печатные богослужебные сборники на церковнославянском (можно предположить, что этот язык позже повлиял на никоновских справщиков [Успенский 2000: 435]). Хотя Максим Грек хорошо знал разные европейские языки, в Московской Руси он столкнулся с недоразумением и непониманием. Произошел известный перелом в его коммуникации с московскими книжниками. Проблема заключалась в том, что Максим Грек не осознавал никаких границ в понятии священного

языка и не ожидал ограничений на уровне взаимного понимания. Можно сказать, что он надеялся на посредство какого-то внутреннего интерпретанта языка Священного Писания, в котором сосредоточена семантика, не зависящая от контекста, связанного с читателями текста [Якобсон 2009: 205]. Впоследствии Максим был осужден якобы из-за незнания русского языка. Но почерк Максим Грека, атрибутированный ему на основе глосс или правки слов на полях его рукописей, написанных писцом, свидетельствует о том, что, хотя он и выучил кириллицу, но с трудом отвыкал от греческой и латинской графики. Наоборот, он быстро понял, что русский также можно записать латинскими буквами. Очевидно, новый для него русский язык воспринимался через призму западно- и южнославянских языков. Максим вообще не заметил древнерусской диглоссии, которая в то время, действительно, уже разрушалась. Языковая ситуация в Московском государстве усложнялась из-за резкого роста стилистических ресурсов деловой письменности, приближавшейся к разговорной речи. С другой стороны, церковнославянский язык как язык литературной, а не бытовой письменности, настаивал на старых формах и словах, которые входили в норму древнеславянского периода. Таким образом, различия между церковно-книжным и разговорным типом языка ощущались не столько в лексике, сколько в области грамматических форм. Важно еще отметить, что во второй половине XVI в. окончательно формируется русская акцентная система, тогда как до этого в текстах представлено смешение различных древнерусских и южнославянских способов обозначений ударений [Колесов 1972: 250–252].

Именно в связи с формами глагольной парадигмы, различающимися в двойственном числе мужского и среднего рода, с одной стороны, и женского рода, с другой, А.В. Исаченко предполагал возможность прямого заимствования форм Мелетием Смотрицким в первую

русскую «Граматику» 1619 г. [Успенский 2000: 369–370] из первой грамматики словенского языка Адама Бохорича, напечатанной в 1584 г. [Исаченко 1977: 115; Derganc 1986: 319–325]. Хотя отмеченное в действительности невозможно, выводы Исаченко повторяются в первом научном издании той же Граматики [Horbatsch 1974: I–II]. Действительно, Бохорич грамматическими правилами описал тот язык словенцев, который развивался в течение четырех столетий, то есть с IX–X вв., а точнее с того времени, когда были написаны Фрейзингенские отрывки, и до XVI в., когда были напечатаны первые богословские книги и библейские переводы Примож Трубара и Юрия Далматина. В предисловии к своей грамматике, основанной прежде всего на латинской грамматической традиции (Донатус, Меланхтон), Бохорич утверждал свой лингвистический метод словами «Vsaki jesik bode Boga Sposnal», а также прямой ссылкой на ветхозаветную книгу пророка Исаии 45, 23: «Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное, что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» [Ahačič 2007: 238]. Кроме того, автор осознавал, что его труд может стать полезным также для других славянских языков в силу их общности. И в связи с первым и вторым утверждением А. Бохорич ссылался на сведения Сигисмунда Герберштейна [Ahačič 2007: 209], также считавшего, что каждый язык честен и достоин быть написанным [Simoniti 1979: 218]. В московском печатном издании «Граматики» Смотрицкого, вышедшем спустя тридцать лет, отразившем как приближение парадигм склонения к разговорной московской речи, так и систему ударений, ранее характерную для нормы западнорусского произношения, действительно можно увидеть те же тенденции, которыми руководствовались первые словенские переводчики Священного Писания на словенский язык — Примож Трубар и Юрий Далматин, книги которых были напечатаны в Тюбингене уже в 1551 г. и позже. Однако в анонимном теоре-

тическом предисловии к московской Грамматике Смолитрицкого в целях легитимизации норм русского литературного языка приведены толкования и грамматические суждения, приписанные Максиму Греку. Но во всех отмеченных грамматических стремлениях присутствует идея непосредственной связи грамматических занятий, перевода и книжного дела, полностью просвещенных Святым духом, что было очень важно для понимания грамматики Максимом Греком как аргумента богословия Священного Писания.

Литература

Судные списки 1971 – Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. Ред. Н.Н. Покровский, С.О. Шмидт. М., 1971.

Колесов 1972 – Колесов В. В. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1972. С. 228–273.

Успенский 2000 – Успенский Б. А. История русского литературного языка. М., 2000.

Якобсон 2009 – Якобсон Р. О. Некоторые вопросы лингвистической семантики // Незабытые голоса России. Звучат голоса отечественных филологов. М., 2009. С. 197–208.

Ahačič 2007 – Ahačič K. Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem. Ljubljana, 2007.

Derganc 1986 – Derganc A. O morebitnem vplivu Bohoričeve slovnice na cerkvenoslovansko slovnico Meletija Smotrickega // Obdobja 6. 16. stoletje v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1986. S. 319–327.

Horbatsch 1974 – Horbatsch O. Meletij Smotryčkyj. Hramatiki slavenskija pravilnoe syntagma, Jevje 1619. Herausgegeben und eingeleitet von Olexa Horbatsch. Frankfurt, 1974 (Specimina philologiae slavicae, Bd. 4). I–II.

Isačenko 1977 – Isačenko A. V. Vpliv slovenskega jezika na obdelavo ruskega jezika 16. in 17. stoletja // Nahtigalov zbornik (ob stoletnici rojstva). Ljubljana: Slovansko jezikoslovje, 1977. S. 109–119.

Simoniti 1979 – Simoniti P. Humanizem na Slovenskem. Ljubljana: Slovenska matica, 1979.

Neža Zajc

Institute of Cultural History of the Slovenian Academy of Sciences and Arts
nzajc@zrc-sazu.si

**Saint Maxim the Greek – Adam Bohorich – Meletij Smotritskij
(The Comparison of the Historical Linguistic Approach)**

67

The article compares the three attempts of the fixing the norms of the Slavic languages that presented an important contributions to the linguistic consciousness of the Slavic languages and cultures of the past. The formation of the Slavic grammar make possible the comparison between the theologically-linguistic features of St Maximos the Greek, the linguistic worldview of A. Bohorich and the grammatical description of the Slavic forms by M. Smotritskij. Indeed, they all significantly shaped the self-awareness of the first Slavic linguistics in the diachronic perspective.

Key words: *St Maximos the Greek, Adam Bohorich, M. Smotritskij, The Grammar, The Slavic Bible*

Наталья Запольская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН, Россия*
zapolskaya_n@mail.ru

**Грамматика как рефлексия о языке: способы достижения
правильности языка в церковнославянских грамматиках
XVI–XVII вв.**

В докладе представлена реконструкция славянской лингвистической рефлексии, результатом которой явились зафиксированные в грамматических сочинениях XVI–XVII вв. конкурирующие нормы церковнославянского языка. Лингвистическая мысль книжников была направлена на достижение *правильности* церковнос-

лавянского языка посредством решения проблем грамматической синонимии и грамматической омонимии.

Ключевые слова: церковнославянский язык, грамматические нормы, синонимия, омонимия

—
68

1. «Грамматика как рефлексия о языке вообще» [Фуко 1994: 117], необходимая не только для приобретения практического языкового навыка, но и для понимания универсальных категорий, обнаруживала себя в гуманистическом европейском культурно-языковом пространстве XV–XVI вв. в разных типах текстов и метатекстов: в теоретических трактатах, посвященных проблеме гносеологического статуса языка в рамках оппозиции *latinitas grammatica // volgare* (в сочинениях участников языковой полемики, вошедшей в историю как *magna altercation XV в.* и *questione della lingua XVI в.*), в практических описаниях культурно соположенных языков, сопровождавшихся авторитетным текстом как презентацией (например, молитвой «Отче наш» в «Митридите» К. Геснера), в дидактических руководствах, ставящих задачу сохранения *правильности* греческого и латинского языков или достижения *правильности* «варварских языков» как литературных языков нового типа) [Науки о языке 2016: 17–203]. Доказательством *правильности* языка являлась упорядоченность языковых элементов, демонстрирующая решение проблем формально-семантической избыточности и недостаточности, тем самым центром внимания становились элементы *aequiuoca / uniuoca*. При этом лингвистическая мысль была направлена как на деконтекстуализированные языковые элементы, так и на языковые элементы конкретного текста, что задавало как презентативное, так и репрезентативное знание языка. В свою очередь представление о знании вообще как об истолковании выражалась в двух формах отношений языка и текста: важно было не только истолкование элементов языка для истолкования авторитетного

текста (текста Священного Писания или текста античных авторов), но и истолкование текста для истолкования элементов языка (см. например, использование толкования Пролога Евангелия от Иоанна для истолкования статуса «глагола» в сравнении со статусом «имени» в грамматическом сочинении А. Гварны).

2. Влияние европейского «грамматического» подхода к языку и тексту определило в Юго-Западной Руси и в Московской Руси XVI–XVII вв. переход от «имманентной» грамматики, «вычитываемой» в отдельном тексте, к грамматике, зафиксированной в метатекстах, определяющих нормы для всех текстов. При этом создаваемые метатексты составляли цепочки конкурирующих кодификаторских реплик, обеспечивая процесс культурно-языкового реплицирования, например: *Грамматика словенска* Л. Зизания 1596 г. < *Книга глагола грамматика по языку словенскому* (далее Кгг) и *Книга глагола буквы грамматического учения* 20-х гг. XVII в. (далее Кгб); *Грамматика Славенских правилное Синтагма* М. Смотрицкого 1619 г. < *Грамматика доброго и пространного словенского языка* 30-х гг. XVII в. < *Грамматика* 1648 г. Церковнославянские грамматические сочинения либо включали только деконтекстуализированные языковые элементы, т.е. задавали презентативное знание языка, либо содержали грамматические разборы авторитетных текстов (например, молитвы «*Очче нашъ*») и грамматические характеристики отдельных языковых элементов авторитетных текстов, т.е. задавали и репрезентативное знание языка.

3. Славянская лингвистическая рефлексия была направлена на достижение *правильности* церковнославянского языка посредством решения проблем формальной избыточности (синонимии) и недостаточности (омонимии). В пространстве конфессиональной культуры особую важность приобретал вопрос снятия омонимии, поскольку слова и формы в императивных текстах культуры, по которым созидалась жизнь верующих, долж-

—

69

—

ны были обладать семантической прозрачностью. В этой связи лингвистическая рефлексия славянских книжников была направлена в первую очередь на формы, которые «два разѹма содержат». Снятие омонимии было возможно двумя способами – орфографическим, основанным на дистрибуции графических элементов (дублетных букв **о, є, ъ, и, а, Ѹ / ѡ, Ѣ, ѣ, ы, Ѧ, оуѣ**, а также строчных и прописных букв **ѡ Ѣ, ѣ Ѣ. ѥ Ѧ. ѧ Ѧ**), и грамматическим способом, предполагавшим выбор из вариантных книжных формантов неомонимичных или включение в состав средств выражения некижных неомонимичных формантов. Особое внимание книжники уделяли омонимии по числу, поскольку в грамматико-риторической традиции классических языков неизменным признаком *правильности* считалось *правильное* выражение множественного и единственного числа [Запольская 2008: 204–212].

4. Особое напряжение славянской лингвистической мысли проявилось при рассмотрении книжниками форм имен существительных м.р. с основой на парный **ѣ** и непарные **ѣ** и **ѣ**, поскольку в рамках парадигм этих имен необходимо было решать проблемы и синонимии (**Им. мн.**), и развернутой омонимии (**Тв. ед.=Д. н., Им.ед.= Р. мн., Р. ед. = Им.-В.-Зв. дв. =В. мн.**).

5. Решение проблем омонимии. В ряду **Тв. ед. = Д. мн.** все книжники использовали только орфографический способ снятия омонимии, но выбирали разные средства и разные позиции в слове для демонстрации преодоления омонимии: Зизаний допускал дифференциацию дублетных букв не только во флексии, но и в основе (**конѣмъ/кѡнѣмъ**), Смотрицкий и московские книжники Рогов и Наседка использовали дифференциацию дублетных букв только во флексии (**пѣстырѣмъ/пѣстырѣмъ**), а автор **Кѣв** снимал омонимию посредством дифференциации конечных строчных и прописных букв (**конѣмъ/конѣмъ**).

В ряду **Им. ед.= Р. мн.** книжники устраняли омонимию и орфографическим, и грамматическим способом,

используя разные неомонимичные форманты: в **Р. мн.** Зизаний наряду с оппозицией дублетных букв в основе предлагал варианты флексии **-ь, -ій** для имен с основой на парный **т'** (**кѡнѣ, кѡнїи**), и флексию **-ѡвъ** для имен с основой на **ј** (**їерѡвъ**); Смотрицкий и московские книжники допускали варианты флексии **-ь, -ѣй** для многосложных имен с основой на парный **т'** и непарные **т'** и **t**, (**пастырѣй, пастырь**), а для односложных имен варианты флексии **-ь, -ѣвъ** (**врачь, врачѣвъ**), реализуя во флексиях еще и принцип дифференциации дублетных букв, для имен на **ј** омонимия по возможности снималась дифференциацией дублетных букв в основе (**їерей/їерѣй, но ходогай**). Автор анонимной грамматики для имен с основой на парный **т'** и непарные **т'** и **t** предлагал только неомонимичные флексии **-ѣй, -ій**.

В ряду **Р.ед. = Им.-В.-Зв.дв. = В. мн.** книжники демонстрировали разные решения: Смотрицкий вообще не снимал омонимии (**пастыра**), автор анонимной грамматики и московские книжники снимали омонимию грамматическим способом, вводя в позицию **В. мн.** флексию **-и** (**црїи; пастыри**), устраняющую дистанцию между книжным и некнижным языком.

Особый интерес представляли решения книжников в соположенных грамматических сочинениях **Книга гл҃маа гр҃матїка по їазыкѣ словенскѣ** и **Книга гл҃маа вѣквы гра҃мотїчнаго оу҃чєніа**: в обоих текстах рассматриваются формы слова **г҃вѣтель**, но состав и характер этих форм существенно различаются: в **Кгг** форма **г҃вѣтель** дается в тексте 1 псалма: **на свѣдѣнїи г҃вѣтель не седе**, т.е. является корректной формой **Р. мн.**, демонстрирующей снятие омонимии **Им. ед. = Р. мн.** дифференциацией строчных и прописных букв. В **Кгв** форма **г҃вѣтель** представлена как форма **В. мн.**, наряду с указанием флексии **Ѧ** как показателя мн. ч., тогда как в позиции **Р. мн.** со ссылкой на 1 псалом представлена форма **г҃вѣтелей** (**ѡлѡ, а**): **г҃вѣтель** (пр. е.) **г҃вѣтель** (мн. в.) **г҃вѣтелѣ**, (е) **Ѧ** (мн.) **г҃вѣтелей** (р).

6. Решение проблемы синонимии. Книжники выражали разное отношение к грамматической синонимии и демонстрировали разные схемы распределения синонимичных форм. Смотрицкий стремился сохранить все возможные синонимичные средства и предлагал в грамматической позиции **И. мн.** сложную схему дифференциации и вариативности формантов, включавшую разные уровни мотивации: оппозиции флексий в зависимости от качества конечного элемента основы и в зависимости морфемной структуры слова. Так, для многосложных имен с основой на парный *t'* и непарные *t'* и *t* нормой являлась вариативность флексий **-іє, -є (пастыріє, пастыре)**, для односложных слов вариативность увеличивалась за счет флексии **-еве (врачіє, врачє, врачевє)**, имена с основой на *j* получали флексию **-є (ієрєє)**. Кроме того, формы с флексиями **-є, -еве** рассматривались Смотрицким в наборе версификационных вариантов как пример «прибавления» слога в конце слова: **Припагіє/ ёсть слога в" концї речєніа приложєніє... врачевє, в мѣстѣ врачє**. Московские книжники ввели в схему Смотрицкого флексию **-и** вместо флексии **-є** в большинство позиций (**пастыріє, пастыри**, но **мѣтежіє, мѣтеже; врачїє, врачн, врачевє; ієрєн**). Автор анонимной грамматики кодифицировал флексию **-и** для имен с основой на *j* (**ієрєн**), а для имен с основой на парный *t'* и непарные *t'* и *t* допускалась вариативность флексий **-іє, -и (црїє. цри)**.

7. Таким образом, славянские книжники, следуя как европейской, так и своей традиции, успешно решали проблемы грамматической синонимии и омонимии в целях достижения *правильности* церковнославянского языка

Литература

- Грамматика 1648/2007* – Грамматика 1648 г. М., 2007.
Грамматический сборник 2002 – Грамматический сборник 1620-х годов /Издание и исследование Е. Кузьминовой. Aion Slavistica. Quaderno №1. 2002.

Запольская 2008 – Запольская Н.Н. Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI–XVIII вв.): теория и история норм / Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008.

Зизаний 1596/2000 - Грамматика словенска. Съвершеннаг искусства осми частей слова и иных нуждных. Новъ съста^але^ана Л.З. // Грамматики Л.Зизания и М. Смолрицког. М., 2000.

Науки о языке 2016 – Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. М., 2016.

Смолрицкий 1619/2000 – Мелетии Смолрицкой. Грамматики Главенския правлног Гунтагма // Грамматики Л.Зизания и М. Смолрицког. М., 2000.

Фуко 1994 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных нвук. Санкт-Петербург, 1994.

Natalya Zapolskaya

*Moscou State University Lomonosov, Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Russia*

zapolskaya_n@mail.ru

Grammar as a reflection on language: ways to achieve language correctness

The report presents a reconstruction of the Slavic linguistic reflection of competing norms of the Church Slavonic language that are manifested in the grammatical works of the 16th-17th centuries. The linguistic reasoning of the scribes was aimed at setting the correctness of the Church Slavonic language by establishing convention between grammatical synonymy and grammatical homonymy.

Key words: *Church Slavonic, grammatical norms, synonymy, homonymy*

Елена Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
eli2403@yandex.ru

— **Цветана Димитрова**

74

Институт болгарского языка, Болгария
tsvetana.dimitrova@gmail.com

—
Предложения с союзом *макар* в болгарских памятниках XV–XVII вв.*

В докладе на материале памятников XV–XVII вв. рассматриваются грамматические и синтаксические особенности нового для того исторического периода союза *макар*, который затем в современном болгарском языке принял на себя функции основного уступительного союза. Исследуемый материал представляет собой сплошную выборку контекстов из Влахо-болгарских грамот и двух новоболгарских дамаскинов, расположенных на электронном ресурсе «Исторически корпус на българския език» (<http://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>). Основное внимание уделяется структуре и семантике уступительных союзов в разных памятниках, а также отличиям оформления предикативных и непредикативных уступительных сегментов.

Ключевые слова: *дамаскины, ранний новоболгарский язык, уступительные союзы, союз «макар»*

1. Союзы «макар (и) да» и «макар че» как основные уступительные союзы в современном болгарском языке. Основными уступительными союзами современного болгарского языка являются макар (и) да и макар

---

* Исследование ведется в рамках проекта РФФИ, Россия (№ 18-512-18003) и Фонда «Научни изследвания», Болгария (проект ДНТС/РУСИЯ 02/2). Выражаем благодарность за финансовую поддержку.

че «хотя (и)». В староболгарских памятниках союзы с компонентом *макар* не зафиксированы [Дограмаджиева 1984: 209–217; ГСБЕ 1991: 509–510]. Внедрение союза *макар* (предположительно от гр. *μακάρι*, см. об ином пути заимствования в [БЕР 1986: 610–612]) в тексты среднеболгарского периода, по-видимому, осуществилось ранее**, чем становление других семантически специализированных сложных союзов (*за да* «для [того,] чтобы», *от да* «от [того,] чтобы», *освен да* «кроме [того,] чтобы», *вместо да* «вместо [того,] чтобы»), возникновению которых был дан толчок в период усиленных балканских контактов и употребление которых активизировалось на начальном этапе формирования национального литературного языка, отражая потребность в интеллектуализации речи [Асенова 2002: 180].

Современный уступительный болгарский союз *макар (и) да* разделяет лишь часть основных особенностей перечисленных выше составных союзов, возникших на основе предлогов и модального элемента *да*, входящего в состав балкано-славянской аналитической конструкции, заменившей инфинитив и некоторые причастные формы. С одной стороны, как и большинство составных союзов с элементом *да*, *макар да* следует линейно-синтаксическим характеристикам *да*-форм (разрыв компонентов союза, контактность *да* с глаголом, ограничение на постпозицию сложных форм с проклитиками *би* и *ще*). С другой стороны, для этого союза нерелевантно большинство ограничений на временные формы подчиненного предиката. Отсутствие существенных темпоральных ограничений объясняется иной историей *да*, которое появилось здесь не на инфинитивных позициях, а другим путем: старославянская частица *да*, сопровождавшая условные и условно-уступительные союзы, постепенно обрела союзные функции, стала сама вводить условное предложение, и поз-

** Р. Ницолова указывает XIII в. [Ницолова 2005: 225].

же вошла в состав уступительных союзов [Дограмаджиева 1984: 194, 210; ГСБЕ 1993: 509].

Союз *макар че* (с тем же значением) включает в себя более новый [Мирчев 1978: 259] «декларативный» союз *че*, образуя комплекс, свободный от синтаксических ограничений, имеющихся у *макар да*.

Что касается непредикативных обособленных уступительных оборотов, то в них в современном языке *макар* выступает в двух вариантах сложного союза: *макар че* и *макар и*. Использование союза без всяких наращений (*макар*) в современном языке крайне ограничено [ГСБКЕ 1983: 403].

2. *Союзные средства с компонентом макар в ранних новоболгарских памятниках.* Исследуемый материал представляет контексты с союзом *макар*, извлеченные методом сплошной автоматической выборки из следующих памятников: Влахо-болгарские грамоты (XV–XVI в.), Троянский дамаскин (XVII в.) [Иванова 1967], Ловечский дамаскин (XVII в.) [Младенова, Велчева 1967].

2.1. *Оформление подчиненного сегмента как предикативного и непредикативного.* При непредикативном сегменте со значением уступки *макар* выступает и как простой союз, без дополнительных наращений, и как составной, в комплексе с усилительной частицей *и*, ср. (1) и (2): (1) и кодъ тѣ е нево́льа да гы́ чытѣшь, сичкы съ твоѣ ра́бы макаръ мнѣго и́ ма́лко (Троян) (2) Того ради хто любит да кѣпчѣва, а ѡн да ходи слободно, макар и на само море (Вл).

При введении предикативного уступительного сегмента (с наличием сказуемого), *макар* используется, как правило, в комплексе с частицей *и*, которая и в предшествующие исторические периоды часто сопровождала условные и уступительные союзы. Так, в дамаскинах из 18 уступительных предложений с глагольным компонентом вариант *макар и* встречается 14 раз, из них с модальной частицей *да* (*макар и да*) — 11 употребле-

ний. Иная ситуация представлена во Влахо-болгарских грамотах: только 1 пример (из 12 с последующим глаголом) представлен в варианте *макар и да*.

2.2. *Вытеснение условного наклонения после макар да*. Материал дамаскинов показывает, что употребление условного наклонения, которое было возможно в более ранний период, уже не имеет места: после частицы *да* используется только индикатив. Однако во Влахо-болгарских грамотах представлено 3 примера условной формы, в том числе после контаминированного союза *макар ако* (см. далее п. 2.4.): (3) Тоизи закон нѣст бил дрѣгов, макар да ви донесли све иманию ѿдрѣцевѣ и кони (Вл).

2.3. *Разрыв компонентов союза макар да*. Союз *макар да* и в ранний новоболгарский период разделял те особенности *да*-предложений, которые демонстрируют и другие составные союзы с *да*: части союза могут быть разорваны инверсированным подлежащим, дополнением, обстоятельством: (4) Макърь и_на_мгъво зѣмли да_владѣшь догдѣ си живь . а_мий и_по_с_змръть ,г_, лхъте твоѣ мѣсто быва (Лов).

2.4. *Контаминация союзов*. Не до конца закончено размежевание условных и условно-уступительных союзных средств. Встречаются варианты *макар и ако* (2 употребления в Троян) и *макар ако* (1 – Вл).

2.5. *Макар да и макар че*. В текстах Троянского и Тихонравского дамаскинов (последний по данным [РКБЕНО 2012]) зафиксировано по 1 примеру употребления соединения союза *макар* с союзом *че*. По данным К. Мирчева [Мирчев 1978: 259], союз *че* впервые зафиксирован в приписке в Хлудовском паримейнике конца XIII в. – начала XIV в., но и то только в роли причинного союза. В поздних Влахо-болгарских грамотах XV–XVI в. он обнаруживается в функции уже активного не только причинного, но и дополнительного (изъяснительного) союза, часто в виде *ча*. Наши примеры показывают и начало связывания его с уступительным союзом.

2.6. *Включение уступительных союзов в сочинительные ряды.* Как предикативные, так и – чаще – непредикативные употребления рассматриваемых уступительных союзов с компонентом *макар* показывают частотное включение в сочинительные ряды, оформляющиеся в виде либо повторов самого уступительного союза, либо в сочетании с союзами *и*, *или* (одиночными или повторяющимися): (5) се члкъ не стои никакъ да се ком'ка. макаръ мжъ или женѣ или старъ или младъ. (Троян). В докладе будут показаны семантические трансформации уступительного значения, которые обусловлены сочинительными связями, и предложена интерпретация причин семантического смещения.

Сокращения

Вл – Влахо-болгарские грамоты

Лов – Ловечский дамаскин

Троян – Троянски дамаскин

Литература

Асенова 2002 — Асенова П. Балканско езикознание. София, 2002.

БЕР 1986 — Български етимологичен речник. Т. 3. София, 1983.

ГСБЕ 1991 — Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1991.

ГСБКЕ 1983 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983.

Дограмаджиева 1984 — Дограмаджиева Е. Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.

Иванова 1967 — Иванова А. Троянски дамаскин. София, 1967.

Мирчев 1978 — Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1958.

Младенова, Велчева 2013 — Младенова О., Велчева Б. Ловешки дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. София, 2013.

Ницолова 2005 — Ницолова Р. Семантика и прагматика на сложните съставни изречения с подчинени отстъпителни изречения // Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София, 2005. С. 225–234.

РКБЕНО 2012 — Речник на книжовния български език на народна основа от XVII век (върху текст на Тихонравовия дамаскин). София, 2012.

—

—

Elena Ivanova

Saint Petersburg University, Russia

eli2403@yandex.ru

Tsvetana Dimitrova

Institute for Bulgarian Language, Bulgaria

tsvetana.dimitrova@gmail.com

On *Makar*-Clauses in Bulgarian Literary Monuments of ca. 15th – 17th c.

Our work deals with grammatical and syntactic features of the conjunction *makar* as found in texts from 15th – 17th c. (the Vlach-Bulgarian Charters and two Bulgarian damaskins, which are part of the Diachronic Corpus of Bulgarian Language; <http://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>), which has further extended its use to become a widely used concessive conjunction in present-day Bulgarian. The talk will focus on the structure and semantics of the concessive conjunction in predicative and non-predicative concessive segments.

Key words: *damaskins, Early Modern Bulgarian language, concessive conjunctions, conjunction «makar»*

Александра Иванович

Белградский университет, Сербия

aleksandraivanovic@outlook.com

—
80

**Сербская средневековая гимнография
и современные горизонты поэтики***

В докладе предпринимается попытка переосмыслить дихотомию прозы и поэзии в контексте интерпретации сербской средневековой гимнографии. Автор рассматривает гимнографическую пунктуацию как важный аспект литературоведческого анализа.

Ключевые слова: *гимнография, средневековая литература, ритмичность, цезура, поэзия*

Современная философская поэтика, противопоставляя себя взглядам формалистов на поэзию как на автономную форму, построенную на фонетическом принципе, стремится постичь сущность поэзии через пересмотр ее формальных особенностей — таких как ритм и просодия.

Описание древней сербской гимнографии, наряду с обязательным полным обзором богослужебных действий и практик, для современного читателя подразумевает нахождение соответствий для понятий теории литературы как инструментам филологического анализа текста. Современное герменевтическое отношение к тексту обременено концептами новейшей теории литературы и, следовательно, дихотомией прозы и поэзии. В двадцатых годах прошлого века близкая сердцу любого исследователя бинарная логика получила в формальной теории стиха одно из самых известных своих воплощений. У истока этого теоретического направления Евгений Поливанов и Лев Якубинский показали различия между системой практического языка, который слу-

---

* Перевод с сербского М. Обижаевой.

жит исключительно средством общения, и системой поэтического языка, в котором «языковые представления приобретают самоценность» [Якубински 1970: 137]. Для Е. Поливанова поэзия отличается от прозы тем, что первая имеет «фонетическую организованность, которой вторая не обладает» [Марковски 2009: 124]. Противопоставление поэзии и прозы, как оно было сформулировано формальной школой, все еще глубоко запечатлено в современном использовании этих терминов, и зачастую эти понятия без какой бы то ни было адаптации используются для толкования литературы самых разных эпох, не взирая на то, что они появились в особом контексте межвоенных литературных течений, в особенности футуристских. Так, Роман Якобсон, разбирая древнюю славянскую богослужебную поэзию, утверждал, что количество слогов — наиболее надежный из основных критериев [Якобсон 1966: 117–133], который можно применять при анализе этого стихосложения. Несмотря на то, что Якобсон дает полезные и интересные наблюдения над структурой отдельных сербских эпических песен [Шпадијер 2014: 100], возникает вопрос, насколько его критерии силлабического стихосложения применимы ко всему массиву древней церковной поэзии. Стих как разновидность текста, противопоставленного прозе, «континуированному» языковому потоку, родственному «линейному течению живого слова» [Лешић 2008: 116], невозможно в таком современном понимании рассмотреть в средневековом гимнаграфическом произведении. Одна из причин этого — в «прозаическом», континуитетном написании гимнаграфии. Хотя древняя славянская и сербская церковная поэзия твердо опиралась на византийский канон духовного поэтического творчества, она ни в переводном, ни в оригинальном варианте не сохранила классический силлабический византийский стих. В ней, в местах сочленения отдельных фрагментов текста — «первых стихов, середины и окончания песнопения, без выравнива-

ния количества слогов, но зато с сохраняющимся основным соотношением между более долгими и краткими рядами» [Богдановић 1991: 65] остались только некоторые мелодические совпадения с оригинальными греческими церковными песнопениями. Такая ритмичная смена более долгих разделов текста более краткими может оказаться тем основным формальным критерием, который сближает гимнографические сочинения с современным пониманием поэзии. Знаковое графическое выделение этой поэзии, всегда вызывавшее и продолжающее вызывать вопросы у читателя и исследователя гимнографического текста — это расположение точек и запятых, или же пунктуация.

Непрерывность способа записи церковной поэзии нарушает только точка, которая разделяет текст песнопения на ритмические, мелодические или изредка силлабические отрезки: «Эти части и отрезки являются стихами в более широком понимании этого слова, или *колонами*» [Богдановић 1991: 64]. Так взамен изосиллабических структур в церковной поэзии обнаруживаются *изоколические* структуры* — ритмические отрезки, основанные на параллелизме колонов, т. е. отрезков без версифицированной или слоговой правильности. Эта ритмичность глубочайшим образом связана с функцией церковного песнопения: «Больше любого другого вида литературы богослужебная поэзия создана для чтения вслух и для пения» [Трифуновић 1970: 52].

Вопрос о роли церковной поэзии вновь возвращает нас к началу описания гимнографии и ее амбивалентности — к формальным свойствам текста (к которым следует подходить с филологической терминологией), с одной стороны, и к богослужебному контексту, в котором жанр службы находится в центре, с другой стороны. «Онтологски посматрано, књижевни текст химнографске композиције службе постоји само

---

* Подробнее о понятии *изоколический* см. [Picchio 1973: 299-331].

захвалујући своје предназначењу и тек поредак богослужбене године пружа смисао тексту који чека своје мистичко испуњење» [Наумов 2009: 29]. Поэтому гимнографические тексты нельзя рассматривать с точки зрения формализма, вне общего контекста и цели прославления отдельного святого или церковного события. Сущность богослужения отражается в певческом действии, мелодичность которого оставляет след в графическом облике текста — точка и запятая означают паузу, или, как ее называет Григорий Хиландарец, составитель «Хроники Зонары», «препокоище слова» [Трифуновић 1970: 53] — место отдыха слова, аналог современному термину *цезура*.

Если понятие ритма, облик которого возникает в графическом обозначении цезуры, рассматривать как одно из основных свойств древней сербской гимнографии, то и понятия *поэзии*, *прозы* и *стиха* в понимании формализма нуждаются в переосмыслении. Поэтому при таком подходе к пониманию церковной поэзии иные современные концепции стихосложения оказываются более результативными. К таким относится и всё чаще упоминаемая «философская поэтика», которая настаивает на добавлении онтологического смысла формальным свойствам поэзии, её онтике. Один из представителей такого понимания поэзии Филипп Лаку-Лабарт именно в цезуре как в антиритмичном разрыве поэтического текста видит концепт преходящего, конечного в человеческом опыте, в котором равновесие всегда противопоставлено исконной неуравновешенности, ритмический поток обусловлен анти-ритмом, паузой и недостаточностью [Lacoue-Labarthe 1985: 65]. Подобным образом и Джорджо Агамбен в своем эссе «Конец поэмы» сущность всего поэтического творчества находит в понятии приостановки (задержки, перешагивания), утверждая, что «могу́нност опкорачења конституише једини критеријум за разликовање поезије од прозе» [Agamben 1999: 109]. Толкуя стихи Данте, он так-

же сосредотачивается на моменте остановки, недостаточности, поскольку там, в точке высочайшего напряжения, на границе мистического молчания проявляется сущность поэзии. Оба этих мыслителя в значительной степени опираются на философское наследие Мартина Хайдеггера, на его концепцию поэтического творчества, языка и сознания. В своих эссе, посвященных поэзии Гельдерлина [Хайдеггер 1982: 129—219], Хайдеггер рассматривает онтологические предпосылки литературного творчества и то значение, которое этот вид творчества имеет для подлинности человеческого существования. Отстраняясь от формально-лингвистического подхода, М. Хайдеггер рассматривает поэтическое творчество сквозь вопрос его сущности — «обнавьаѣа целине бивствоваѣа на логосном извору језика» [Поповић 2014: 66]. Попытка проанализировать поэзию с позиций формализма всегда в известной мере приводит к предметности, *тварности* ее смыслов, которые невозможно уловить, поскольку они содержатся в невысказанном, в том, что замалчивается, в пограничном. И в этом понимание Хайдеггера во многом близко дискурсу апофатического богословия Средневековья*.

Несмотря на то, что концепции стихотворного творчества указанных авторов новы и применимы к современной поэзии, они представляются более близкими поэтике средневекового церковного творчества, нежели теории чистого формализма. Первых не интересуют исключительно метрические схемы и ритм, но в этих формальных отличиях они видят только «подножье гор», только основание, которое поднимается к сущности поэзии, и потому они особым образом служат мостом от современного к средневековому опыту стихотворства.

Понимание древней церковной поэзии в духе указанных аналогий происходит, прежде всего, при поиске сути ее ритмических волн и тем самым обязательно

---

* Подробнее об этом см. в: Јанарас 1997.

возвращает к феномену богослужения. Жанр церковной службы, связанный с культом определенного святого или праздника, всегда несет в себе идеал добродетели как «синтеза божественных черт своего прототипа» [Богдановић 1911: 49]. Ритмичность, артикулированная в песнопении, может быть, в первую очередь, именно так понята в свете эмоционального переживания слушателем святости и гимнового прославления добродетели. «Ритм обещает гармонию. Он приглашает к участию. Он отказывается от рассуждения» [Valiavitcharska 2013: 1]. Таким образом, участие в гимнографической ритмичности демонстрируется как причастность к универсальным ценностям Церкви, к чувству общности.

Изучение сути церковного стихосложения, вопросов его ритма, цезуры и приостановки ведет в конце к неразрывной связи с проблемами его текстологии, в особенности с действием передачи его исконной пунктуации. Внимание, которое уделяется знакам пунктуации, амбивалентность их толкования сосредоточено на границе двух дисциплин — поэтики и текстологии, и в одно и то же время устанавливает между ними и рубеж, и точки соприкосновения.

Литература:

Agamben 1999 – Agamben G. The End of the Poem // The End of the Poem: Studies in Poetics, trans. Daniel Heller-Roazen, Stanford University Press, Stanford, 109-119.

Богдановић 1991 – Богдановић Д. Стара српска књижевност // Историја српске књижевности. Београд.

Valiavitcharska 2013 – Valiavitcharska V. Rhetoric and Rhythm in Byzantium: The Sound of Persuasion, Cambridge University Press, Cambridge.

Јакобсон 1966 – Јакобсон Р. Лингвистика и поетика. Београд.

Јакубински 1970 – Јакубински Л. О звучима језика стиха // Поетика руског формализма, превео А. Тарасјев, приредио А. Петров. Београд.

Јанарас 1997 – Јанарас Х. Хајдегер и Дионисије Ареопагит, превео С. Јакшић, Братство св. Симеона Мироточивог, Врњачка Бања.

Lacoue-Labarthe 1985 – Lacoue-Labarthe Ph. La césure du speculative // L'imitation des modernes, Galilée, Paris, 39-71.

Лешић 2008 – Лешић З. Теорија књижевности. Београд.

Марковски 2009 – Марковски М. П. Руски формализам // Књижевне теорије XX века. Београд, 123-147.

Наумов 2009 – Наумов А. Служба као жанр // Старо и ново. Студије о књижевности православних Словена, Центар за црквене студије, Ниш, 29-44.

Picchio 1973 – Picchio R. The Isocolic Principle in Old Russian Prose // Slavic Poetics. Essays in honor of Kiril Taranovsky, The Hague – Paris, 299-331.

Поповић 2014 – Поповић У. Хајдегерово филозофија језика, докторска дисертација. Универзитет у Београду, Филозофски факултет, Београд.

Трифуновић 1970 – Трифуновић Ђ. Стара српска црквена поезија // О Србљаку. Београд, 9-93.

Хајдегер 1982 – Хајдегер М. Мишљење и певање, превео Б. Зец, Београд.

Шпадијер 2014 – Шпадијер И. Светогорска баштина. Београд.

Aleksandra Ivanović

University of Belgrade, Serbia

aleksandraivanovic@outlook.com

Serbian Medieval Hymnography and Poetic Horizons of Modernity

This paper aims to reevaluate the dichotomy of prose and poetry in the context of the interpretation of Serbian medieval hymnography. The author examines hymnographic punctuation as an important point for literary analysis. Opposing formalistic views of poetry as an autonomous

form, based on the phonetic principle of organization, contemporary philosophical poetics aims at reaching the very essence of poetry through rethinking its formal features, such as rhythm and prosody.

Keywords: *hymnography, medieval literature, rhythm, caesura, poetry*

Александра Ипполитова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Россия
alhip@ya.ru

**Библейские мотивы на страницах русских травников
XVII – начала XX вв.**

В статье рассматриваются библейские мотивы в русских рукописных травниках. Они представлены в фитонимах и в легендах о растениях и связаны с такими персонажами, как Адам, пророк Моисей, первосвященник Аарон, архангелы, Богородица, Иуда.

Ключевые слова: *травники, этноботаника, рукописи, Библия, фольклор, фитонимы, легенда*

Имена библейских персонажей и сюжеты ветхозаветной и новозаветной истории нашли отражение в различных сторонах славянской народной культуры. Не является исключением и народная ботаника. Значительный материал об этом аспекте народной культуры был выявлен в последние десятилетия в работах В.В. Усачевой, Т.А. Агапкиной, С.В. Дубровиной, О.В. Беловой, В.Б. Колосовой, И.В. Родионовой и др. Таким образом, устная версия народной Библии в славянском гербарии в настоящее время достаточно хорошо изучена. Однако в отношении рукописной традиции русских травников этого пока сказать нельзя, хотя отдельные сюжеты, безусловно, проработаны.

«Народные» травники представляют собой рукописные сборники непостоянного состава, содержащие небольшие статьи-описания растений и их полезных для человека свойств. Традиция существовала в XVII – начале XX в. и является гетерогенной. Библиейские мотивы в травниках, так же, как и в устной традиции, проявляются в названиях растений либо в связанных с ними легендах.

С Ветхим заветом в травниках связаны такие фитонимы как *адамова глава*, *аронова борода*, *моисеев жезл*, а также *скипетр*.

Фитоним *адамова глава* был очень популярен в травниках с самого начала XVIII в. и вплоть до начала XX в. В одном из этих текстов встречается этиологическая легенда: «Есть трава адамова глава, а зорожона она на Ярдани реке и на Сиени горе по[д] святым деревьям копарисам. Древа копариса Госпоть зародил ради Христова распятия, а адамова глава ради Христова утверждения» (ИРЛИ. Р. IV, оп. 23, № 23, л. 1 об.-2, 1830-е гг.).

Сам Адам фигурирует и в тексте другой легенды, которая будет приведена ниже, так как она связана с Богородицей.

Фитонимы *ааронова брада* и *моисеев жезл*, несомненно, отсылают к образам пророка Моисея и его старшего брата Аарона. Однако в текстах о соответствующих растениях никаких иных связей с библийским преданием, кроме фитонимов, не прослеживается: «Трава Ааронова брада растет, аки борода, имеет пупавки круглые черны[е], листья зелены, корень кругловат с отроскам, подобен, аки можка с кистми, и раздвоен. Та трава варить в воде или в пиве, сердце безмерно укрепляет» (БАН. 45.8.175, л. 14, № 88, XVIII в.)

«Трава моисеев жезл вышиною в груди, собою тонка и глатка, лист, что девесилной, корень желтоват, цвет рудожелтой, мелок, что семя конопляное, [к]ругом главы болши пяди. И тое траву толчи и с коренем в сусле давать пить, выгонит глисты» (ГИМ. Забел. 652. Л. 6 об.-7, № 33, XVIII в.)

Об архангелах в травниках опосредованно напоминает название травы *скипетр*: «Скипетр. Растет мудро, высокою в колено и ниже, лист мелкой, цвет синь, наверху, как скипетр, каков пишут у архангелов, а поверх его как рогатинка узенка. И та трава носить при себе в чистоте, от мору сохраняем будет, и от порчи, и от окорму. А коя старее, та и сильнее, а у иной верх кучкою, что венец, та и лучши» (ГИМ. Муз. 2185. Л. 122 об., XVIII в.)

Новозаветное предание в травниках представлено в основном различными растениями, связанными с Богородицей, – по своему названию (*богородская, богородичная, богородицкая, богородицына речка, богородицына свеча*) или по легенде (трава *плакун*).

«Богородичные» растения в травниках обычно соотносились со сферой женского (считалось, что они помогали при детских и женских недомоганиях), а также являлись оберегом от нечистой силы: «Есть трава Богородская, растет при великих реках и при полыньниках на добрых местах, собою мала, что елочка, растет кустиками. И та трава велми добра молодым детям дать в молоке, поможет от всякой скорби и осуду. А корень носить добро у которой женки груди болят, пей в молоке козье истопивши, поможет. И ко всему держи с ладаном в храмине от нечистаго духа» (РНБ. Q.VI.18, л. 27 об., № 9, XVIII в.) «Есть трава богородицына свеча, цвет наверху один мохнат желт, прут без листу, кореньцо дробно, что желutki дубовые, растет при орешниках. Добра та трава от лукаваго, и рост ея в колено и выше» (РНБ. Тит. 4285, л. 22, № 7, XVIII в.)

Растение *богородицына речка* (вероятно, искаженное *богородицына ручка*) предполагалось использовать в гадании о судьбе больного: «Есть трава богородицына речка, цвет маленек лазорев, сама мала, подобна чебру, примета. Трава добра к болям, которые человек болен, положи ту траву в речную воду на ночь. И кому не умереть, и та трава в той воде розцветет, цветы лазоревые будут на ней. А кому не встать, и та трава как положит,

так и выимет, не спит, не розцветет» (РНБ. Тит. 4285, л. 21 об.-22, № 6).

Уже с конца XVII в. в травниках встречается этимологическая легенда о происхождении травы *плакун*, также связанная с образом Богородицы: Богородица плакала о Христе, ее слезы падали на землю, от тех слез и получила свое имя трава *плакун*. «Плакун есть трава, а растет по лугам и подле рек на дрествах и по песком, а стволы вышиною в аршин и больши. <...> Понеже сия трава свята есть: егда плакала Пресвятая Богородица по Сыне своем, Господе нашем Иисусе Христе, и точила свои святые слезы на сырую землю, и от тех слез сия трава плакуном и зовется» (ГИМ. Шук. 285/292, л. 201–201 об., № 39, 223–225, № 82, конец XVII в.)

В одном из позднейших вариантов этой легенды в травниках появляется и образ плачущего Адама, изгнанного из рая: «Трава плакун. Сия трава всем травам мать. Потому она называемая плакуном от Господа Иисуса Христа распятого. Тогда Пречистая Богородица наяву слезы ронила и гороко плакала о Сыне своем, а о нашем Спасителе. Тогда Адама Господь выгнал из рая, и уйде к реке Иорьдан, а на траву слезы ронили и плакали о лишение благодати Божия» (РНБ. Грузд. 124, л. 1 об.-2 об., № 1, XIX в.).

Тот факт, что легенда о плачущей Богородице встречается не во всех, но лишь в некоторых текстах о *плакуне*, говорит о том, что эта легенда проникла в травники извне, скорее всего – из духовного стиха о Голубиной книге, с отдельными вариантами которого в легенде травников есть буквальные совпадения.

В одном из текстов, попавших в травники из лечебников, встречается напоминание об Иуде – в названии древесного гриба *идовы уши*: «Есть трава губа, словет идовы уши, растет на берези, сверху бела, а в ней красно, в раменных местах. Повари ее в молоке пресном и то мало попей от гортанной болезни и от каш-

лю, а губу вынь и спрячь - опять пригодится» [Губерти 1859: 82, № 37].

Таким образом, среди библейских мотивов, выявленных в рукописных травниках, наиболее разработаны мотивы, связанные с Богородицей (фитонимы и легенда в разных вариантах) и в несколько меньшей степени – с Адамом (фитоним и единичная легенда). Память об остальных персонажах сохранилась лишь в фитонимах и эксплицитно не развита в текстах.

—

91

—

Литература

Губерти 1859 – Книга, глаголемая травник [Публикация В.В. Губерти] // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1859. С. 76–83 (4-я пагинация). [«Народный» травник XVIII в.]

Alexandra Ippolitova

*A.M.Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Russia
alhip@ya.ru*

Biblical Motifs in Russian Manuscript Herbals of XVII — early XX centuries

The article deals with biblical motifs in Russian handwritten herbals. They are represented in plant names and in plant-legends and are associated with such characters as Adam, the prophet Moses, the high priest Aaron, archangels, the Virgin Mary, Jude.

Key words: *herbals, ethnobotany, manuscripts, Bible, folklore, plant names, legends*

Наталия Карева

Институт лингвистических исследований РАН, Россия
natasha.titova@gmail.com

— **Евгений Пивоваров**

92 *Институт истории естествознания и техники*
им. С.И. Вавилова РАН, Россия
— pivovaro@mail.ru

**К истории изучения «Российской грамматики»:
попытка атрибуции некоторых документов
из архива М.В. Ломоносова**

Доклад посвящен истории создания «Российской грамматики М.В. Ломоносова. Изучив собрание его черновых заметок, получившее название «Материалы к Российской грамматике», авторы пытаются уточнить авторство включенных в эту коллекцию документов, написанных неизвестными помощниками ученого.

Ключевые слова: *М.В. Ломоносов, И.С. Барков, А.С. Барсов, «Российская грамматика»*

Об истории создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова известно немного – в первую очередь потому, что ни одна рукопись ее не сохранилась. Однако, по всей видимости, их было несколько. Во-первых, черновик доведенной до середины грамматики, который Ломоносов в июле 1755 г. показал Академическому собранию [Протоколы 1899: 333]. Во-вторых, беловая рукопись, поднесенная вел. кн. Павлу в день рождения [СПФ АРАН Ф. 3. Оп. 1. № 466. Л. 348]. В-третьих, еще один беловой экземпляр, сделанный перед передачей грамматики в Академическую типографию [СПФ АРАН Ф. 3. Оп. 1. № 466. Л. 348]. Рапорты ее служителей свидетельствуют, что Ломоносов продолжал работать над текстом в течение 1756 г. [Моисеева 1971: 54–56]. Из архивных доку-

ментов также известно, что в феврале 1756 г. И.С. Барков переписывал его, «беспрестанно» находясь у Ломоносова [СПФ АРАН Ф. 3. Оп. 1. № 525. Лл. 78]. Таким образом, рукописи «Российской грамматики» не были идентичными. Их выявление позволило бы представить, как происходило редактирование текста на финальном этапе работы. К сожалению, до настоящего времени они не найдены. Можно лишь предполагать, что, по меньшей мере, два экземпляра были переписаны Барковым [СПФ АРАН Ф. 3. Оп. 1. № 203. Лл. 209–210; Ф. 3. Оп. 1. № 525. Лл. 78].

Сейчас в распоряжении исследователей имеется только собрание черновых заметок Ломоносова [СПФ АРАН Ф. 20. Оп. 1. № 5], известное в публикациях XIX и первой половины XX вв. как «Рукопись 112», а после публикации в Академическом полном собрании сочинений (АПСС) 1950–1983 гг. получившее название «Материалы к Российской грамматике» [Ломоносов 1952: 595–760]. Они были собраны после смерти Ломоносова и предназначались для библиотеки гр. Г.Г. Орлова [Кулябко, Бешенковский 1975: 142]. Коллекция мыслилась как собрание филологических текстов. Документы отбирались по тематическому принципу, вследствие чего оказались соединены воедино хронологически разнородные материалы. Некоторые датируются концом 1740-х гг., часть – серединой 1750-х и началом 1760-х гг. Кроме того, в составе коллекции обнаруживаются документы, написанные не Ломоносовым.

1. Более десяти листов (Лл. 61–66 об., 69–78 об., 120–121 об., 124–125 об., 135–135 об., 137–143 об., 145–146) – списки и слов и грамматические материалы – написаны рукой неизвестного лица с пометами и добавлениями Ломоносова. Вероятно, эти записи относятся к концу 1740-х гг., когда собирался и систематизировался языковой материал. При публикации в АПСС 1950–1983 гг. В.Н. Макеева охарактеризовала эти грамматические записи как переложение на русский язык грамматики Смотрицкого [Ломоносов 1752: 908]. Однако в последующих работах доказывается, что их автор принимал самостоятельные решения

как в области классификации языкового материала, так и в области используемой терминологии. Он предложил оригинальную классификацию значений союзов, отличающуюся и от классификации Смотрицкого, и от классификации в «Российской грамматике» [Keipert 1987: 262–265]. В его записях в первый раз употребляется термин *предложный падеж* [Волков, Карева 2018].

Имя автора записей до сих пор не установлено [Ломоносов 2011: 800–801], однако в монографии Г.И. Моисеевой высказывается мнение, что материалы из «Рукописи 112» переписаны рукой Баркова [Моисеева 1971: 43]. Мы сопоставили почерк автора записей в «Материалах» с образцами скорописного почерка Баркова [СПФ АРАН Р. II. Оп. 1. № 28. Лл. 101–110 об., 113–118 об.; Кулябко, Соколова 1965] и пришли к выводу, что почерк «неизвестного помощника» Ломоносова имеет совпадения с почерком Баркова в способе начертания большого количества букв, однако есть и стабильные различия, не дающие возможности утверждать, что именно Барков был тем самым «неизвестным помощником», собиравшем для Ломоносова лексические и грамматические материалы.

2. Три листа (Лл. 122–123) в «Материалах» содержат замечания (советы, исправления и добавления) к отдельным параграфам «Российской грамматики», составленные, по всей видимости, в конце 1755 – начале 1756 г., когда текст уже был готов и редактировался. В АПСС 1950–1983 гг. эти замечания были опубликованы в комментарии [Ломоносов 1952: 881–882]. В ходе работы в СПФ АРАН нами было установлено, что замечания на Лл. 122–123 «Материалов» имеют совпадения с образцами почерка [СПФ АРАН Ф. 3. Оп. 1. № 103. Лл. 79–80, 95, 297, 378; Ф. 3. Оп. 1. № 100. Лл. 25–25 об., 68, 157, 246, 267 и др.] Алексея Степановича Барсова (1718–1763), который в это время был корректором Академической типографии [Модзалевский 1937: 389]. О нем известно немного. Он был племянником извест-

ного литератора, директора Синодальной типографии А.К. Барсова, сын которого А.А. Барсов (1730–1791) впоследствии составил другую знаменитую грамматику русского языка [Тоболова 1993: 28].

К тому времени, когда составлялись замечания, Барсов и Ломоносов были давно знакомы. С 1730 по 1735 гг. Барсов обучался в Славяно-греко-латинской академии. В декабре 1735 г. вместе с одиннадцатью учениками, в том числе и Ломоносовым, он был отправлен из Москвы в Петербург в Академический университет [Описание 1901: XV, стлб. 505–508]. Большинство хранящихся в СПФ АРАН документов, связанных с Барсовым, относятся к концу 1740 – первой половине 1750-х гг.: они характеризуют его как деятельного руководителя Академической типографии и плодотворного переводчика.

Таким образом, исследование архивного фонда Ломоносова, в том числе материалов СПФ АРАН Ф. 20. Оп. 1. № 5, дает представление о том, как происходила работа над «Российской грамматикой» – в том числе на этапе, когда она была уже сдана в типографию, и кто из коллег ученого помогал ему в редактировании текста.

Литература

Волков, Карева 2018 – Волков С.С., Карева Н.В. Формирование русской грамматической терминологии: наименования *предложного надежа* в русской грамматиках XVIII в. // Терминология и знание. Материалы VI Международного симпозиума. М., 2018 (в печати).

Кулябко, Бешенковский 1975 – Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

Кулябко, Соколова 1965 – Кулябко Е.С., Соколова Н.В. И.С. Барков – ученик Ломоносова // Ломоносов: сб. ст. и материалов. М., Л., 1965. С. 207–216.

Ломоносов 1952 – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., Л., 1952.

Ломоносов 2011 – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 7. М., СПб., 2011.

Модзалевский 1937 – Модзалевский Л.Б. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. М., Л., 1937.

Моисеева 1971 – Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Описание 1901 – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода. Т. X (1730 г.). СПб., 1901.

Протоколы 1899 – Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. II. 1744–1770. СПб., 1899.

Тоболова 1993 – Тоболова М.П. Антон Алексеевич Барсов. М., 1993.

Keipert 1987 – Keipert H. Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts // Die Welt der Slaven 32 (2), 1987. S. 230–301.

Natalia Kareva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
natasha.titova@gmail.com

Evgenij Pivovarov

S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Russia
pivovaro@mail.ru

To the History of the «Russian Grammar» Study: an Attempt to Attribute Some Documents from M.V. Lomonosov's Manuscript Collection

The paper is devoted to M.V. Lomonosov's linguistic studies. The authors conclude that partially the draft notes for his "Russian Grammar" were written not by the scholar but by two other people whose personalities they try to identify.

Key words *M.V. Lomonosov's "Russian Grammar", I.S. Barkov, A.S. Barsov*

Кира Коваленко

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

kira.kovalenko@gmail.com

Грамматика Мелетия Смотрицкого в азбуковниках XVII века*

—
97

В лексикографических произведениях XVII в. активно использовались грамматические сочинения — как в качестве сопроводительных материалов, так и в качестве источника для словарных статей. В азбуковник Давида Замарая впервые были включены некоторые термины из Грамматики Мелетия Смотрицкого; в последующих редакциях количество словарных статей на основе грамматики было увеличено за счет транслитерированных греческих лексем с переводом на русский язык.

Ключевые слова: *лексикография, азбуковники, Грамматика Мелетия Смотрицкого, грамматические сочинения*

Азбуковники Московской Руси — это произведения лексикографического жанра, объясняющие малопонятные слова преимущественно иноязычного происхождения. Практически сразу они стали универсальными справочниками для редакторов и писцов благодаря тому, что в их конвой были включены известные к тому времени грамматические сочинения, от небольших статей до значительных по объему сочинений, как например «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (подробнее см. в [Коваленко 2015: 103–104]). Спорадически отдельные термины из этих сочинений, такие,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-34-01008 «Русские рукописные словари как культурный феномен: история бытования и литературный контекст».

как *грамматика**, *диффонги*, *просодия*, объяснялись непосредственно в словарных сводах, однако это были единичные случаи.

В Азбуковнике Давида Замарая, в его первой редакции 1626–1627 гг. (РГБ, собр. Г.Г. Юдина, 4), впервые использовано еще одно грамматическое сочинение — «Грамматики Славенския правильное синтаagma» Мелетия Смотрицкого 1619 года, причем не в конвое азбуковника, а как материал для словарного свода. Термины грамматики и стиховедения впервые стали объектом лексикографического описания в таких словарных статьях, как *Схимата*, *образы*; *Сінектохи*, *обьятіе*; *Сінфесисъ*, *сложеніе*; *Силлицисъ*, *осяженіе*; *Антїптосисъ*, *мъстопадежіе*; *Елегїискіи*, *пятомърителныи*; *Ежа-метер*, *шестомърителныи*; возможно *Междометіе*, *различіе* (Юд. 4, л. 100об., 100об., 100об., 4, 30об., 30, 101об.), ср. [Грамматики... 2000: 450, 465, 67]. Не все из них были даны в Грамматике на русском языке, некоторые необходимо было транслитерировать с греческого, ср. *ἀφαιρέσις*, или *ѡложеніе*; *ἀναδίπλωσις*, или *оусугубленіе*; *σῦστολή*, или *ослабленіе*; *σῦζωπή*, или *стисненіе*; *διαίρεσις*, или *раздѣленіе*; *σῦναλοιφή*, или *спряженіе* [Грамматики... 2000: 468–469] и *Ἀваресисъ*, *ѡложеніе*; *Ἀнадиплосисъ*, *оусугубленіе*; *Систоли*, *ослабленіе*; *Сископи*, *стїсненіе*; *Дїаїресисъ*, *раздѣленіе*; *Сїніалоїфи*, *сопряженіе* (Юд. 4, л. 1, 1, 101, 101, 27, 101).

Ссылки на источник в Азбуковнике 1626 года отсутствуют, однако они даны при аналогичных словарных статьях в последующих редакциях (БАН, Архангельское собр., Д446; РНБ, Погодинское собр., 1642). В них также появились указания на язык толкуемых слов. Кроме того, были добавлены новые словарные статьи — по всей вероятности, Давид Замарай вновь обратился к Грамматике Мелетия Смотрицкого и прорабо-

---

* На материале разных азбуковников термин рассматривается в статье [Ковтун 1994].

тал ее более тщательно. На этом этапе в азбуковники активно входят новые термины стихосложения (*спондий, пиррихий, дактиль, анапестъ, амфиврахий, амфимакръ, вакхий, палимвакхий, пентаметерь, асклипиадский слогъ* и др.**) и греческие слова из фраз, использованных Мелетием Смотрицким в качестве примеров. Слова из примеров, написанные в грамматике греческими буквами с переводом на русский, в азбуковнике транслитерированы, а сами фразы разделены на части, так что на основе одного примера возникало несколько словарных статей азбуковника: εἰ καὶ ὁ ἔξο ἡμῶν ἄνδρ διαφθείρεται, ἀλλ' ὁ ἔσωθεν ἀνακαινοῦται ἡμέρα καὶ ἡμέρα — *Аще и внѣшній нашъ члѣвъ тлѣеть но внутрній обновляется во вся дни* [Грамматики... 2000: 410] — *Оеѡ {з}***, внѣшнїи; Диаѡѡеретан (!) {з}, тлѣнїе, или тлѣет; Есоѡенъ {з}, внутрениї; Анакѣнутай {з}, обновляется* (Арх. Д446, л. 166об., 63об., 82, 80б.). Новые материалы органично вписались в словарный свод, дополнив список греческих лексем из разговорника «Рѣчь тонкословия греческого» и других источников.

Можно предположить, что кроме греческих слов, в словарный свод вошли лексемы из простой мовы, содержащиеся в предисловии к изданию 1619 года, ср.: *Пожитокъ грамматїки...* [Грамматики... 2000: 133] — *Пожиток грамматикїи (т) потребное* (Юд. 4, л. 89).

В азбуковники Соловецкого книжника Сергия Шелонина (БАН, собр. Ф.О. Плигина, 71****; РГБ, собр. Н.С. Тихонравова, 338; РНБ, Соловецкое собр., 18/18),

** При толковании стихотворных размеров в Грамматике и статьях азбуковников наблюдается различие в приводимых примерах, ср. *Амфїмакръ* ---: *яко рукояты: любодѣй* [Грамматики... 2000: 464] — *Амфїмакръ (т) слогъ краткїи посредѣ двою долгою; сицевыи, любовни* (Арх. Д446, л. 20об.). Причина данных различий пока не ясна.

*** В фигурных скобках указаны буквенные сокращения над толкуемыми словами, которые обозначают язык-источник (в данных примерах — греческий).

**** Прежний шифр — БАН 33.9.1.

созданные в 1640-х — начале 1650-х годов, данные статьи были заимствованы практически без изменений. В более поздние словарные своды, дошедшие до нас в списках конца XVII — первой четверти XVIII в. (РГБ, собр. Н.С. Тихонравова, 1; РГБ, собр. Д.В. Пискарева, 198), включены новые материалы из Грамматики, что привело к дублированию отдельных статей. В частности, при вторичном включении названия двусложных и трехсложных стихотворных размеров с примерами, расположенные все вместе на букву Д, — *Двосложнии*, <С>пондии ~ небо яко чистьи: любви. Пиррихии ~ яко небо: море. Трохей ~ яко с(е)рдце: тгъло. <И>амвь ~ яко корысть: время. Тресложнии: <Д>актиль ~: яко былие: черпало... (Тихонр. 1, л. 122) — частично дублируют уже имеющиеся статьи *Сpondeи*, *двоедолгii сло-гъ якоже се любя* (л. 292об.), *Пиррихий, тол, двокрад-кiй сло-гъ, якоже се море* (л. 261об.), *Дактил, тол, дактиломъ именуеть сло-гъ долгii пред двама краткима, якоже се будетъ* (л. 112) и другие, помещенные в соответствующие буквенные разделы.

Сведения о грамматике в азбуковниках расширились также за счет других сочинений: в первой редакции Азбуковника Сергия Шелонина (в буквенном подразделе *Г-а*) появилась статья неизвестного происхождения «Грамматичество что есть» (Плиг. 71, л. 145–151), которая была опубликована И.В. Ягичем по более поздней, выборочной редакции Шелонинского азбуковника [Ягич 1885–1895: 993–995], а после нее — грамматические таблицы, включая сокращенный и несколько измененный вариант «Святаго Иоанна Дамаскина о осми частех слова елико пишем и глаголем» [Ягич 1885–1895: 703–706, 757, 760–767].

Таким образом, в азбуковниках была заложена традиция лексикографического описания лингвистической терминологии, что способствовало развитию и распространению грамматической мысли в Московском государстве.

Литература

Граматики 2000 – Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М., 2000.

Коваленко 2015 – Коваленко К.И. Сопроводительные статьи азбучников XVI–XVII в.: грамматические сочинения // Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнознавства: Зб. наук. праць. Київ, 2015. С. 102–111.

Ковтун 1994 – Ковтун Л.С. Грамотикия — Грам'матикъ — Грам'матика — Грамотичество // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхроническом освещении. Новосибирск, 1994. С. 58–60.

Ягич 1885–1895 – Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1885–1895.

–

101

–

Kira Kovalenko

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

kira.kovalenko@gmail.com

Meletius Smotritsky's Grammar in the Lexicons of the 17th century

The first lexicographical compilations of the 17th century intensively used grammar works as additional materials and as a source of the word entries. David Zamaray was the first compiler who included some terms from the “Slavonic Grammar with Correct Syntax” by Meletius Smotritsky. In later editions, the amount of word entries based on the Grammar increased due to transliterated Greek words supplied with Russian translation.

Key words: *lexicography, handwritten lexicons, Meletius Smotritsky, “Slavonic Grammar with Correct Syntax”, grammar works*

Алла Кожина

Белорусский государственный университет, Беларусь

kozhinster@gmail.com

Слово как реминисценция из Библии

102

В статье рассматривается судьба библейского слова *бдолах* (בדלה) в традиции Slavia Orthodoxa и в текстах нового времени. Делается вывод о том, что это слово, утрачивая собственную семантику, начинает выступать в качестве знака, связывающего вновь создаваемый текст со Священным писанием.

Ключевые слова: *Священное писание, реминисценция, перевод*

Среди различных разновидностей заимствований существуют своего рода слова-цитаты, которые, попадая из текста-источника в текст на чужом языке, формально не изменяются и в последующем не внедряются в лексическую систему этого другого языка, но кочуют из произведения в произведение, зачастую оставаясь только реминисценцией из текста-источника, следом его присутствия во вновь создаваемом тексте.

К таким словам относится библейская лексема *бдолах* (בדלה), употребленная два раза в тексте Ветхого Завета, причем оба употребления, по словам создателей словаря библейского иврита [Brown etc. 1907: 95], не дают возможности однозначного определения ее значения:

Быт. 2, 12: *и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс;*

Чис. 11, 7: *манна же была подобна кориандровому семени, видом как бдолах.*

В LXX первом случае (Быт. 2, 12) בדלה было переведено как ἄνθραξ ‘карбункул’, во втором (Чис. 11, 7) – κρύσταλλος ‘лед’, ‘горный хрусталь’, ‘прозрачный

камень'. За LXX последовал церковнославянский перевод, в котором находим:

Быт. 2, 12: Злато же оныа земли доброе: и тамо есть анообразъ и камень зеленыи;

Чис. 11,7: Манна же баше аки сѣма коріандрово, и видь еа іакв видь крвсталла.

Вульгата же демонстрирует заимствование с грамматическим преобразованием по законам латинского языка, в результате чего в латинском переводе Библии возникает слово *bdellium*: «винная пальма», «благовонная камедь этой пальмы», «услада» [Дворецкий 2000: 100]. И.Х. Дворецкий также отмечает, что это слово было заимствовано из греческого. Действительно, в греческом обнаруживаем βδέλλιον «восточная винная пальма», восходящее, по мнению Х. Фриска, именно к др.-евр. בָּדֵלִיָּה [Frisk 1954: 229]. Тем не менее, переводчики LXX не заметили этого слова.

Из Вульгаты лексема *bdellium* попала во многие западноевропейские библейские переводы. В русскоязычной научной литературе мы также встречаем слово *бделлий*, действительно обозначающее смолу соответствующего дерева, ср. на сайте «Новые химические технологии» [Аналитический портал химической промышленности 2009]: «Бделлий, *Bdellium*, получается из растения *Balsamodendron africanum*, растущего в Сенегамбии, и из *Bals. Mukul (indicum)*, растущего в Индии. Африканский бделлий представляет засохший свободно вытекший сок упомянутого кустарничного растения и имеет вид неправильных, в 2–3 см кусков от желтоватого до буро-красного цвета».

Лексема же *бдолах* появляется только в русском Синодальном переводе, откуда и были извлечены приведенные в самом начале библейские стихи. Работа над ним была начата в 1816 г., а полный перевод был издан в 1876 г. Редкое слово *бдолах* привлекло внимание. Вот что пишет об этом М. Гаспаров: «В кругу Вячеслава Иванова была в ходу еще более изысканная игра: поэт,

написав сонет, посылал его другому с недописанными строчками, а другой, угадав по ним рифмующие слова, отвечал ему «ответным сонетом» на угаданные рифмы. Иванов ответил таким сонетом на сонет Гумилева (исправив неточные рифмы его второго катрена). «Бдолах» в стихах Гумилева – душистая восточная смола» [Гаспаров 1993: 209].

Вот эти сонеты:

Судный день

*Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.
Священных схим озлобленный расстрига
Я принял мир и горестный и трудный,
Но тяжкая на мне теперь верига,
Я вижу свет... То день подходит Судный.
Не смирно, не бдолах, не кость слоновою
Я приношу зовущему пророку –
Багряный сок из виноградин сердца,
И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Року
Блаженно – расточаемую кровью.*

Н. Гумилев, 1909.

Sonetto di risposta

*Не верь, поэт, что гимнам учит книга:
Их боги ткнут из золота полудней.
Мы – нива; время – жнец; потомство – рига.
Потомкам – цепь трудолюбивых будней.
Коль светлых Муз ты жрец, а не расстрига
(Пусть жизнь мрачней, година многотрудней), –
Твой умный долг – веселье, не верига.
Молва возропцет; Слава – правосудней.
Оставим, друг, задумчивость слоновою
Мыслителям, а львиный гнев пророку:
Песнь согласим с биемьем сладким сердца!
В поэте мы найдем единоверца,
Какому б век повинен ни был року, –
И Розу напитаем нашей кровью.*

Вяч. Иванов, 1909.

Представляется, однако, что попав в стихи поэтов Серебряного века, слово *бдолах* начинает употребляться для обозначения не прозаической, хотя, возможно ценной смолы, а некоторой божественной ценности, абстрактной, а потому недостижимой.

Вот еще фрагмент из повести Н. Гумилева «Дочери Каина» [Гумилев 2009]: «В соседнем лесу слышен звон каменных топоров — это его дети строят ловушки для слонов и тигров, перебрасывают через пропасти цепкие мосты. А в ложбинах высохших рек семь стройных юных дев собирают для своего отца глухо поющие раковины и бдолах, и оникс, приятный на взгляд».

Неважно, что обозначает данное слово. Здесь оно становится пустым знаком, скрепой, вносящей в текст

необходимую библейскую аллюзию. Нечто подобное можем обнаружить в стихотворении «Зверь» (цикл «Топаз») Надежды Лохвицкой [Тэффи 2009]:

*Было в земле той хорошее золото,
Камень оникс и бдолах.
Жили мы вместе в долине Евфрата,
В пышных эдемских садах.
.....
Но в мире новом мы стали врагами!
Злато, оникс и бдолах
Бросили вечным проклятьем меж нами
Злобу, страданье и страх...*

—
105
—

Видимо, подобное употребление поддерживалось необычным, экзотическим фонетическим обликом лексемы. И в современных текстах слово *бдолах* продолжает использоваться для обозначения чего-то таинственного, но, безусловно, ценного, ср., например: «Итак – из Эдема вытекало аж четыре реки, где-то имеющие общие воды. Насколько мне известно, Фисон – это Фаз, он же Аракс, Армения. Надо бы там бдолах поискать, вещь, наверное, полезная» [Wagax 2009].

Слово *бдолах* живет активной жизнью на страницах Рунета, часто употребляясь в графоманских произведениях на журнальных страницах сети, ср.:

– А знаете, откуда аггелы такое слово взяли – «бдолах»? – внезапно спросил Цыпф.

– Ну?

– Среди сокровищ, которыми славится земной рай, в Библии упоминается и загадочный бдолах. До сих пор никто не смог объяснить, что это такое.

– И что дальше?

– Это еще один довод в пользу эдемского происхождения снадобья.

(Н. Чадович, «Миры под лезвием секиры») [Стихи 2018].

Литература

Аналитический портал химической промышленности 2009 – URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?nid=3673&cat_id=5&page_id=5. Дата обращения: 17.11.2018.

Гаспаров 1993 – Гаспаров М. Русские стихи 1890-х-1925-го годов в комментариях. М., 1993.

Гумилев 2009 – Гумилев Н. Дочери Каина. URL: <http://gumilev.ru/prose/6/>. Дата обращения: 17.11.2018.

Дворецкий 2000 – Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Москва, 2000.

Стихи 2018 – URL: <http://kvadratov.narod.ru/puti.htm>. Дата обращения: 17.11.2018.

Тэффи 2009 – (Н.Лохвицкая). Зверь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litwomen.ru/stackbook.html?id=405>. Дата обращения: 17.11.2018.

Brown etc. 1907 – Brown F., Driver S. R., Briggs Ch. A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1907.

Frisk 1954 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1954.

Warrax 2009 – URL: <http://warrax.net/Satan/Relcom/p9.htm>. Дата обращения: 17.11.2018.

Alla Kozhinova

Belarusian State Universit, Belarus

kozhinster@gmail.com

Word as a Biblical Quote

The article focuses on the history of the biblical word *bdolakh* (בדלח) in the tradition of Slavia Orthodoxa as well as in modern texts. The author comes to the conclusion is made that the word under consideration has lost its own semantics and has begun to act as a sign linking a newly created text to Holy Scripture.

Key words: *Holy Scripture, reminiscence, translation.*

Елена Коницкая

Вильнюсский университет, Литва

jelena.konickaja@flf.vu.lt

Русские и словенские библейские фразеологизмы как интерпретации библейского текста

—

—

Библейские фразеологизмы по происхождению связаны с текстами Библии. Узуально закрепленные значения БФ можно трактовать как подтвержденные коллективным опытом интерпретации Библии, различающиеся по языкам в силу внелингвистических и собственно структурно-языковых факторов. Это подтверждает проведенный сопоставительный анализ русских и словенских библейских фразеологизмов: рус. дух веет, где хочет, слов. *Veter veje, koder hoče* рус. альфа и омега, слов. *alfa in omega* и др.

Ключевые слова: *сопоставительное исследование фразеологии, словенская библейская фразеология, русская библейская фразеология, Библия.*

1. Исследование библейских фразеологизмов (далее БФ), составляющих во многих языках заметную группу, в сопоставительном плане обнаруживают различия в составе, а также в значениях, внутренней форме, структуре БФ, отмечаются собенности в употреблении, распространенности, сферах использования сопоставимых БФ и т. д. Сопоставительный анализ узуальных употреблений (под которыми понимается употребление в общепринятой форме, с нормированными, закрепленными в словарях значениями), сравнение «креативного потенциала» сопоставимых БФ в различных языках демонстрирует глубоко индивидуальные, идиоматические особенности таких единиц, выявляя различия в лингвокультурной интерпретации СП в данных сообществах. Констатация этих различий предполагает попытку установить их причины.

107

2. Традиционно под БФ понимаются фразеологические единицы, по происхождению связанные с текстами Священного писания (далее СП), являющиеся либо прямыми цитатами из Библии, либо соотносящиеся с теми или иными библейскими сюжетами. Передавая узувально закрепленные в данном лингвокультурном сообществе смыслы (= толкования библейского текста), БФ в обоих случаях выступают как его своеобразные «интерпретаторы», а кодифицированные во фразеологических словарях значения БФ можно трактовать как подтвержденные коллективным опытом (данного лингвокультурного сообщества) интерпретации СП. Таким образом, БФ в концентрированном виде представляют интерпретации смыслов, заложенных в библейском тексте, становясь знаками данной интерпретации. Интерпретации одного и того же фрагмента СП при помощи разных языковых средств (= разных языков) в форме БФ могут различаться, что связано с рядом факторов как внелингвистического характера (особенности перевода, история бытования Библии), так и собственно структурно-языкового характера (особенности лексической, морфологической, синтаксической системы данного языка).

3. Анализ библейской фразеологии двух родственных языков – словенского и русского – позволяет продемонстрировать это на конкретных примерах.

а) Интерпретационные особенности, связанные с переводом, хорошо заметны на примере БФ рус. *дух веет, где хочет*, слов. *Veter veje, koder hoče*, соотносимых с евангельским текстом: рус. *дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит*. (Ин 3:8), слов. *Veter veje, koder hoče, njegov glas slišiš, pa ne veš, od kod prihaja in kam gre*. (Jan 3:8). Яркими различиями в текстах СП на двух языках является: 1) использование слов, относящихся к разным сферам – *дух* и *veter* (в словенском тексте лексема появилась, судя по всему, под влиянием лютеров-

ского перевода); 2) использование в русском БФ относительного локативного местоимения *где*, в словенском – директивного *koder*. Эти различия, очевидно, определяют и общий объем значений БФ в языках, и их креативный потенциал (возможности трансформаций), объясняя вместе с тем широкую распространенность русского БФ (в НКРЯ приводится более 600 примеров, в том числе и прямых цитат, а в словенском GF приводится всего 6 фрагментов с сопоставимым БФ). В русском языке рассматриваемый БФ соотносится, как правило, с полем *свободы, широты, вдохновения, творчества, любви*, безусловно положительно окрашен; модификации содержат, в частности, широкий спектр глагольных окказиональных синонимов: *Дух самовольничает/поет/витает, где хочет*, тогда как словенские примеры показывают связь БФ с полем *путешествий, территориального распространения*; основное значение опорной лексемы со значением «природное явление» вызывает возможность появления неожиданной негативной эмоциональной окраски, ср.: *Resnica je veter, ki veje koder hoče, in njegovo rezilo ti razreže dušo*.

б) БФ может представлять разные части репрезентируемого библейского текста. Так, формально совпадающие рус. *альфа и омега*, слов. *alfa in omega*, соотносимые с текстом: рус. *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец* (Откр 1:8), слов. *Jaz sem Alfa in Omega, začetek in konec vseh stvari* (Raz 1:8) различаются в значениях: у русского БФ отмечено одно значение – «сущность, основа» (СБФ), у словенского – два: «1) kdor vse ve, je absolutna avtoriteta na kakem področju; 2) kar je temeljna, glavna stvar» (SSF). Анализ данных корпуса GF (св. 1000 фрагментов) показывает, что словенский БФ широко используется в пером значении, для высокой оценки (профессиональных) качеств человека: *karizmatični G Prokopp, ki je alfa in omega avstrijskega rokometarja; trenet in alfa in omega slovenskega smučanja* и т. д.; русский БФ характеризует, как правило, явления, но не людей, ср.

примеры из НКРЯ (около 250 фрагментов, вместе с БФ от альфы до омеги): *Если хотите, это мое кредо, это альфа и омега учения; Личные контакты в мире банковских и бизнесовских джунглей – это альфа и омега.* В словенском БФ учитываются обе части библейского текста (как субъектная, так и предидирующая), тогда как в русском – только вторая.

110

в) узуальные различия, обусловленные семантикой опорного компонента, демонстрируют совпадающие по форме рус. *египетская тьма* и слов. *egiptovska tema*, соотносящиеся с текстом рус.: *Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня.* (Исх. 10:22), слов. *Mojzes je iztegnil roko proti nebu in po vsej egiptovski deželi je bila tri dni gosta tema.* (Ekz. 10:22). Словенский БФ употребляется, по данным GF, в значении «густая тьма», как правило в контексте противопоставления свету: *Komisija je iskala človeka, ki je vedno tako skrben, da vsak večer pravočasno prižge luč v razsvetljenje egiptovske teme v naših krajih;* в единичных случаях возможно фигуральное использование: *... ali je tedaj Pahor tista luč, ki nas bo pripeljala iz egiptovske teme?* Спектр значений русского БФ намного шире, включает значение «густая тьма»: *Легкие сумерки внезапно превратились в тьму египетскую; Тьма была. Часов восемь вечера – и тьма египетская* и контекстуально связанное с библейским текстом значение «греховность»: *Мученичеством своим я должен заплатить за распри, за ложь и братоубийство, тьмой египетской навалившиеся на мой народ.* Отмеченное в употреблении БФ значение «невежество» (*Кто вам глаза на мир открывает, кто вам тьму египетскую освещает с голубого экрана?; Зачем же мы столь подробно рассказываем вам об анатомии, физиологии [...]?* Для того, чтобы немного рассеять «тьму египетскую») опирается, по-видимому, на одно из значений лексемы *тьма* – «невежество, культурная отсталость»; некоторые употребления интерпретируются

как экспрессивное развитие БФ на основе *тьма*² «множество»: *А если какие-то деньги зарисовываются, то у нас более насущных проблем – тьма египетская!*, а также на переносе значения из сферы синонимичной лексемы *мрак* «2. состояние или ситуация, когда все кажется безнадежным, бесперспективным» (ТС): *Все равно какой-нибудь буддизм получится, неразбериха, мезальянс, тьма египетская и вообще – Африка.*

4. Особые аспекты открывают такие параметры, как использование стилистически нейтральной лексики в словенских БФ и церковнославянизмов в русских, различная синтаксическая структура, порядок слов в БФ, ведущие к возможным ассоциативным связям в языках и в соответствующем изменении всего объема БФ.

Литература

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> Дата обращения: 12.11.2018.

ТС – Дмитриев Д.В. (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003.

GF – Gigafida [электронный ресурс]. URL: <http://www.gigafida.net/> Дата обращения: 12.11.2018.

SSF – Keber J. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana: ZRC SAZU, 2011. URL: <https://fran.termania.net/iskanje?FilteredDictionaryIds=192&View=1&Query=%2A> . Дата обращения: 12.11.2018.

Jelena Konickaja

Vilnius University, Lithuania

jelena.konickaja@flf.vu.lt

Russian and Slovenian Biblical Phraseological Units as Interpretations of the Bible

Biblical phraseological units (BPhU) by origin are related to the texts of the Bible. The usually fixed values of the BPhU can be understood as interpretations of the Bible,

confirmed by collective experience. They differ in languages under the influence of non-linguistic and linguistic factors. The influence of different parameters is confirmed by the comparative analysis of Russian and Slavic BphU: дух веет, где хочет – Veter veje, koder hoće, альфа и омега – alfa in omega and others.

Key words: *comparative study of phraseology, Slovenian biblical phraseology, Russian biblical phraseology, Bible*

112

Александр Кравецкий

*Институт русского языка РАН им. В.В.Виноградова, Россия
krav62@mail.ru*

Церковная служба как часть государственного церемониала: об одном эксперименте Екатерины II

Доклад посвящен изданиям церковных служб гражданским шрифтом, которые были осуществлены в 1765 году по инициативе Екатерины II. Это был первый опыт масштабного использования гражданского шрифта для издания церковнославянских текстов. Аудиторией этих изданий было ближайшее окружение императрицы. Церковная служба стала частью придворного церемониала, что предопределило выбор шрифтового оформления.

Ключевые слова: *богослужебные тесты, гражданский шрифт, орфографическая реформа, светская культура, церковная культура*

В результате петровской реформы русской орфографии вид типографского шрифта вошел в число параметров, по которым проходит линия противопоставления светской и церковной культуры. И если проповеди в XVIII в. могли печататься гражданским шрифтом, то в изданиях богослужебных текстов гражданский шрифт

практически не использовался. Однако имелись исключения, хотя и редкие. Так, в 1765 г. увидели свет 52 книги, содержащие церковные службы, напечатанные гражданскими литеррами. В РГАДА, в делах Московской синодальной типографии, имеется несколько довольно объемных дел, посвященных этим изданиям. Из дел видно, что работы начались после именного указа Екатерины Синоду. Этот указ требовал, «чтоб церковным праздникам и на высокотожественные дни службы и отправляемую на страстной неделе церемонию напечатать в особых книжках». Оговаривалось, что в этих книгах должен быть помещен полный чин безо всяких сокращений. Тиражи предлагалось печатать к соответствующим праздникам и передавать 100 экземпляров Екатерине II и 50 – наследнику престола Павлу (РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 5326. Л. 1–1 об). Эксперимент длился только один год. В следующем 1766 г. такие книги уже не выходили, и типографии печатали в «Московских ведомостях» объявления о распродаже остатков изданий 1765 г.

В связи с этими изданиями встает вопрос, почему в данном случае была нарушена общепринятая норма шрифтового оформления. Вероятно, это объясняется тем, что книги были предназначены для совершения богослужения при дворе, то есть становились частью придворного церемониала. Не случайно в камер-фурьерских журналах, фиксирующих придворные церемонии, церковные службы стоят в одном ряду с другими придворными церемониями.

Соотнесение богослужебных книг гражданской печати с придворным церемониалом ставит вопрос об их репертуаре. Наряду с великими праздниками Троицкого цикла и двенадцатыми здесь есть службы, посвященные менее значимым церковным памятям. Не сразу понятно, почему в число напечатанных вошли служба св. Евстратию или же Киру и Иоанну. Однако иногда ответ на этот вопрос содержится прямо в выходных данных. Так, в выходных данных службы Евстратию (20 сентя-

бря) прямо говорится, что это день рождения наследника престола Павла. Служба Обрезанию Господню соотнесена с гражданским новым годом. В выходных данных службы Петру и Павлу указано, что это именины цесаревича. А из надписания службы Киру и Иоанну следует, что это день вступления на престол Екатерины II. То есть привязка церковных праздников к придворным церемониям отмечена в выходных данных изданий. Любопытно, что часть книг этой серии одновременно печаталась и гражданскими литеррами, и церковными. При этом состав служб и указания на события придворной жизни, соотносимые с этим днем, сохраняются и тех, и в других. Включение церковных служб в контекст государственной жизни давало им «двойное гражданство»: и в церковной традиции, и в государственной.

Екатерининский проект «гражданского» издания богослужебных текстов был наиболее масштабным, но не единственным. Еще в 1714 г. гражданским шрифтом была напечатана брошюра, озаглавленная «Указ всем во флоте российском обретающимся . . . коим образом и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу моления». Это краткий молитвослов для матросов, содержащий утренние молитвы. Позже этот сборник переиздавался в разных вариантах, по крайней мере, до середины XVIII в. В 1715 г. выходит еще одна книга такого типа: «Указ всем в войске российском обретающимся вышним и нижним служителям православныя кафоличския веры коим образом и в которое время во все дни они должны приносить Господу Богу моления, а которые иных законов, те по своим уставам, однако в то же время», которая затем переиздавалась в 1741, 1775, 1780 и 1784 гг.

Предпринимаемые в XVIII в. опыты издания богослужебных текстов гражданскими литеррами были связаны с теми ситуациями, когда молитва оказывалась частью государственных обязанностей (один тип изданий адресован военным, а другой – придворным). Широкого распространения эти опыты не получили. И лишь во вто-

рой половине XIX в. издание молитвословов гражданской печати было возобновлено. Но общий культурный фон появления этих изданий был другим. Это были уже чисто церковные издания, адресованные людям, привыкшим к гражданским литерам больше, чем к славянским.

Alexander Kravetskij

Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Russia
krav62@mail.ru

—

—

Church Service as Part of State Ceremony: an Experiment of Catherine II

The speech is devoted to publications of church services in civil Russian alphabet, which were carried out in 1765 on the initiative of Catherine II. This was the first experience of large-scale use of the civil Russian alphabet for the publication of Church Slavonic texts. The closest circle of the empress made the audience of this publication. Church service became part of the court ceremony, which predetermined the choice of the font design for these publications.

Key words: *liturgical texts, civil Russian alphabet, orthographic reform, secular culture, church culture*

Марианна Лявинец-Угрин

Будапештский университет им. Л. Этвеша, Венгрия
mariann.ljavinecz@gmail.com

К вопросу изучения карпаторусинских памятников письменности: Гукливская летопись

В предлагаемом докладе рассматривается вопрос об определении жанра памятника карпаторусинкой пись-

менности XVII–XIX вв., который распространился в научном кругу под названием *Гукливская летопись*. Летопись или летописные записи?

Ключевые слова: *карпаторусинская письменность XVII–XIX вв., Гукливская летопись*

116

Первые сведения о существовании *Гукливской летописи** 1660–1830 (?) были опубликованы на рубеже XIX–XX вв., благодаря чему глубоко скрытая среди живописных горных ущелий и стремнин Бережской Верховины (Закарпатье, Украина) небольшая деревня Гукливый (венг. *Zugó*) прославилась в научном кругу карпаторусинистов. С момента ее открытия *Летопись* привлекала внимание историков и языковедов [Яворский 1929: 3]. Памятник карпаторусинской письменности, распространившийся под названием *Гукливская летопись*, был обнаружен на последних трех листах 1-го тома метрики об умерших жителях деревни Гукливый под заглавием *Новгыйшая, яже, когда случившаяся* [Петров 1906: 35]**.

Существует четыре печатных издания этой рукописи. Впервые отрывки из *Летописи* были опубликованы Е. Сабовым в 1893 г. в книге *Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ*, в которой церковнославянским шрифтом были напечатаны первые четыре записи хроники [Сабов 1893: 2–3]. Вторым издателем *Летописи* стал А. Петров, который в 1906 г. опубликовал выдержки из памятника, на который его внимание обратил венгерский ученый А. Годинка [Петров 1906: 35]**. Вари-

* Впервые этот памятник письменности был издан под названием *Лѣтопись Гукливская* [Сабов 1893: 2–3]. В работах венгерского ученого И. Удвари этот памятник карпаторусинской письменности упоминается под названием *Гукливская хроника* [Удвари 1995: 311].

** Согласно исследованиям Я. Биленького [Г. Стрипского], записи были размещены на шести листах метрики [Биленький 1911: 74].

*** А. Годинка отмечает, что «лѣтописецъ Гукливскый» он нашел и списал вместе с А. Петровым у «прошунного о. Малцовскаго» [Годинка 1922: 5].

ант А. Петрова был напечатан гражданским шрифтом и содержал в себе русскоязычные объяснения отдельных карпаторусинских слов. Третьим издателем *Летописи* был Я. Биленький [Г. Стрипский], впервые обнаруживший полный текст хроники церковнославянским шрифтом [Биленький 1911]. Издатель также включил в текст объяснения некоторых слов то на украинском, то на немецком, то на венгерском языках. Именно это издание могло бы стать достоверной копией оригинала рукописных записок, однако согласно исследованиям Ю. Яворского, в нем много неточностей [Яворский 1929: 4]. Среди прочего Ю. Яворский обращает внимание научной общественности на «не по достоинству широкое и громкое» название этого памятника карпаторусинской письменности, не предложив, однако, другой альтернативы [Яворский 1929].

—
117
—

В 1919 году *Гукливскую летопись* издает О. Рахивский (Ш. Бонкало) [Рахівський 1919]. Это – «копия» издания Я. Биленького с новыми грамматическими и синтаксическими неточностями, напечатанная гражданским шрифтом и без пояснений издателя.

В начале XX в. в научном кругу ученых-карпаторусинистов и издателей *Гукливской летописи* велись непрерывные дебаты о неточностях печатных вариантов текста рукописного памятника письменности. Разрешить эту проблему можно было бы на основе оригинала *Летописи*. Однако местонахождение оригинала в данный момент неизвестно. Известно лишь то, что подлинная рукопись попала в личное собрание ученого Ю. Яворского [Яворский 1929: 4], который скончался в Праге в 1937 г. О судьбе библиотеки исследователя сведений обнаружить до сих пор не удалось.

Первая запись *Летописи* датирована 1660 г. Согласно исследованиям А. Петрова вплоть до 1783 г. **** все записи сделаны одним почерком. Это однозначно сви-

---

**** Я. Биленький указывает на 1780 г. [Биленький 1911: 74].

детельствует о том, что более древние сведения были переписаны из оригинала (может быть из прежних метрик), тем же человеком, который вел запись событий вплоть до 1820-х гг. [Петров 1906: 35; Біленький 1911: 74]. Переписчиком и автором *Летописи* был Михаил Григаши, с 1783 г. до конца своей жизни (1823 г.) служивший настоятелем церкви в деревне Гукливы [Біленький 1911: 74; Удвари 1995: 311]*. Не вызывает сомнений, что летописные записи в метрике делал М. Григаши, однако спорным вопросом может быть, до какого года (1812 или 1820 г.)? Кто сделал записи о событиях последних лет, неизвестно. Последние три сведения записаны на латинском языке. Конечная запись датирована 1830 г. (Anno 1830?).

Было бы ошибкой предполагать, что в *Гукливской летописи* можно найти серьезные исторические сведения и справки относительно возникновения и древнейших судеб этого поселения. Охватывая сравнительно небольшой и довольно поздний период времени (1660–1830 гг.?), памятник представляет собой ряд отрывочных и случайных записей. Записи велись со значительными перерывами и отчасти спутанной хронологией о порой суровых климатических условиях, приведших к голоду, сообщениях об урожае, о ценах на продукты, об эпидемиях и других важных вопросах крестьянской жизни. Начиная с 1719 г. записи внесены в следующем порядке: 1775 (?), 1770, 1780, 1782, 1783, 1787, 1784, 1785, 1786, 1770, 1783, 1788 гг. После 1788 г., хотя с некоторыми перерывами, хронология летописного повествования восстанавливается.

Что касается исторической ценности памятника, стоит отметить, что сведения об областных (региональных), зарубежных и политических событиях в нем при-

---

* Кроме записей хроники в письменном наследии М. Григаши, известны еще и окружные послания, которые относятся к церковно-административному наследию карпаторусинской письменности.

водятся крайне редко. Среди них есть сообщения о восстании князя Ференца Ракоци II, о смерти российской императрицы Екатерины II, о поражении наполеоновской армии в России в 1812 г., о битве под Лейпцигом в 1813 г. и т. д.

Если учесть хронологическую непоследовательность построения летописного содержания памятника, которая, видимо, возникла ввиду того, что записи были зафиксированы на страницах метрики в различных «свободных» местах, этот памятник письменности, вероятно, нельзя назвать летописью в классическом значении жанра исторической повествовательной литературы. Возможно, что все-таки вернее было бы его называть *Летописными записями деревни Гукливый*.

—

—

Литература

Біленький 1911 – Біленький Я. [Стрипський Г.] Угроруські літописні записки. // Записки наукового товариства імені Шевченка. Ред.: Грушевський М. Львів, 1911. Кн. 4. Рік, XX. С.73–82.

Годинка 1922 – Передословіє. Годинка А. Глаголиця (Сбирка всѣх глаголовъ пудкарпатсько-русинського языка). Ruszin-Magyar Igetár. Ужгородъ, 1922. // Hodinka Antal Ruszin-Magyar Igetár. Szerk.: Udvari István. Nyíregyháza, 1991. С. 2–6.

Петровъ 1906 – Петровъ А. Памятники угрорусской письменности // Статьи объ Угорской Руси. СПб., 1906. С. 34–37.

Рахівський 1919 – Рахівський О. [Бонкало Ш.] Лѣтопись Гукливська. // Виїмки из угорсько-руського письменства XVII–XVIII. вв. Будапешт, 1919. С. 6–10.

Сабов 1893 – Сабов Е. Изъ Лѣтописи Гукливской. // Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ. Унгварь, 1893. С. 2–3.

Удвари 1995 – Удвари И. Материалы к истории карпаторусинской письменности. Окружные послания Михаила Григашия (1758–1823). // Studia Slavica, tomus 40. Akadémia kiadó, Budapest, 1995. С. 311–330.

Яворскій 1929 – Яворскій Я. Старая латинская записка о с. Гукливой. Ужгородъ, 1929.

Marianna Lyavinecz-Ugrin

Eötvös Loránd University, Hungary

mariann.lyavinecz@gmail.com

—
120
—
**To the History of Carpatho-Rusyns Writing Language
Monuments: Huklyvyi Chronicle**

The article is devoted to the question: how can we define the genre of the Carpatho-Rusyns written language document from the 18th–19th centuries which had spread in the scientific community under the title *Huklyvyi Chronicle*. Chronicle or chronicle notes?

Key words: *Carpatho-Rusyns written language from the 18th–19th century, Huklyvyi Chronicle*

Евгений Матвеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ematveev@list.ru

**Библейские и богослужебные заимствования
в одической поэзии М. В. Ломоносова и В. П. Петрова**

В докладе показаны формы включения библейского и богослужебного контекста в одические тексты М. В. Ломоносова и В. П. Петрова. Часто в одах обнаруживаются те библейские фрагменты, которые являются узнаваемыми частями тех или иных православных богослужений. В одах Петрова могут варьироваться библейские и богослужебные образы из од Ломоносова. По сравнению с Ломоносовым, в одах Петрова богослужебные заимствования более заметны и более явно связаны с идеологическими задачами.

Ключевые слова: *библейские и богослужебные заимствования, торжественная ода, М. В. Ломоносов, В. П. Петров*

Задача настоящего доклада – не претендуя на всеохватность исследования, рассмотреть репрезентативные примеры библейских и богослужебных заимствований в торжественных одах М. В. Ломоносова и В. П. Петрова, обращая внимание в первую очередь на функционирование таких заимствований в одической поэзии.

Выяснение богослужебных заимствований и рассмотрение богослужебного ассоциативного ряда в некоторых случаях может быть важно для интерпретации конкретного текста или конкретного фрагмента оды. Например, выражение *Ветхий деньми* в «Оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» («Благословенна вечно буди, – / Вещает *Ветхий деньми* к Ней, – / И все твои с тобою люди, / Что вверил власти я Твоей. / Твои любезные доброты / Влекут к себе Мои щедроты. / Я в гневе Россам был Творец, / Но ныне паки им Отец: / Души Твоей кротчайшей сила / Мой гнев на кротость преложила» [Ломоносов 2011: 77]), вероятно, восходит не к книге пророка Даниила, как полагали М. И. Сухомлинов [Ломоносов 1891: 202] и И. И. Солосин [Солосин 1913: 250], а к богослужению праздника Сретения Господня, где оно встречается трижды. Одним из основных мотивов оды 1742 г. на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург является мотив встречи (императрица прибывает в столицу). С другой стороны, в сюжете оды есть еще одна встреча – встреча *Ветхого деньми* с Елизаветой, которая перед ним предстает («Стоящу пред Его лицом»). Параллельно с этим развивается тема противопоставления «ветхого» и «нового», встречи двух эпох. Ломоносов мог позаимствовать библейский образ из службы праздника Сретения по ассоциации: как и реальность, описанная в оде, событие праздника Сретения – это тоже встреча ветхого и нового, Симеона Богоприимца и Иисуса Христа.

В. П. Петров часто варьирует библейские и богослужебные образы из од Ломоносова. Например, процитированный выше фрагмент ломоносовской «Оды на при-

бытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации», в котором Бог разговаривает с Елизаветой, послужил импульсом для сходного фрагмента Хотинской оды Петрова: «Но прелагаяй море в сушу / Вещает Сильный от Небес» [Петров 2016: 50].

122

Использование богослужебных заимствований в оде в ряде случаев может служить целям сакрализации монарха [Успенский, Живов 1987: 57]. М. В. Ломоносов в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1748 года» обращается к Елизавете словами богородичной молитвы: «Тебе, в женах благословенна» [Ломоносов 2011: 203]; в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1752 года» это же выражение используется при характеристике матери Петра I Натальи Кирилловны: «И ты, в женах благословенна» [Ломоносов 2011: 454]. Петров при помощи библейско-богослужебной цитации отваживается на почти прямое сопоставление монархини и Бога. В последней строфе «Оды на приобретение Крыма» (1784 г.) он восклицает: «А ты, монархиня, востани, / Востани и суди земли» [Петров 2016: 155]. Эти строки отсылают к Пс. 81: 88 («Воскресни, Боже, суди земли: яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ»), к стиху, который является важнейшим элементом богослужения предпасхальной литургии Великой Субботы. Вторая часть стиха («яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ») также, как кажется, находит отражение в оде: «К тебе простерты види длани, / И жалобы *людей* внемли. / *Народы* зря к тебе доступны, / Трясутся пусть цари преступны, / Твоя доброта – им узда» [Там же].

Образы, восходящие к пасхальному богослужению, используются в одах Петрова не единожды. При описании военных действий он использует, вероятно, восходящий к пасхальному тропарю узнаваемый полиптит («смертию смерть поправ»). В оде «На победу российского флота над турецким»: «Недвижим росс стоит и смертью смерть сретает!» (Петров 2016: 60). В оде «На

взятье Очакова»: «И смертью смерть, обрушась, давят» [Петров 2016: 159].

Важно, что Петров часто заимствует фрагменты наиболее значимых и узнаваемых православных богослужений. Приведем некоторые примеры.

1. В оде «На открытие губерний в Москве» (1782 г.): «Чией величественность силы / Пернатых образуешь царь? / Москвы? она преобразилась, / В ней орля юность обновилась (Петров 2016: 138). Последняя строка является цитатой из 102 псалма, входящего в состав литургии: «Обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102:5).

2. В оде «На взятие Очакова» (1789 г.): «Да разумеют все языки: / Гремящий в бранех с нами Бог!» (Петров 2016: 169). Это цитата из книги Исход «С нами Бог, разумеите, языцы, и покаряйтеся, яко с нами Бог» (Ис. 8:8–9). В качестве богослужебного контекста этот стих входит в состав песнопения великого повечерия и исполняется на праздники Рождества и Богоявления, а также на великопостных службах.

3. В оде «На заключение мира со Швециею» (1790 г.): «Тебя на троне ограждая, / С тобой на море побеждая: / Кто Бог, Бог велий, яко наш?» [Петров 2016: 183]. Последняя строка – почти дословная цитата из 76 псалма «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?» (Пс. 76:14). Эта строка – начало торжественного великого прокимна, который исполняется на вечерне самых важных церковных праздников – Пасхи, Пятидесятницы, Рождества Христова.

Анализ библейско-богослужебных заимствований демонстрирует, что серьезное влияние на язык русской оды оказали именно богослужебные книги – на это обстоятельство ранее, как представляется, недостаточно обращали внимание исследователи. Также видно, что богослужебные заимствования играют в одах Петрова несколько бóльшую роль, нежели в одах Ломоносова. Вероятно, это можно объяснить тем, что Петров создавал свои оды в 60–90-е гг. – в эпоху, когда язык

русской оды уже был сформирован, и, вероятно, он не ставил себе задачи расподобления языка светской и духовной литературы, т. е. той задачи, которая стояла перед Ломоносовым в конце 30-х и в 40-е гг.

124

Литература

Ломоносов 2011 – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд. Т. 8. М., СПб., 2011.

Ломоносов 1891 – Ломоносов М. В. Сочинения: В 8 т. Т. 1. СПб., 1891.

Петров 2016 – Петров В. П. Выбор Максима Амелина. М., 2016.

Солосин 1913 – Солосин И. И. Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 18. Вып. 2. 1913. С. 238–293.

Успенский 1987 – Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47–153.

Evgeniy Matveev

Saint Petersburg State University, Russia

ematveev@list.ru

Biblical and Liturgical Loanwords in Panegyric Odes

by M. V. Lomonosov and V. P. Petrov

The paper focuses on different types of biblical and liturgical loanwords in panegyric odes by M. V. Lomonosov, V. P. Petrov. In odes we often reveal biblical fragments which are recognizable parts of Orthodox worship services. Petrov's odes often modify biblical and liturgical images from Lomonosov's odes. Compared to Lomonosov, in Petrov's odes liturgical borrowings are more noticeable and more clearly associated with ideological tasks.

Key words: *biblical and liturgical loanwords, panegyric ode, M. V. Lomonosov, V. P. Petrov*

Светлана Менгель

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

**Взаимосвязанность грамматических концепций
в печатном листе «Extranea» (Ext. 157: 6,38)**

и грамматиках Й.В. Пауса и Й.Х. Шталя.

—

125

Суверенность, преемственность или взаимовлияние?

—

В докладе делается попытка найти причины взаимосвязанности грамматических концепций, представленных в печатном листе «Extranea» (Государственный архив, Стокгольм, Швеция), и рукописных грамматиках Й.В. Пауса (Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург, Россия) и Й.Х. Шталя (Архив Фонда А.Г. Франке, Галле, Германия).

Ключевые слова: *первые грамматики русского языка, XVIII век*

Напечатанный в Галле [Fleckenstein 2000; Keipert 1997] так называемый лист «Extranea» был обнаружен Л. Дюровичем и А. Шёбергом [Durovič, Sjöberg 1987] в делах канцелярии переводчиков в отделе *Extranea* Стокгольмского Государственного архива, где он хранился под шифром Ext. 157:6,38. Не имеющий заглавия, имени автора и выходных данных лист содержит таблицы склонения русских существительных, прилагательных и местоимений, таблицы спряжения русских глаголов, а также указания к употреблению русских предлогов. Комментарии к таблицам и указания даны на немецком языке, грамматические термины – на латинском. Дюрович и Шёберг датировали свою находку 1706–1708 гг. и считали представленный в листе «Extranea» грамматический концепт первой попыткой кодификации русского языка, послужившей образцом для грамматики В.Е. Ададунова [Ададунов 1731].

Позднее Б.А. Успенский [Успенский 1992] указал на непосредственную близость текста листа «Extranea» к хранящейся в Галле рукописной грамматике Й.Х. Шталя «Rudimenta linguae russicae», на титульном листе которой обозначено, что автор подарил свой труд библиотеке Сиротского дома в Галле в 1745 г. На основании текстуальной близости обоих документов Успенский делает вывод, что лист «Extranea» является пробным оттиском из грамматики Шталя, с чем не соглашается Дюрович [Đurovič 1994]. Наше мнение в этой связи и по поводу датировки обоих грамматических произведений мы высказывали в [Mengel 2013; Менгель 2014].

Г. Кайперт приводит в своих работах [Keipert 1997; 2003] целый ряд аргументов в пользу того, что кодификация в листе «Extranea» непосредственно отражает грамматическую концепцию, представленную в рукописной грамматике Й.В. Пауса 1705–1729 гг. «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache» [Михальчи 1969; Huterer 2001; Keipert, Huterer 2016], который, будучи выпускником университета в Галле, тоже поддерживал с Галле тесные контакты.

В докладе мы еще раз обратимся к взаимосвязанности грамматических концепций, представленных в печатном листе «Extranea» и рукописных грамматиках Й.В. Пауса и Й.Х. Шталя, и попытаемся установить ее причины.

Литература

Ададуров 1731 – Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. St. Petersburg // В.О. Unbegan (Hg.). Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. München, 1969.

Менгель 2014 – Менгель С. К дискурсу формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века: грамматические произведения Йоахима Хриstoffера Шталя. // Осемьдесят. Сборник научных статей к юбилею И.С. Улуханова. М., 2015. С. 495–505.

Михальчи 1969 – Михальчи Д.Е. Славяно-российская грамматика Иоанна Вернера Паузе. Автореферат докторской диссертации. Л., 1969.

Успенский 1992 – Успенский Б.А. Доломоновские грамматики русского языка. // А. Sjöberg, L. Āurovič, U. Birgegård (eds.). Доломоновский период русского литературного языка. Stockholm, 1992. С. 63–169.

Āurovič 1994 – Āurovič L. Rudimenta linguae russicae by J. Chr. Stahl // Russian Linguistics 18/2, 1994. P. 185–195.

Āurovič, Sjöberg 1987 – L. Āurovič, A. Sjöberg. Древнейший источник парадигматики современного русского языка // Russian Linguistics 11/2–3, 1987. P. 255–278.

Fleckenstein 2000 – Fleckenstein Chr. Nochmals zu den slawischen Arbeiten des Franckekreises. Eine Hypothese. // S. Mengel (Hg.). Zu Ehren von Dietrich Freydank. Münster, 2000. P. 41–55.

Huterer 2001 – Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705 – 1729) von Johann Werner Paus. München, 2001.

Keipert 1997 – Keipert H. Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. („Extranea 157: 6,38“) als hallescher Druck // Zeitschrift für slavische Philologie 56/1, 1997. P. 158–179.

Keipert 2003 – Keipert H. Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. („Extranea 157: 6,38“) und die „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache“ von J.W. Paus. // Slavia Orthodoxa. Ezik i kultura. Sofia, 2003. С. 194–199.

Keipert, Huterer 2016 – Johann Werner Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/I. Bearbeitet von Andrea Huterer, Schlußredaktion von Helmut Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch Daniel Bunčić. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.

Mengel 2013 – Mengel S. Die *Rudimenta Linguae Russicae* von J.C. Stahl im Streitdiskurs um die *Stockholmer Paradigmatik*: Neue Erkenntnisse. // Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013. Herausgegeben von S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša. München, 2013. P. 209–220.

Swetlana Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

—
128
—
The Interrelationship of Grammatical Concepts in the Printed Sheet “Extranea” (Ext. 157: 6,38) and the Grammars by J.W. Paus and J.H. Stahl. Sovereignty, Continuity, or Mutual Influence?

The talk attempts to propose reasons for the interrelationship of grammatical concepts represented in the printed sheet «Extranea» (National Archives of Sweden, Stockholm) and the manuscript grammars by J.W. Paus (Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia) and J.H. Stahl (Archival fonds of A.H. Francke, Halle, Germany).

Key words: *first russian grammars, 18th century*

Никола Милькович

Белградский университет, Сербия

nikolajmiljkovich14@gmail.com

Об одном древнерусском источнике абсурда у Даниила Хармса

Целью данной работы является попытка показать влияние древнерусского текста «Повесть о Фоме и Ерёме» на одну из ключевых поэтик XX в. – литературу абсурда. Автор статьи продолжает мысль тех исследователей, которые считают, что литературный абсурд XX в. является одним из уже зрелых плодов большого литературного дерева, корни которого уходят в глубокую древность. На конкретных примерах автор старается выявить влияние древнерусской повести XVII в. на представителя советского авангарда – Даниила Хармса.

Ключевые слова: *древнерусская литература, «Повесть о Фоме и Ерёме», литература абсурда, Даниил Хармс*

При упоминании термина абсурд мы прежде всего вспоминаем такие имена, как Д. Хармс, А. Введенский, Э. Ионеско, С. Бэккет или Л. Кэррол и Э. Лир. Но это уже «зрелый» литературный абсурд, а где искать его истоки? Некоторые исследователи и теоретики (Эсслин, Пави и др.) усматривают истоки абсурда еще в античности – в театре пантомимы, в комедиях Аристофана, у Плавта, затем в средневековом фарсе, в итальянской *commedia dell'arte*. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что литература абсурда XX в. – явление, которое не просто определить, и она, несомненно, ведет диалог и с предшествующей традицией (литературной, философской и др.).

–
129
–

Говоря о многозначности термина абсурд, О. Буренина пишет: «<...> абсурд включает в себя такие семантически близкие слова, как абракадабра, бред, бессмыслица, вздор, заумь, нонсенс, чепуха, чушь, которые обозначают не то, что лишено смысла, а то, в чем смысл уловить трудно или почти невозможно» [Буренина 2004: 51]. С другой стороны, в русской литературе XVII в. авторы, большей частью неизвестные, начинают сочинять тексты, в которых игра со смыслом занимает особое место. Медиевисты (Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, В. П. Адрианова-Перетц и др.) объединяют древнерусскую литературу этого времени под общим названием «смеховой мир», «смеховые повести», «демократическая сатира» и др., причем эти тексты представляют собой разнообразные сатиры и пародии на разные жанры – жития, церковные службы, молитвы и пр. Все эти определения подтверждают, что ключевую роль в текстах играл именно смех, то есть комизм.

Размышляя о смехе, Д. С. Лихачев и А. М. Панченко пишут: «Смех заключает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно.<...> Смех показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, осмысляющих существующие явления, условно-

стей человеческого поведения и жизни общества» [Лихачев, Панченко 1976: 3]. И вот эта бессмысленность и нелепость причинно-следственных отношений как раз и является одним из важнейших постулатов, на котором зиждется литературный мир поэтики абсурда XX в. Э. Ионеско, будучи одним из самых выдающихся представителей абсурда в театре и литературе, писал, что «комизм абсурден» [Ионеско 2005: 191].

Важнейшее звено, связывающее «Повесть о Фоме и Ереме» с эстетикой и философией абсурда – это ценность человека, как индивида: в обоих случаях человек одновременно является и целью, и орудием достижения этой цели. Рассматривая подобную проблему, В. Я. Пропп заметил: «<...> никогда не может быть смешной окружающая нас природа. Не бывает смешных лесов, полей, гор, морей, или цветов, трав, злаков и др.» [Пропп 1976: 23]. Иными словами, абсурд возможен только в отношении человека. Именно по такой причине мы решили, во-первых, задуматься над «Повестью о Фоме и Ереме», ведь, как заметил И. Смирнов, «“Повесть” не сопрячена явным образом какому-либо предшествующему ряду памятников, она контрапозитивна в сравнении с языковой нормой в целом» [Смирнов 1977: 313]; а во-вторых, обратить внимание на данный текст, как на один из возможных источников абсурдистского творчества Даниила Хармса. Влияние древнерусского текста на творчество Даниила Хармса мы усмотрели в стихотворении «Фадеев Калдеев и Пепермалдеев», на материале которого мы постараемся и рассмотреть упомянутые отношения.

Литература

Буренина 2004 – Буренина О. Что такое абсурд или по следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: Сб. статей. М., 2004. С. 7–72.

Ионеско 2005 – Ионеско Э. Есть ли будущее у театра абсурда? // Театр абсурда. Сб. статей. СПб., 2005.

Лихачев, Панченко 1976 – Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир древней Руси. Л., 1976.

Пропп 1976 – Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Смирнов 1977 – Смирнов И. П. Древнерусский смех и логика комического // ТОДРЛ, Т. XXXIII. Л., 1977. С. 305–318.

Nikola Milković

University of Belgrade, Serbia

nikolajmiljkovich14@gmail.com

—
131
—

About one Old Russian Source of Absurdity at Daniil Kharms

The purpose of this paper is to try to depict the impact of the Old Russian text “*Povest’ o Fome i Ereme*” on one of the crucial poetics of the 20th century – the Literature of the Absurd. The author of this article continues the thought of those researchers who believe that the 20th-century Literature of the Absurd represents an already ripe fruit of the great literary tree whose roots lie in the distant past. The author strives to show the impacts of the 17th-century Old Russian text on Soviet avant-garde writer, Daniil Kharms, on with concrete examples.

Key words: *Old Russian literature, “Povest’ o Fome i Ereme”, Literature of the Absurd, Daniil Kharms*

Наталья Мосягина

Санкт-Петербургская государственная консерватория

имени Н.А. Римского-Корсакова, Россия

n.mosiagina@list.ru

**Тропари сербским святым третьего гласа:
приемы работы древнерусского распевщика
(на материале рукописи РНБ, Кир.-Бел. 586/843)**

В докладе рассматриваются средства художественной выразительности знаменного распева, использован-

ные древнерусским распевщиком в тропарях сербским святым: святителю Савве, святому Симеону Мироточивому, святому королю Стефану Милутину и великомученику князю Лазарю.

Ключевые слова: *сербские святыне, древнерусские нотированные рукописи, знаменный распев*

132

Сакральность богослужебного пространства и формы пребывания в нем определяют специфику звучащего текста. Слово, произносимое за богослужением, требует особых способов исполнения: возгласы священника или дьякона, псалмодическое чтение, силлабический или пространственный напев. Знаменный распев, имеющий истоки в речевой интонации, является сложной музыкально-художественной системой, неразрывно связанной с поэтическим текстом и во взаимодействии с ним, создающей звучащий образ.

Древнерусские рукописные источники не содержат каких-либо прямых сведений о том, как распевщик создавал музыкальный текст. Однако анализ взаимодействия слова и распева позволяет нам выявить некоторые приемы этой работы.

Материалом для исследования послужили тропари сербским святым из Стихираря типа «Дьячье око» (РНБ, Кир.-Бел. 586/843, 80-е гг. XVI в.). Эти песнопения уже были предметом изучения специалистов. Так, к древнерусским нотированным источникам впервые обращалась Е. В. Чишковская [Чишковская 2002: 43], а позднее А. Рашкович [Рашкович 2016].

Особенностью выбранных песнопений является то, что они относятся к одному жанру (тропари), распеты в одном гласе знаменного распева (третьем), записаны одним писцом в одном памятнике, и наконец, посвящены святым, которые в земной жизни принадлежали одной Поместной Церкви – Сербской. Кроме того, эти святыне были родственниками из династии Неманичей. Учитывая тот факт, что третий глас является весьма

«скромным» в отношении словаря устойчивых интонационных формул (попевок, лиц и фит), анализ выбранного материала представляется особенно интересным.

Тропарь святителю Савве.

В тексте тропаря, как и в целом в Службе, святитель прославляется как первоучитель и основатель Сербской Православной Церкви: «сам отечество <...> просвети породив я духом святым». Подобно апостолам («яко апостолом верховнаго») он просветил свое Отечество, став в нем первым иерархом («первопрестолник», «первие бо пришед святителю», «святителем сопрестолен»). Распев поддерживает заложенную в поэтическом тексте тему с помощью повтора попевки *Таганец* на лексемах «наставник», «первие бо», «апостолом». Сербский народ в тропаре именуется чадами святителя («всесошьященная ти чада») и сравнивается с масличными деревьями. Этот образ, усиленный аллюзией на 127 псалом («сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоя»), выделяется в распеве с помощью повтора попевки *Пригласка*, таким образом, связывает лексемы «отечество» и «древа масличная». Распев тропаря насыщен вокализирующими формулами. *Светлая* и *Громосветлая* фиты выделяют «текст в тексте»: «отечество си просвети <...> яко апостолом верховнаго», а фита *Двоечелная*, расположенная на границах разделов поэтического текста, выполняет композиционную функцию.

Тропарь святому Симеону Мироточивому.

Ключевым образом тропаря является образ света: «благодатию просветивося», «показаеши светлость жития», «наставил еси к свету». Благодаря вокализирующим вставкам – фитам – мастеропевец как бы «останавливает» движение текста и дает время слушателю для созерцания этого образа. Обращает на себя внимание выбор фитных формул, название которых содержит концепт «свет». Так, фита *Громосветлая* на слове «показаеши» выделяет строку «по смерти показуеши светлость жития твоего», а фита *Светлая*, распева-

ющая слово «ко свету», маркирует строку «люди своя наставил еси ко свету Богоразумия». Интересно, что и в тропаре святителю Саввве *Светлой* фитой распето слово «просвети». Прием музыкального параллелизма (сочетание попевок *Дербица*, *Пригласка* и *Кулизма*) использован для озвучивания главного тезиса песнопения: «Божественную благодатию просветивося <...> люди своя наставил еси ко свету Богоразумия». Фита *Двоечелная* маркирует начало молитвенного обращения: «моли Христа Бога даровати душам нашимо велию милосте».

Тропарь святому королю Стефану Милутину.

Составитель Службы выделил в тропаре главную добродетель сербского короля Милутина – милосердие. Автор сравнивает святого с рекой: «яко река благоутрбием иссохших нищетою богато напоил еси и люди своя снабдел еси». Этот же образ встречаем в Житии: «явились нам от Елены честнейшие и прекрасные порождения – как две реки, вышедшие из Эдема, напоили землю отечества своего» [Алексеев 2016: 485]. С помощью фит подчеркиваются глагольные формы, расположенные в конце строк: в первой части тропаря акцентируется внимание на действиях Милутина («возлюбив», «соблюдая», «подавает»), а во второй, заключительной части, на обращении молящихся – «молим». Кульминация же музыкального текста, вокализирующая формула (лицо) *Царский конец*, приходится на заключительное ключевое слово песнопения «милость». Неслучайность выбора такого интонационного решения в данном песнопении подтверждается и тем фактом, что при совпадении распева заключительной строки во всех тропарях (за исключением тропаря князю Лазарю) только в тропаре Стефану Милутину использован *Царский конец*. Фита *Двоечелная* выполняет функцию «рамки», выделяющей основной раздел поэтического текста, являющийся своеобразной словесной иконой.

Тропарь великомученику князю Лазарю.

Используя образ таланта из евангельской притчи, гимнограф в тропаре раскрывает главную тему Службы – приумножение в земной жизни «даже до крови» вверенного князю Лазарю державного таланта. В свою очередь, древнерусский распевщик средствами музыкальной выразительности знаменного распева поддерживает эту тему. Ключевая строка тропаря «порученный ти талант добре возделав усугубил еси» выделена двумя фитами – *Хромец* и *Громосветлая*. Фита *Двоечельная* маркирует средний раздел, раскрывающий тему мученичества: «о немже и подвизася до крови. ото нюдуже и мзду болезней своих яко мученик приял еси. ото Христа Бога». В заключительном разделе фитой выделено обращение «моли спастися», а лицо *Большая кулизма с мечиком осмогласным* распевает имя святого – «княже Лазаре». Конечная музыкальная рифма, реализуемая с помощью попевка *Кулизма*, объединяет строки, выражающие путь святости князя Лазаря, просиявшего Богоугодным житием и мученическим подвигом: «благоугодил еси <...> и подвизася до крови».

Рассмотренные песнопения демонстрируют, как содержание конкретного гимнографического текста влияет на выбор лексики распева, его музыкальную композицию. В данных тропарях, распетых в третьем гласе с достаточно ограниченной лексикой, проявилось весьма искусное владение распевщиком «тонкостью и дробью» знаменного распева. В каждом песнопении древнерусскому мастеропевцу удалось найти свои средства художественной выразительности и раскрыть смыслы, заложенные сербскими гимнографами.

«Теснейшая связь текста и знаменного распева, их взаимодействие создают особое художественное явление русского искусства Средневековья – знаменное песнопение, в котором распев вне поэтического слова не

обладает самостоятельной художественной значимостью, а текст вне роспева остается закрытым, герметичным, не имея возможности обнаруживать все заключенные в нем смыслы» [Егорова, Кручинина 2016].

136

Литература

Алексеев 2016 – Алексеев С. В. Памятники сербской средневековой историографии XIII – XVII вв.: Переводы и исследование. Т.1: Жития святых Симеона и Саввы. Жития королей и архиепископов сербских. СПб., 2016.

Егорова, Кручинина 2016 – Егорова М. С., Кручинина А. Н. Древнерусская гимнография и знаменный распев как каноническое искусство. Лекция по дисциплине: «Поэтика гимнографии и древнерусского певческого искусства». Учебное пособие для образовательной программы «Древнерусское певческое искусство (бакалавриат)». СПб., 2016.

Рашкович 2016 – Рашкович А. Тропари српским светима трећег гласа у руским неумским рукописима XVI – XVII века: српска химнографија у руском знамену појању // Традиција као инспирација. Тематски зборник СА научног скупа 2015. године. Бања Лука, 2016. С. 193–215.

Чишковская 2002 – Чишковская Е. В. Службы сербским святым по русским рукописям XVI–XIX вв.: свв. Савва и Арсений. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2002.

Natalya Mosyagina

Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory

n.mosiagina@list.ru

Troparia of Serbian Saints for Tone 3: Working Practices of the Old Russian Chanters (a Case Study of the Manuscript RNB, Kir.-Bel. 586/843)

The paper deals with the musical and poetic texts – troparia of Serbian Saints (Saint Sava, Saint Symeon the Myrrh-streaming, Saint King Stephen Milutin, Great Mar-

tyr Prince Lazar of Serbia) in the tradition of the Old Russian church singing. It reveals the role of the znamenny chant in the interpretation of the poetic text and creating of the vocal image in the liturgical space.

Key words: *Serbian Saints, Old Russian manuscripts, znamenny chant*

Мария Новак

Казанский федеральный университет, Россия

mariaonovak@gmail.com

Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39): атрибуция и композиция*

В сообщении рассмотрены вопросы атрибуции и композиция Слова на Рождество Христово в составе Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39). Выявлены византийские источники славянского текста, принципы редакторской работы с ними, отличия от исходных риторических структур. Компиляция основана либо на перестановке фрагментов одного источника, либо на соединении отрывков из разных произведений в небольшом контексте. Персональное начало источников нивелируется в славянской версии.

Ключевые слова: *древнерусская гомилия, византийские источники, атрибуция, композиция*

Проект, в рамках которого проведено данное исследование, предусматривает комплексное лингвистическое описание и электронное издание Толстовского Сборника XIII века (РНБ, Ф.п.1.39, далее *Толст*)**. Одной

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-012-00428 А «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)».

** Рукопись транскрибируется и исследуется по копии с микрофильма,

из его задач является лингвотекстологическое изучение отдельных произведений в составе сборника-антологии. Ниже обсуждаются авторство и композиция Слова на Рождество Христово (далее *Слово*), расположенного в *Толст* на листах 49об.-56об. и подписанного именем Иоанна Златоуста.

В статье О.В. Творогова, посвященной древнерусским четым сборникам XI–XIV вв., *Слово* упомянуто как текстуально не совпадающее с известными списками рождественской гомилии, имеющими тот же инципит [Творогов 1993: 12]; сходное замечание присутствует в каталоге подлинных и неподлинных произведений Златоуста в славянской книжности XI–XVI вв. под редакцией того же исследователя [Иоанн Златоуст 1998: 37] (при этом ошибочно указан лист рукописи, на котором начинается *Слово* – 46об. вместо 49об.).

Поиск соответствующего греческого текста позволил выявить сложную компилятивную природу *Слова*. Работа с патристическими изданиями (PG) и базой данных Thesaurus Linguae Graecae (TLG) показала, что в *Слове* использованы в разном объеме следующие произведения в славянском переводе:

1) «In natalem Christi diem» [PG 56: 385–394];

2) «In Salvatoris nostri Jesu Christi nativitatem» [PG 61: 737–738]. Обе гомилии приписываются Иоанну Златоусту и опубликованы в разделах «Spuria» («Подложные»). Согласно каталогу византийских «псевдо-Златоустов», первая атрибутируется также Григорию Неокесарийскому либо Севериану Габальскому, вторая – Григорию Неокесарийскому либо Проклу [Aldama 1965: 94–95; 103].

3) «De laudibus sanctae Mariae Deiparae» – приписывается Епифанию Кипрскому [PG 43: 485–502].

4) «De mutatione nominum» Иоанна Златоуста [PG 51: 113–126].

5) «In Theophania, sive Natalitia Salvatoris» Григория Назианзина [PG 36: 311–334].

Параллельные греческие фрагменты удалось подобрать к 217 из 351 строки *Слова* – это около 62% славянского текста. Их распределение обусловлено композицией *Слова*, в котором обнаруживаются три мотива: христологический (о божественности Иисуса Христа и плодах Его вочеловечения), мариологический (восхваление Девы Марии) и эртологический (призыв к верующим праздновать день Рождества). Центральной мариологической теме соответствует крупный фрагмент из слова псевдо-Епифания, занимающий 115 строк, т.е. больше половины всего объема отождествленных текстов. В меньшей степени ее поддерживают фрагменты из обеих гомилий псевдо-Златоуста, при этом гораздо шире используется текст из [PG 56], также «задействованный» и в христологии *Слова*. Четвертый и пятый византийские источники соответствуют всего нескольким строкам в славянском тексте. Это характеристика Иоанна Богослова на л. 50 (строки 13–17: іw(аннь)... възлюбленыи оунота иже възлеже на пр(е)ч(ис)тыя его перси. и капания б(о)ж(ес)твеннаго в̄туду почерпъ : Ἰωάννης, ὁ ἀγαπητὸς τοῦ Χριστοῦ, ὁ τοσαύτης ἀπολαύσας παρρησίας, ὁ ἐπὶ τὸ στήθος ἐκεῖνο τὸ ἅγιον κατακλιθῆναι καταξιωθεὶς, ὁ τὰς πηγὰς ἐκεῖθεν ἀρυσάμενος [PG 51: 119] «Иоанн, возлюбленный Христов, насладившийся толиким дерзновением, достойный приклониться к той святой груди, струю оттуда почерпнувший») и характеристика Христа как Сына Божия на л. 50–50об. (строки 26, 1–10: ... превѣчное не||видимое. не|вб|атое бесплотное ... самое бо(го)слово ... в̄ начала начало. свѣтъ сы в̄ свѣта... неизмѣненъ сы вбразъ w(ть)чь : αὐτὸς ὁ τοῦ Θεοῦ Λόγος, ὁ προαιώνιος, ὁ ἀόρατος, ὁ ἀπερίληπτος, ὁ ἀσώματος, ἡ ἐκ τῆς ἀρχῆς ἀρχὴ, τὸ ἐκ τοῦ φωτὸς φῶς, ... ἡ ἀπαράλλακτος εἰκὼν, ὁ τοῦ Πατρὸς... [PG 36: 325] «Сам Божие Слово, превечное, невидимое, необъятное, бестелесное, от начала нача-

ло, от света свет, неизменный образ Отца»). Эзротологическая тема наиболее слабо соотносится с греческими соответствиями; не исключено, что она имеет оригинальную славянскую основу.

Отличительной чертой композиции Слова является компоновка фрагментов византийских текстов, при которой происходит либо перестановка фрагментов одного источника, либо соединение отрывков из разных произведений в пространстве одного контекста. Вопрос о том, был ли компилятор византийским или славянским книжником, пока остается открытым; впрочем, есть обоснованное мнение, что произвольная эксцерпция, типичная для славянских версий Златоуста, осуществлялась именно на славянской почве: «...славянскыят пресъставител избира фрази от гръцката хомилия, като ги взема от съвършено различни места, прехвърляйки се от начало в края и обратно» [Ким 2013: 30].

Связность славянского текста, как правило, не страдает и когда соединяются фрагменты разных произведений, и когда происходит перестановка синтагм внутри одного отрывка. Так, например, выглядит совмещение контекстов из разных источников:

Слово (с номерами листов и строк)	Фрагменты греческих текстов
Л. 55: 21 дн(ес)ъ н(е)б(ес)ныи разоумь 22 в земныхъ. и славление ѿ зе 23 мла на нѣо пуцаемо есть. и про 24 странство члвѣци на нѣо к вы 25 шнему имѣють. дн(ес)ъ вифлеу 26 мѣ нѣоу подобитися въ звѣздъ 55об.: 1 мѣсто анѣлы просвѣщся. а въ 2 слнца мѣсто слнце праве 3 дноє. неѡбоуменьное въ 4 мѣстѣ. дн(ес)ъ свѣтъ роди ми ся (*вертикальные черты указывают на границы фрагментов)	διὰ σοῦ γινώσις οὐράνιος, καὶ δοξολογία ἀπὸ γῆς εἰς οὐρανούς ἀναπέμπεται διὰ σοῦ παρῴθισίαν ἀνθρώποι ἐν οὐρανῷ πρὸς τὸν Ὑψίστον ἔχουσι [PG 43: 501] Σήμερον Βηθελέμ τὸν οὐρανὸν ἐμμήσατο ἀντὶ μὲν ἀστέρων ἀγγέλους ὑμνοῦντας δεξαμένη, ἀντὶ δὲ ἡλίου τὸν τῆς δικαιοσύνης ἀπεριγράπτως χωρήσασα [PG 56: 385] ἐτέχθη μοι πάλιν τὸ φῶς [PG 56: 385]

Из таблицы видно, что исходный материал не только компонуется на славянской почве в связный текст, но и сокращается в рамках нового риторического целого. Так, в гомилии псевдо-Епифания наблюдается повтор διὰ σοῦ (= Тобою), а *Слово* устраняет из контекста обращения к Богородице. В нем также минимизировано цитирование Библии, широко представленное в греческих источниках, в том числе отсутствует евангельский хайретизм χαῖρε, κεχαριστωμένη «радуйся, Благодатная» (Лк.1:28), пронизывающий тексты как псевдо-Златоуста, так и псевдо-Епифания. Минимально в *Слове* и персональное начало: соответствие риторическому восклицанию «τί εἶπω, ἦ (καί) τί λαλήσω», частотному в византийских источниках, лишь однажды встречается в славянском: что възгъ лю или что реку (л. 52об.); индивидуальное «я» заменяется соборным «мы»: ражается неизреченно насъ ради (л. 51об.) : τίκτετα, ἀφράστως δι' ἐμέ «... ради меня» [PG 56: 387].

—
141
—

Вместе с тем, наблюдается и уточняющее расширение текста на уровне синтагмы, например: мт̄ ри г̄ а нашего іс̄ а х(рист)а (л. 52) : μητρὸς τοῦ Κυρίου «Матери Господа» [PG 43: 488]; въ яслехъ скотыахъ възлежить (л. 54) : ἐν φάτνῃ κεῖται 'в яслях лежит' [PG 56: 392]; мт̄ рь ражающю сдѣтела (л. 55об.) : μητέρα τίκτουσαν «Матерь рождающую» [PG 61: 737].

Лингвистическая характеристика Слова будет представлена в последующих публикациях.

Литература

Иоанн Златоуст 1998 – Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: каталог гомилией. Отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1998.

Творогов 1993 – Творогов О.В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVII. 1993. С. 3–33.

Ким 2013 – Ким С.С. Славянска Златоустова еклога. «Слово за пришествие Христово» по ръкопис № 11 от издание Свято-Троицката Сергиева лавра. Идентификация на източниците // Проглас. Филологическо списание. Кн. 2. 2013 (год. XXII). С. 29–47.

— **Aldama 1965** – Aldama J.A., de. Repertorium Pseudochrysostomicum. Paris, 1965.

142

— **PG** – Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Т. 36. Paris, 1858; Т. 43. Paris, 1864; Т. 51. Paris, 1862; Т. 56. Paris, 1862; Т. 61. Paris, 1862.

TLG – Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature // URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>. Дата обращения 10.11.2018.

Maria Novak

Kazan Federal University, Russia

mariaonovak@gmail.com

A Nativity Sermon in the 13th-century Tolstovskii Sbornik (National Library of Russia, F.p.I.39): Attribution and Composition

The paper focuses on attribution and composition of a Nativity sermon in the 13th century Old Russian Tolstovskii Sbornik (National Library of Russia, F.p.I.39). The Byzantine sources, principles of editorial work, and the differences from original rhetorical structures are found out. The compilation is based both on rearranging fragments of the same source and on combining excerpts from different sermons in a small context. There is a lack of personal manifestations in the Slavonic version.

Key words: *Old Russian homily, Byzantine sources, attribution, composition*

Ежи Остапчук

Христианская Богословская Академия в Варшаве, Польша

jostap@wp.pl

Список глав Евангелия от Иоанна в старопечатных кириллических богослужебных четвероевангелиях

—

—

Деление текста Священного Писания на части известно с ранних времен. Одно из древнейших делений Евангелий встречается уже в греческих рукописях. Согласно ему Евангелие от Матфея имеет 68 глав, от Марка – 48, от Луки – 83 и от Иоанна – 18. Названия всех евангельских глав в виде списков помещались в начале Евангелий. Эти списки евангельских глав были унаследованы славянскими рукописными четвероевангелиями и, следовательно, кириллическими старопечатными книгами.

Предметом доклада является текстологическое исследование списка глав Евангелия от Иоанна в старопечатных четвероевангелиях. Исследование основано на 95 (из всего 110) старопечатных кириллических богослужебных Евангелиях, выпущенных в разных местах и в разных редакциях церковнославянского языка начиная с XVI в. до конца XVIII в. Текстологические разночтения, присутствующие в списке глав Евангелия от Иоанна, доказали, что местные издатели и наборщики правили ту или иную часть Евангелия, что позволяет разделить все старопечатные кириллические богослужебные четвероевангелия на группы и подгруппы.

Ключевые слова: главы, оглавление, Евангелие от Матфея, четвероевангелие, старопечатная книга

143

Jerzy Ostapczuk

Christian Theological Academy in Warsaw

jostap@wp.pl

The *Kephalaia*-list in the Gospel of John in Early Printed Cyrillic Liturgical Tetraevangelions

144

The text of the Holy Scripture had been divided from the very beginning. One of the oldest divisions of the four Gospels is found in Codices Alexandrianus (A), Ephraemi (C) and many others Greek manuscripts. According to this *capitulation* (Latin: *capitulum*) Matthew has 68 *kephalaia* (Greek: κεφαλαιον), i.e. chapters, Mark 48, Luke 83 and John 18. Every part of the Gospels' text has its own title. The list of all titles from every Gospel book used to be placed at its beginning, i.e. Gospel of Matthew, Gospel of Mark etc. The same lists of chapters were later inherited by Slavonic tetraevangelion manuscripts and consequently – in the 16th century – by Cyrillic early printed books. In Slavonic tradition, as in the Greek, the *kephalaia*-lists were also placed at the beginning of every Gospel book.

The subject of the presentation deals with the textological analysis of the *Kephalaia*-list from the Gospel of John that can be found in all available early printed Cyrillic liturgical tetraevangelions. The research is based on 95 (of about 110) Gospels, issued in different places (Moscow, Kiev, Lvov, Vilnius, Pochaiv, Braşov, Alba Iulia (i.e. Bălgrad), Sebeş, Mrkšina Crkva, Belgrade, Sibiu, Ruino and Târgovişte) and redactions of Church Slavonic language (East Slavonic, Middle Bulgarian and Serbian) in the period from the 16th to the end of the 18th century. Various textological variants present in the *Kephalaia*-list of the Gospel of John prove that local printers and publishers could have corrected these and other texts of the Gospels and allow us to divide all early printed Cyrillic tetraevangelions into groups and subgroups.

This research proves that the Gospel of John could have been divided not only into 18 *kephalaia* but also into 23.

The vast majority of the analysed early printed Cyrillic liturgical tetraevangelions confirmed the first division and the latter was witnessed only in two Gospels issued in 1644 and 1665 by Michał Ślózka, which constitute a subgroup of tetraevangelions printed in Lvov.

Keywords: *kephalaia, chapters, Gospel of John, tetraevangelion, early printed book*

Татьяна Пентковская

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Россия
tatiana.pentkovskaya@gmail.com*

Новозаветные цитаты в «Слове о милости» второй половины XVII в.

В работе рассматриваются особенности цитирования новозаветных фрагментов в «Слове о милости» второй половины XVII в., которое является переводом польской проповеди Петра Скарги «Kazanie o Miłosierdziu». Устанавливается, что цитаты могут быть расширены в сравнении с цитированием в польском оригинале. Кроме того, цитаты были приведены в соответствие с церковнославянской традицией, а не переводились *ad hoc* вместе с польским текстом.

Ключевые слова: *проповеди, Епифаний Славинецкий, переводы с польского языка, новозаветные цитаты.*

«Слово о милости» является переводом польской проповеди Петра Скарги «Kazanie o Miłosierdziu», принадлежащим, по всей вероятности, Епифанию Славинецкому. Оно известно в четырех списках: белой экземпляр ГИМ, Син. 716 (лл. 37–119)*, черновик пере-

---

* Далее текст «Слова» цитируется по данной рукописи.

вода ГИМ, Син. 483 (лл. 883–915) и два зависящих от него списка ГИМ, собр. Е.В. Барсова № 459 (лл. 158–191 об.) и БАН Украины, ф. 306 (Киево-Печерская лавра), № 290/145 (лл. 414–457) [Пентковская 2016: 104]. Маргиналии всех рукописей содержат отсылки к библейским и новозаветным книгам. В соответствующих местах текста представлены либо парафразы сюжетов Св. Писания, либо прямые цитаты. Среди последних важное место занимает цитирование Нового Завета.

Лейтмотивом проповеди является цитата Лк. 6:36, которая повторяется несколько раз, причем первый раз в позиции, предваряющей начало текста: **БѸДИТЕ ѸБѢЩЕДРИ, ІАКЪЖЕ И ѠЦѢЬ ВАШЬ ЩЕДРЪ ЕСТЬ. ЛѸК. Г' Ѡ.** (л. 20) – Luc: 6 Bądźcie miłosierni / iáko y Óciec wáß miłosierny iest (л. 9)*. Лексический эквивалент **ЩЕДРЪ** для польского *miłosierny* является результатом сближения словоупотребления с церковнославянской традицией, где именно таким образом переводилось греч. *oiktírμov* [Пентковская 2016: 106]. Данное наблюдение побуждает рассмотреть и другие случаи обращения к тексту Нового Завета в «Слове». Так, цитата Мф. 19:21 выглядит следующим образом: **И ТОГѠ РАДИ ГДѢ НАШѢ ІИСУ ХРѢТОСУ РЕЧЕ: АЩЕ ХОЩЕШИ СОВЕРШЕНѢ БЫТИ, ПРОДАЙ, ИМѢНІЯ ТВОЯ, И ДАДѢ НИЩЫМЪ, И ГРЯДИ ПОСЛѢДЪИ МНѢ** (л. 28) – Y dla tegoż Pan náß Jezus rzekł: Chcebli byé dofkonałym / rozday ubogim to co maß / á podź zá mną (л. 17). После слова **ГРЯДИ** в Син. 483 имеется зачеркнутое продолжение **РАЗДАДѢ ѸБОГЫМЪ ЕЖЕ ИМАШИ, И** (л. 888 об.), которое точно соотносится с польским текстом (*rozday ubogim to co maß*). Следовательно, сначала была переведена польская цитата, которая потом была исправлена по церковнославянскому тексту. Ср. соответствующий стих в Новом Завете перевода книжного круга Епифания Славинецкого (НЗЕ), который показы-

* Повторное цитирование: **БѸДИТЕ щедри, іакъ Ѡцѣь вашъ щедръ есть** (л. 22 об.); **БГѢ же повелѣваетъ: БѸДИТЕ щедри** (л. 34).

вает, что в отношении полноты цитаты переводчик следует за своим оригиналом, а не за полным церковнославянским текстом Нового Завета: ГИМ, Син. греч. 473 **рече емѸ Иисъ: аще хощещи совершѣ быти, иди, продаждь твоѧ имѣнїѧ, и даждь нищымъ, и воѸмаши сокровище на нѣси· и гради послѣдѸи мнѣ** – ἔφη αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς: εἰ θέλεις τέλειος εἶναι, ὑπάγε, πώλησον σου τὰ ὑπάρχοντα, καὶ δὸς πτωχοῖς καὶ ἕξεις θησαυρὸν ἐν οὐρανῷ· καὶ δεῦρο ἀκολούθει μοι (л. 28 об.). Перестановка порядка слов в рукописях «Слова» – Барс. 459 **быти совершѣнъ** (л. 163 об.): Син. 483 **быти² совершѣнъ¹** (л. 888 об.): Син. 716 **совершѣнъ быти** (л. 28) – также отражает выравнивание по церковнославянскому тексту, ср. Син. греч. 473 **совершѣ^н быти** vs. *być dořkonafum*. Сопоставление с Библией 1663 г. показывает большую близость (однако не полную идентичность) цитаты в «Слове» к НЗЕ: Б63 **аще хощещи совершѣнъ быти, иди, продаждь имѣнїѣ твоѣ, и даждь нищымъ, и имѣти имаши сокровище на нѣси, и гради вѣдъ (!) мене** (л. 410 об.).

—
147
—

Переводчик может дополнять цитату, которая в оригинале дается в сокращенном виде, например, в конце первой части: **Взѧлкахъ бо, и не дастѣ мнѣ части: воѸждахъ, и не напоистѣ мене: странѣнъ вѣхъ, и не совведостѣ мене нагъ, и не вдѣястѣ мене, немощѣнъ, и вѣ хранилѣ, и не посѣтистѣ мене. Тогѡ ради ѡидитѣ ѡ мене во огнь вѣчный, Ѹготованный не вамъ, но дїаволъ и аггѡлмъ Ѣгѡ** (л. 38 об. – 39) – *Láknařem nie nákarmlisćie mię* (л. 26). Примечательно, что во всех четырех случаях в Син. 483 зачеркнуто **мя** (ср. *mię*), над которым написано **мене** (л. 895).

Ср. Мф. 25:41–43 по Син. греч. 473: **тогда речетъ и сѡщїи^н и^з шѡтїн^х, идите ѡ мене проклатїи, во огнь вѣчный. Ѹготованный дїаволъ и аггѡлмъ тогѡ** [исправлено из *егѡ?*]. **Взѧлкахъ бо, и не дастѣ мнѣ части: воѸждахъ, и не напоистѣ мѧ: странѣнъ вѣхъ, и не совведостѣ мѧ: нагъ, и не вдѣястѣ мѧ: немощѣнъ, и вѣ хранилѣ, и не посѣтистѣ мѧ** – τότε ἐρεῖ καὶ τοῖς ἐξ ἐυωνύμων πορευέσθε ἅπ

ἐμοῦ οἱ καταραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ. ἐπεινάσα γὰρ καὶ οὐκ ἔδώκατέ μοι φαγεῖν ἐδίψησα καὶ οὐκ ἐποτίσατέ με. ξένος ἦμην καὶ οὐ συνηγάγετέ με γυμνὸς καὶ οὐ περιεβάλετέ με ἄσθενης καὶ ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με (л. 39).
 — Б63 тогда речеть и сѣщимъ ошѣю егѡ: идите Ѡ мене проклатїи во огнь вѣчный. оуготованный дїаволѣ и аггломъ егѡ. вѣзлкахѣвѡса, и не дасте ми части. возжадахѣ, и не напоисте мене. Страненъ вѣхѣ, и не введосте мене. нагѣ, и не удѣясте мене. Боленъ, и въ темницѣ, и не посѣтисте мене (л. 413 об.).

В сопоставлении с НЗЕ и Б63 выявляется совпадение большей части чтений с первым из названных источников: **не совведосте мене** «Слово» и НЗЕ: **не введосте мене** Б63; **немощеньъ: боленъ** Б63; **в хранилѣ: въ темницѣ** Б63. Однако чтения **взлкахѣ** во и **возжадахѣ** обнаруживают большее сходство с Б63: **вѣзлкахѣвѡса** и **возжадахѣ** соответственно.

Сходный случай представлен на л. 28 об.: **Гдѣ злобѣ ихѣ не поминя, глѣтѣ: во^залка^х, напитасте мя: во^зжадахѣ, напоисте мя: Страненъ вѣхѣ, совведосте мя: нагѣ, удѣясте мя: немошествовахѣ, в хранилѣ* вѣхѣ, прїидосте ко мнѣ**. Эта цитата отличается от предыдущей вариантами **во^залка** и **во^зжадахѣ** (ср. Б63), глоссированием **хранилѣ** – **тѣмницѣ**, где вариант на полях совпадает с Б63 и традиционным чтением, а также отличным от двух источников чтением **немошествовахѣ**. Отметим, что лексема **хранило** появляется уже в лексиконе Памвы Берынды^{**}: **хранило, хранилище, стражъ: сторожа, вежа, або башта, где стражъ стереже^т, темница** (л. 280).

Таким образом, при значительном совпадении цитированных в «Слове о милости» чтений с НЗЕ отмечает-ся некоторое сходство отдельных чтений с Б63. Точно-

* На поле: **тѣмницѣ**. Та же глосса в Барс. 459 (л. 164) и Син. 483 (л. 889).

** <http://litopys.org.ua/berlex/bel46.htm>. Дата обращения 29.11.2018.

го совпадения нет, однако, ни с одним из этих источников. Отмечается также вариативность в переводе одного и того же чтения в разных местах текста. Это свидетельствует, вероятно, о более раннем времени перевода «Слова о милости» по сравнению по крайней мере с НЗЕ, когда многие переводческие решения, характерные для него, находятся еще в стадии разработки. Вместе с тем принципиальным является факт преимущественной ориентации новозаветных цитат в переводе не на польско-латинскую, а на церковнославянскую традицию.

—
149
—

Литература

Пентковская 2016 – Пентковская Т.В. «Слово о милости» книжного круга Епифания Славинецкого: проблемы и перспективы изучения // *Stephanos*, 5 (19), 2016. С. 100–111. <http://stephanos.ru/index.php?getNum=38>

Татьяна Pentkovskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia

tatiana.pentkovskaya@gmail.com

Новозаветные цитаты в «Слове о милости» второй половины XVII в.

The paper deals with the peculiarities of quoting the New Testament fragments in the “Word of Mercy” of the second half of the 17th century. It is a translation of the Polish sermon «Kazanie o Miłosierdziu» by Peter Skarga. It is established that the citations can be extended in comparison with the citation in the Polish original. Besides, the quotations were brought into line with the Church Slavonic tradition and were not translated ad hoc together with the Polish text.

Keywords: *sermons, Epiphanius Slavivetsky, Church Slavonic translations from Polish, New Testament quotes.*

Ирена Плаович

Белградский университет, Сербия

irena.plaovic@gmail.com

Герменевтическая поэзия и новое Средневековье

150

Сборник стихотворений «Четыре канона» Ивана В. Лалича (1996) полностью основывается на традициях византийского и сербского Средневековья. В настоящей статье мы постараемся показать, каким образом поэт, интерпретируя средневековую гимнографическую форму канона, а также литературного наследия в целом, библейских песен и религиозных опытов, канонизирует поэзию конца XX в. Поэт, таким образом, делает поэзию канонической частью сербской литературы. Придавая поэзии псевдобогослужebную, герменевтическую, теологическую и поэтическую функцию, И. В. Лалич выходит за рамки современной литературы и приближает свою поэзию средневековому, более широкому, понятию литературы.

Ключевые слова: *канон, Иван В. Лалич, герменевтика, литургия, средневековая литература, поэзия*

Рассматривая поэзию, вошедшую в последний сборник великого сербского поэта конца XX в. Ивана В. Лалича «Четыре канона», мы показали, что данная поэзия одновременно является и интерпретацией средневекового канона как гимнографической формы, и интерпретацией средневекового литературного наследия в целом, а также интерпретацией библейских песен, религиозных опытов и, конечно, интерпретацией современного мира [Плаовић 2018]. Рассматривая сложную систему поэтического восприятия, мы пришли к выводу, что герменевтика является одной из ключевых характеристик сборника Ивана Лалича. Цель настоящего исследования несколько иная.

Пропуская наследие византийского канона сквозь призму герменевтики, поэт возвел его на высший уровень существования в современном мире. С другой стороны, ставя современное мгновение в рамки канона, он определяет данное мгновение по-разному: во-первых, в качестве текста, продолжающего многовековой процесс формирования данного гимнографического жанра; во-вторых, в качестве «материала» для литургического обращения, так как стихотворение мыслится формой, приходящей на смену богословию в диалоге с потусторонним; в-третьих, в качестве времени (которое во многом соответствует времени процветания наших канонов) – периода, который в науке принято называть «новым Средневековьем». Данное поэтическое произведение, будучи зафиксированным в современном для поэта мгновении, благодаря *литургизации* лишено временной составляющей, оно выходит за литературные рамки и многообразием своих функций (псевдобогослужебная, герменевтическая, теологическая, поэтическая), приближается к понятию литературы средних веков – более емкому понятию, в отличие от присущего нам видения. В таком смысле канонизация у Лалича и сама становится многозначной. Возобновляя поэтическую форму канона и нагружая ее современным смыслом, поэт включает тем самым собственную поэзию-интерпретацию в непрерывную традицию прославления – второго лица герменевтики. Прославление начинается там, где анализ становится лишним или даже невозможным. Именно это и является основной особенностью не только литургической поэзии, но и других важных средневековых жанров, таких как торжественная эпидейктическая речь. Кроме того, канонизация представляет собой и прием абстрагирования, блестящим образом описанный Д. С. Лихачевым: «канон не заношенный костюм, а блестящий мундир; не будни рутины, а праздник парада» [Лихачев 1971: 139]. Участие в обря-

де или «участие в культе» [Jauss 1979] является одним из основных источников наслаждения средневековым текстом, и поэтому (псевдо)литургизация и приближение к библейскому нарративу представляют собой естественные последствия такой канонизации. Во-первых, канонизация значима как своеобразное включение в круг официальных текстов, иными словами, это становление *каноничной* поэзии. Во-вторых, канон значим как важная составляющая подлинного средневекового творчества, которое у Д. С. Лихачева противопоставляется шаблону, иными словами, это становление поэзии *канонической*. Эти два упомянутых типа канонизации, конечно, связаны между собой. Чтобы стихи XX в. стали в таком смысле каноничными, они должны быть каноническими.

Новизна в приемах у Лалича усматривается именно в таком своеобразном овладении средневековым приемом. Он выступает наследником традиции и прикладывает матрицу средневекового канона к темам своего времени*, вместо того, чтобы поставить современные проблемы в рамки воображаемого средневековья, что, в свою очередь, является более частой формой коммуникации с данным наследием. Средневековые темы более характерны для литературы постмодернизма (у сербских авторов это византийские темы). В творчестве Лалича тема отнюдь не средневековая, а библейская, как и в большей части сербского средневекового литературного наследия**.

---

* Вот несколько строк в качестве примера: «А онда гром: опојићу стреле твоје крвљу -//Укључен мали екран; насиље у пуном спектру/ дугиних боја, умивано звучном сапуницом./ Надевено опијатима са дејством преко очног/Живца... » [Лалич 1996: 69]; «јајоглави Сатана има лични компјутер/ од десет гигабајта, уз помоћ којег ми кроји/ капу по својој мери. Лудачку капу, можда,/ са златним прапорцима. И једну пластичну врећу// са патент-затварачем» [Лалич 1996: 15 – 16].

** Среди средневековых произведений канон является самым систематичным, так как он всегда основывается на библейских песнях, на которых зиждется его структура.

Проблема современного мира в зеркале библейской традиции не является новшеством в мировой литературе, и в качестве лучшего примера можно вспомнить роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», композиция которого является многослойной и сложной так же, как и канон, на котором основывается лирическое произведение И. Лалича. «Четыре канона» одновременно и всеобъемлющие: с трудом можно определить тему «Четырех канонов», потому что в них затрагивается *все*, с той целью, чтобы опыт веры, существование и участие в литургическом событии показать на отдельных примерах^{***}. Такой прием, как включение отдельной единицы в обобщенное понятие, понимание его смысла в контексте общего *плана спасения* также является подлинно средневековым. Показав, что канон может опять заговорить, как поэзия, Лалич сделал важный шаг к тому, чтобы поэзия снова была каноном в более широком смысле, чтобы она снова приобрела экзистенциальную значимость, какой она славилась в средние века благодаря ее культовой роли. Последующим поэтам до настоящего времени не удалось продолжить то, что начал Лалич, и с помощью чего он уже в сборнике «Писмо» 1992 г. разорвал связи с просветительством, под влиянием которого и укрепилось отрицательное представление о Средневековье. Таким образом Лалич подготовил почву для поддержания непосредственного диалога с средневековым наследием, что ему наилучшим способом удалось выразить в «Четырех канонах» – первом неомедиевистском стихотворном сборнике в сербской литературе.

*** «Та птица, наизглед хитра,/ опасно је спора у покушају прелета/ прометне аутостраде. Нема никакве шансе/ у блиском сусрету са брзим ветробраном, / пресеку ли се правци./ Био сам сведок секунде// када то мало душе у сивосмеђем перју/ засеца леви брисач/...смерскано тело птице,/ ...остаје приковано/ за црни коси крст.../...Господ убија и оживљује» [Лалич 1996: 31].

Литература

Jauss 1979 – Jauss, Hans Robert, Bahti, Timothy. The Alterity and Modernity of Medieval Literature // *New Literary History*, vol.10 no.2, 1979.

Лалич 1996 – Лалић И. В. Четири канона, Београд, 1996.

Лихачев 1972 – Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

Плаовић 2018 – Плаовић И. Лалићева херменеутика средњовековног канона // Годишњак катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима, XIII. Београд, 2018 (в печати).

Irena Plaović

University of Belgrade, Serbia

irena.plaovic@gmail.com

Hermeneutical Poetry and the New Middle Ages

Four canons, a book of poetry written by serbian poet Ivan V. Lalić, has been entirely conceptualized on the basis of byzantine and serbian medieval traditions. In this article, we aim to show in what way does the poet, by interpreting medieval hymnographic form of canon, but also the literary tradition as a whole, biblical poems and the experience of religion, manages to canonize poetry of the end of the 20th century. He makes it a canon work of serbian literature, by placing it within the continuity of an old poetic form. By giving it different functions – pseudolitururgical, hermeneutical, theological and poetic, he overcomes literarity and brings this poetry closer to the medieval notion of “literature”, much broader than the one we use today.

Key words: *canon, Ivan V. Lalic, hermeneutic, liturgy, medieval literature, poetry*

Александра Плетнева

Институт русского языка РАН им. В.В.Виноградова, Россия
apletneva@list.ru

**Государственный культ и церковное богослужение:
службы военным победам**

—

—

В докладе будут рассмотрены церковные службы петровского времени, составленные в связи с военными победами России. Эти службы оказываются своеобразной контактной зоной между светской и церковной культурами. Они содержат в себе, с одной стороны, элементы церковной поэтики, с другой — характерные черты литературы барокко и панегирической оды.

Ключевые слова: *богослужбные тесты, поэтика, метафорика, светская культура, церковная культура*

Церковные службы, посвященные военным победам, — явление уникальное, лежащее на пересечении секулярной и церковной культуры XVIII в. Особенность этих служб заключается в том, что они посвящены исключительно светским событиям. Безусловно, и в византийской, и в древнерусской практике создавались службы на церковно-государственные праздники, но они были посвящены не столько событию, сколько Божией помощи, благодаря которой то или иное событие имело место (например, служба богородичной иконе «Знамение»). Здесь же победа в войне прославляется именно как государственное деяние.

В докладе будут рассмотрены две службы: служба на 27 июня в память о Полтавской победе (составлена Феофилактом Лопатинским) и служба в воспоминание о Ништадском мире на 30 августа, соединенная со службой на перенесение мощей Александра Невского (автор Гавриил Бужинский). Само появление этих служб показывает, что ряд церковных деятелей, прошедших шко-

155

лу Киево-Могилянской академии, сочувствовали культурной политике Петра, поддерживали его начинания в деле огосударствления Церкви. Богослужбная практика петровского времени начинает служить имперским интересам и отражает некоторую секуляризацию сознания, при этом авторы новых служб демонстрируют патриотическую риторику имперского типа.

В докладе мы рассмотрим особенности риторической и поэтической организации таких текстов. В первую очередь речь пойдет о библейских метафорах и сравнениях, которые позволяют проинтерпретировать гимнографические тексты как барочную поэзию.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты из службы Феофилакта Лопатинского, где война со Швецией воспроизводится в образах библейской истории. В службе вспоминается сон Навуходоносора о камне, отделившемся от горы и сокрушившем идола. Этот сюжет очень часто обыгрывается в богослужбной поэзии, однако в данной службе мы имеем дело с особым случаем: «Равно сонному видению Навуходоносорову помышляше король свейский, и паде на него камень и здание умышления его разсыпа, и все мечтаение исчезе: благословен Бог отец наших, сотворивый тако». Если «король свейский» – это Навуходоносор, то камень, разбивший его замыслы – российский император (что соответствует этимологии имени Петр). Таким образом, данный фрагмент не просто отсылает нас к библейскому тексту, но отчетливо демонстрирует черты барочной поэтики, которая накладывает события священной истории на конкретную историческую ситуацию. Хорошо известно, что «христос» означает «помазанник», однако звучащее в службе наименование Петра «христом» («И творяй милость христу своему Петру») сегодня воспринимается почти как кощунство. При этом очевидно, что автор службы не собирався никого эпатировать, а лишь использовал в богослужбном тексте барочную игру со словом. И если

Петр – «христос», то Мазепу автор службы называет Иудой, а тех, кто не пошел за Мазепой, сравнивает с апостолами, не предавшими Христа: «Да восхвалятся ныне с вами земнии Ангели не прилепившиеся диаволу крамольнику, да почтутся якоже апостоли, не согласившиеся со вторым Иудою Мазепою».

Если служба о Полтавской победе – это в первую очередь ода благочестивому императору, то служба о Ништадтском мире – это, скорее, гимн новой России. В ней есть несколько текстов, где слово Россия стоит в вокативе. Россия – действующий субъект, а не объект, и это представляется важным: «Созидай грады твоя новыя, Россие, утверждай миром пределы твоя: Господь с тобою, Господь Помощник». Или же: «Не тужи ныне, Россие, дни прежния и лета прешедшая скорбная поминаючи, егда бедствиями аки потрясеса от востока, юга и севера смущаемая, внутрь же мятежными несогласии раздираемая. Прогна Бог облак печали твоея и светом бессмертныя славы озари тя».

Для светской культуры того времени подобный гимн России был вполне нормальным, но для церковной культуры это кажется нехарактерным. Как известно, со времен патриарха Никона существовала тенденция подчеркивать наднациональный характер православия. Это, в частности, выразилось в исключении из Типикона ряда памятней русских святых. Характерно, что служба о заключении Ништадтского мира была соединена со Службой на перенесение мощей Александра Невского, празднование которого в этот день было установлено по личному указанию Петра I. Для гражданского культа почитание русских князей имело большое значение, поэтому, вопреки общей тенденции исключать русские службы, этот текст был включен в богослужебные книги.

Таким образом, можно сказать, что службы военным победам выступают в роли контактной зоны, где элементы церковной гимнографии переплетаются с элементами светской панегирической литературы.

Alexandra Pletneva

*Vinogradov Institute of the Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Russia
apletneva@list.ru*

— **State Cult and Church Service: Worship of Military Victories**

158

— The paper will examine church services of the time of Peter the Great composed in connection with Russia's military victories. These services made a certain contact zone between the secular and church cultures and contain both elements of church poetics and characteristic features of the literature of the Baroque and panegyric odes.

Key words: *liturgical tests, poetics, metaphors, secular culture, church culture*

Франческа Ромоли

*Университет г. Пизы, Италия
francesca.romoli@unipi.it*

**Об источниках пророческих цитат
в сочинениях Максима Грека**

Изучение библейских цитат – актуальный вопрос в исследовании литературного наследия Максима Грека. Из ветхозаветных мест, цитируемых в его сочинениях, доклад рассматривает пророческие. Исследование сосредоточено на «Слове противу тщасящихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком». Учитывая конкретные источники данного произведения, автор пытается определить возможные посреднические источники присутствующих в нем цитат из книг Исаии и Иеремии.

Ключевые слова: *Максим Грек, сочинения Максима Грека, библейские цитаты*

Цель доклада – определить источники цитат из книг пророков Исаии (47,10.[12.]13–14) и Иеремии (10,2), приведенных в «Слове противу тшацихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека [Максим Грек 2008: 280–281]. Произведение принадлежит к противоастрологическому циклу его сочинений и было создано в 1523 г. [Иванов 1969: 121–122].

По мнению Х.-М. Олмстеда [Olmsted 1987], пророческие цитаты Максим Грек извлекал из библейской антологии (так называемой *Prophetic Miscellany*), отредактированной им самим на основе Толковых пророчеств Упыря Лихого в начале 30-х гг. XVI в.

Ученый сверил пророческие цитаты сочинений Максима Грека с цитатами в данной антологии и Острожской библии и выявил 4 случая несовпадения. Один из таких случаев как раз представлен цитатой из книг пророка Исаии в изученном нами Слове.

Такое несовпадение не удивляет, так как библейская антология хронологически несовместима со Словом. В число возможных источников пророческих цитат в Слове входят, кроме памяти автора, Профитологий (Паримийник), Толковые пророчества и Геннадиевская библия.

Непосредственная зависимость Слова от «*Trattato contra gli astrologi*» Джироламо Савонаролы [Savonarola 1982], недавно установленная нами [Ромоли 2015], и присутствие в нем тех же пророческих цитат, что в Слове, добавляют данное произведение к числу его возможных библейских источников.

Автор исследует вопрос путем сравнительного анализа. Результаты анализа могли бы доказать посредничество других источников, кроме литургических книг, так в изучение библейских цитат в сочинениях Максима Грека вводится новый критерий.

Литература

Иванов 1969 – Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969.

Максим Грек 2008 – Преподобный Максим Грек. Первое послание Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии // Преподобный Максим Грек. Сочинения. 1. М., 2008. С. 255–294, 295–306, 307–310.

Ромоли 2015 – Ромоли Ф. «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человека» Максима Грека: Опыт сопоставительного анализа // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)”. 3. 2015. P. 1–17.

Olmsted 1987 – Olmsted H.M. A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 3. 1987. P. 1–73.

Savonarola 1982 – Girolamo Savonarola. Trattato contra li astrologi // Girolamo Savonarola, Scritti filosofici. 1. Roma, 1982. P. 273–370.

Francesca Romoli

University of Pisa, Italy

francesca.romoli@unipi.it

On the Sources of Prophetic Quotations in the Work of Maximus the Greek

Maximus the Greek's († 1556) use of biblical quotation is a current issue in the study of his literary heritage. This paper focuses on the quotations from the Prophets found in his «Speech against those who try to predict things to come by observing the stars, and on man's free will» («Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom»). Given the actual sources of this writing, the present author seeks to identify the possible sources of the quotations from Isaiah and Jeremiah within it.

Key words: *Maximus the Greek, Maximus the Greek's work, biblical quotations*

Мирко Саккини

Тюменский государственный университет, Россия

m.sakkini@utmn.ru

**Приставка *раз-* в *Слове о Полку Игореве*:
семантика и вид глагола**

—

—

В данной работе приставочные глаголы на *раз-* в «Слове о полку Игореве» изучены с целью восстановить их видовые пары исходя из тех значений, которые они показывают в контекстах Слова. Чтобы правильно выделить их видовой коррелят в словарях древнерусского языка, нужно учитывать их тип приставочного значения (только-пространственный, пространственно-результативный, временно-результативный и только-результативный), созданный базовым пространственным представлением приставки *раз-*.

Ключевые слова: *видовая пара, типы приставочных значений, Слово о Полку Игореве, словарные статьи.*

Приставочные глаголы на *раз-*, присутствующие в тексте *Слова о Полку Игореве*, в нашей работе классифицируются в рамках словарных статей. Главная цель — показать, какие видовые пары такие производные глаголы из *Слова* могли создавать в древнерусском языке на основе значений, реализуемых в контекстах. Работа состоит из четырех разделов.

В первом разделе предлагается краткий обзор вопроса об аутентичности *Слова* и обосновывается выбор критического издания *Слова*, составленного А.А. Зализняком [Зализняк 2008]: оно очищено от неудачных поправок Мусина-Пушкина и раскрывает нам раннедревнерусские (XII–XIII вв.) и старорусские (XV–XVI вв.) черты текста. Оригинал *Слова*, написанный в конце XII – начале XIII вв., утерян, и его перво-

161

начальный древнерусский облик, хотя и незначительно, был изменен писцом XV–XVI вв. Данный писец при составлении своего списка намеренно заменял в некоторых словах их первоначальные восточнославянские русские морфофонологические варианты (например, -жи и -ч- < *-dj- и *-tj-) южнославянскими церковнославянскими эквивалентами (*прихождаху, полунощы*). Кроме того, в некоторые слова были внесены севернорусские диалектные черты (*высъдѣ, луци*).

Несмотря на эти изменения, *Слово* является образцом раннедревнерусской литературы, что проявляется в глаголах на *раз-* через грамматически правильное употребление имперфектов (*растѣкашеться*), двойственного числа (*ро(с)стрѣляевѣ*) и препозитивного неслитного с глаголом рефлексивного местоимения *-ся* (*ся разлучиста*) [Обнорский 1946, Зализняк 2008]; через правильное употребление древнерусских фигур речи (*Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли*) [Адрианова-Перетц 1966: 315].

Во втором разделе на основе научных работ о категории вида в праславянском [Маслов 1953], в древнерусском [Маслов 1953; Маю 1985] и в современном русском языке [Падучева 1996, Зализняк, Шмелев 2000], сделан вывод о принадлежности древнерусских глаголов либо к совершенному, либо к несовершенному виду. Так называемые неохарактеризованные по виду глаголы типа *видети* и *стрѣляти* [Vermel 1997] с учетом их синтаксического поведения в контексте, функционально также могут быть отнесены к СВ или НСВ.

От приставочных глаголов СВ, обладающих грамматической предельностью (результативностью), можно морфофункционально образовать видовые пары. Функциональность предполагает учет синтаксического поведения глагола в предложении: 1) если глагол СВ обозначает результат, достигаемый постепенно (с градуальностью) в прошедшем или в будущем, т.е. является

глаголом предельно-градуальным (ПГ), как аорист *расхытитесте* в *Слове*, то его коррелят НСВ будет указывать на предыдущий процесс становления (также ПГ) (*расхытати*) для настоящего или прошедшего времени, синхронных с моментом речи/повествования; от глагола СВ создается предельная пара, или пара постепенного результата: *расхытити-расхытати*; 2) если глагол СВ выражает внезапное и точечное завершение или начало акта, т.е. является предельно-точечным глаголом (ПТ), то имеются три возможности: 1. Глагол СВ выражает начало акта (как *увидети* и *распудити*), рождающее на оси времени либо состояние НСВ (НСВ СТ) (*видети* и *пудити*), которое в имперфекте или в настоящем времени оказывается неизменным и без пределов (т.е. со стативностью), либо (редко) форму НСВ для выражения человеческой деятельности (*идти*), имеющую в себе градуальность, т.е. изменяемость во времени, и неопределенность (НСВ НСТ). Здесь от глагола СВ создается перфектная пара (или пара для внезапного начала акта): *увидети-видети*, *распудити-пудити*. 2. Если глагол СВ выражает окончанный результат (*умерети*, в *Слове*: *расшибити*, *рострѣляевѣ*), то НСВ представляет: а) его ПТ повторение в прошедшем (в *Слове*: *растѣкашется*) или в будущем (*стреляти*): тривиальная пара (или пара лишь для повторенного результата) – *расшибити-расшибати*, *ро(с)стрѣляти-стрѣляти*; б) его предыдущее наступающее состояние СТ: пролептическая пара (или пара внезапного непредсказуемого результата) – *умерети-умирати*.

Но исходя из свойств приставочного глагола СВ, можно предопределить морфологические свойства его коррелята НСВ [Маслов 1958; Маю 1985] через четыре типа семантической нагрузки его приставки.

В третьем разделе показано, что данные типы приставочных значений в глаголе являются результатом взаимосвязи между базовым представлением (далее БП) его приставки (для раз-: «распространение в разные сторо-

ны, расширение, удаление и, наконец, отрыв» [Гвоздев 1973: 349]), семантикой его глагольной основы и контекстом. БП древнерусской приставки раз- через переразложение слогов происходит от первоначальной праславянской формы *oz-/ors* [Meillet 1934], выполняющей одновременно функцию пространственной приставки, предлога и наречия [Lehmann 1974]. Из этого элемента создавались старославянская приставка раз- [Lunt 1974; Иванов 1995] и русская приставка роз-, обе присутствующие в древнерусском. Приставка имела разные варианты в зависимости от морфофонологического облика слов, например, в *Слове*: разлися, рассушяся, ро(с)трѣляевѣ.

В *Слове* найдены 12 словоформ (*развѣя, разумѣти, разшибе, рассушяся, ся разлучиста, разлися, растѣкашется, раскропити, расхытитесте, и роспу<щ>ени, ро(с)трена, ро(с)трѣляевѣ*) с приставкой раз- (*роз-*). Ни одна из них не обладает только-пространственным типом приставки, вносящей в основу приставочного глагола чистое пространственное направление БП без результативности/предельности, как в глаголе НСВ *расстояти* (*не грѣси ваших растоят между вами и Богом* [СРЯ 1988–2013, т. X : 229]). Данный тип приставки имеют только глаголы НСВ НСТ и СТ, неспособные иметь видовые пары и употребляемые редко, например, в географических описаниях. В *Слове* находим, однако, 5 глаголов с пространственно-результативной приставкой, т.к. в них БП связывается с результативностью, рождая глаголы СВ ПТ и ПД, выражающие пространственные понятия «с одной точки в разные направления» (*разлися, рассушяся, ро(с)трена*) и «деление на две или больше частей» (*развѣя, ся разлучиста*), и создающие предельные пары с НСВ суффиксом -а-. В *Слове* находим 3 глагола с временно-результативной приставкой [Годизова 2014], вносящей в основу результативность и временные понятия, возникшие от БП «бурное начало» (НСВ словоформа *растѣкашется*, сводимая к глаголу СВ *растѣчися*) и «интен-

сивное размельчение» (*раскропнн, разшнбе*), строящие ПТ события, которые могут создавать тривальные пары посредством -а- (кроме *раскропнн*). Наконец, находим 4 глагола с только-результативной приставкой, которая, на первый взгляд, потеряла связь с БП, внося в основу лишь результативность СВ. Доказывается, однако, что БП еще присутствует в производных глаголах с данной приставкой, т.к. она повторяет семантику основы (*ропну<щ>ены* от <ропуднтн>, *ро<с>стръляевъ*) или сливается с нею (*расхытнсте, разумътн*). Только в этой группе могут создаваться видовые пары даже путем депрефиксации глагола СВ (*распуднтн-распужднтн/пуднтн*).

В четвертом разделе глаголы на *раз-* со своими парами описаны в словарных статьях. Как и в предыдущем разделе, значения и пары глаголов определены с помощью *анализа контекстов и с использованием словарей древнерусского языка и историко-культурологических исследований*.

Литература

Адрианова-Перетц 1966 – Адрианова-Перетц В.П. Фразеология и лексика «Слова Полку Игореве» // «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М., Л., 1966. С. 13–126.

Гвоздев 1973 – Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1973.

Годизова 2014 – Годизова З.И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. Махачкала, 2014. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук.

Зализняк, Шмелев 2000 – Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Зализняк 2008 – Зализняк А.А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста, издание третье, дополненное. М., 2008.

Иванов 1995 – Иванов В.В. Фонетика // В.В. Иванов, С.И. Йорданиди, Л.В. Вялкина, Т.А. Сумникова, В.Б. Силина, В.Б. Крысько. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 20–170.

Маслов 2004 – Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология, Общее языкознание. М., 2004.

Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М., Л., 1946.

Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

СРЯ 1988–2013 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. I–X. М., 1988–2013.

Bermel 1997 – Bermel N. Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect. Berkeley, 1997.

Lehmann 1974 – *Lehmann W.* Proto-Indoeuropean syntax. Austin, 1974.

Lunt 2001 – *H.G. Lunt.* Old-Church Slavonic Grammar. Berlin, New York, 2001.

Mayo 1985 – *Mayo P. J.* The morphology of aspect in seventeenth-century Russian (based on texts of the *Smutnoe vremja*). Ohio, Columbus, 1985.

Meillet 1934 – *Meillet A.* Le Slave commun. Seconde édition revue et augmentée avec le concours de A. Vaillant. Paris, 1934.

Mirko Sacchini

University of Tjumen, Russia
m.sakkini@utmn.ru

The Prefix *raz-* in the *Slovo o Polku Igoreve*: Semantics and Verbal Aspect

In this paper, the verbs prefixed by *raz-* in the *Slovo o Polku Igoreve* are investigated in order to recover their aspectual pairs from the meaning they show in their contexts. To find correctly the aspectual counterpart for their pairs in the dictionaries of Old Russian, it is required to consider their type of prefixal meaning (only-spatial, spatial-resultative, tempo-

ral-resultative, and only-resultative), which is derived from the basic spatial representation of the prefix *raz-*.

Key words: *aspectual pair, types of prefixal meanings, Slovo o Polku igoreve, vocabulary articles*

Елена Славкович

Белградский университет, Сербия

slavkovic.jelena@gmail.com

—
167
—

Сербская традиция славянского перевода Жития св. Амфилохия Иконийского*

В докладе рассматривается житие святого Амфилохия Иконийского в сербской традиции славянского перевода. Текстологический анализ сохранных житий открывает несколько возможностей для будущих исследований и подтверждает необходимость издания средневековых текстов. Автор обращается к четырём рукописным текстам сербского происхождения, предлагает их классификацию и отвечает на возникающие при этом вопросы.

Ключевые слова: *текстология, житие, св. Амфилохий Иконийский, каппадокийские отцы*

Святой Амфилохий Иконийский жил и творил в IV веке, в эпоху великих каппадокийцев, поэтому с современной точки зрения он находился «за кулисами» исторической сцены, несмотря на то, что ему на духовное попечение была доверена крупная значительная территория. Считается, что его житие возникает примерно в V веке. Греческая традиция фиксирует четыре варианта этого жития, из которых один принадлежит Симеону Метафрасту (ВНГ 72), а автор или авторы трех других неизвест-

---

* Перевод с сербского М. Обижаевой.

ны (ВНГ 73 – 75). В сербской рукописной традиции есть свидетельства о четырех списках, объединенный анализ которых составляет основу этого доклада.

Историческая роль св. Амфилохия состояла в борьбе за сохранение единства Церкви, и при этом наиболее значима была его постоянная борьба с ересями. Будучи искусным ритором и получив юридическое воспитание, св. Амфилохий при этом формально не имел ни богословского образования, ни церковных чинов, поэтому возведение его в сан епископа стало нарушением церковных канонов и явилось поводом для споров и хулы со стороны современников. Вопреки этому Амфилохий был, бесспорно, очень близок к пастве и в целом влиятелен среди клириков [Јевтић 2004, Флоровски 2009]. Особенности и дух его богословия состоят в простоте выражения и опираются на пневматологию св. Василия Великого. Св. Амфилохий канонизирован не только Православной, но и Римско-католической церковью, при этом западные теологи начала XX века чаще относили его к тройке великих каппадокийцев [Нолл 1904].

В соответствии с поэтическими принципами жанра текст жития не фиксирует коллизии и детали из жизни святого до вступления на епископскую кафедру, поэтому как общие места сочинения о св. Амфилохии нужно отметить высокий уровень обобщения и небольшой объем. Из четырех списков этого жития старейшая рукопись — панегирик второй четверти XIV века, который хранится в монастыре Хиландар на Афоне (Хил 473) [Богдановић 1982]. В сборнике смешанного содержания, который датируется XV веком и находится в русском монастыре св. Пантелеймона на Афоне (Пантелејмон 22), содержится *Слово о Светом Амфилохију Иконијском* [Шпадијер 2014]. В состав сборника XVI века из собрания Музея Сербской Православной церкви (МСПЦ 218) — патерика со святоотеческими поучениями и житиями святых — входит текст жития св. Амфилохия. Позднейший список находится в составе т. н. *Аверкиево-*

го панегирика (назван по имени переписчика), хранящегося в Хиландаре (Хил 441) [Богдановић 1982]. Как указано в колофоне, список появился в 1624 году*.

Текстологический анализ рукописных материалов позволяет сделать несколько выводов. Все четыре списка являются интерпретациями одного и того же текста. Сравнение доступных инципитов греческих и славянских вариантов жития указывает на то, что славянский перевод, вероятно, появился в соответствии с греческим вариантом ВHG 73. Различия в текстах сербской традиции славянского перевода сводятся к двум ключевым местам: заголовкам содержания и введению. Различия в заголовках ведут к дальнейшему анализу поэтики содержания и к вопросу концепции данного жанра в средневековой литературе в целом. Хиландарские списки озаглавлены как *памет и прошение*, список Пантелејмон 22 као *слово*, а текст из Сборника МСПЦ 218 као *житие*. Различия же во введениях указывают на разницу в традиции.

—

—

Литература:

ВHG – Bibliotheca hagiographica graeca. Ed. François Halkin, Subsidia Hagiographica 8a Bruxelles: Société des Bollandistes, 1957

Богдановић 1982 – Богдановић Д. Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XXVII века). Белград.

Иванова 2008 – Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. Софија.

Јевтић 2004 – Јевтић А. Патрологија. Источни оци и писци 4. и 5. века од Никеје до Халкидона. Београд: Хришћанска мисао. С. 325-451.

Флоровски 2009 – Флоровски Г. Источни оци IV века. Манастир Хиландар.

Holl 1904 – Holl K. Amphilochius von Iconium in seinem Verhältnis zu den grossen Kappadozieren. Tübingen und Leipzig.

---

* Иванова приводит три списка: Хил 441, Хил 473 и МСПЦ 218, — а рукопись Пантелејмон 22 не входит в рамки материалов ее книги [Иванова 2008].

Шпадијер 2014– Шпадијер И. Пантелејмон 22 — један неочичан српски зборник из првих деценија XV века // Афон и славански мир. Света гора Афон: Издание руског Свето-Пантелеимонова манастира на Афоне. Сб. 1: Материјали међународ. науч. конф., посвећеној 1000-летију присуства руских на Светој Гори, Београд, 16-18 маја 2013 г. С. 267–274.

170

Jelena Slavkovic

University of Belgrade, Serbia
slavkovic.jelena@gmail.com

Serbian Tradition of the Slavonic Translation of the *Life of St. Amphilochius of Iconium*

The paper represents the results of textology analyze and possibilities for further examination. According to available sources, in serbian tradition exist four copies of this text. Author operated with all four copies and suggests their new classification.

Key words: *textology, life of Saints, Amphilochius of Iconium, Cappadocian Fathers*

Витторио Спрингфилд Томеллери

Универзитет г. Мачерата, Италија
springfield66@hotmail.com

Молитва господња с толкованијами Брунона в преводу Дмитрија Герасимова. Интерлинеарно издање

Среди текстов, входящих в Толковую Псалтирь Брунона, епископа Вюрцбургского, как в латинском подлиннике XI в., так и в церковнославянском переводе, осуществленном Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI в., имеется и Молитва господња с толкованиями самого составителя латинской компиляции.

Именно наличие довольно простого и часто тавтологического комментария, явно преследовавшего наставительно-катехизическую цель, делает этот памятник богословской литературы на восточнославянской почве чрезвычайно интересным.

Подстрочное издание обоих текстов предваряет краткая вступительная статья, в которой в сжатой форме излагаются некоторые вопросы текстологического и лингвистического характера.

Ключевые слова: *Бруно, Толковая псалтирь, латынь, Дмитрий Герасимов, церковнославянский перевод, Молитва господня*

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Macerata, Italy

springfield66@hotmail.com

Bruno of Würzburg's Commentary on the Lord's Prayer in the translation by Dmitry Gerasimov

Among the texts contained in the commented Psalter of Bruno, bishop of Würzburg, both in the Latin original (11th century) and in the Church Slavonic translation, carried out by Dmitri Gerasimov in the first half of the 16th century, we find the Lord's Prayer with a commentary by the author of the Latin compilation himself.

It is just the presence of a rather simple and often tautological commentary, clearly serving a didactic-catechetical purpose, which makes this theological work extremely interesting among the East Slavs.

The interlinear edition of both texts is preceded by a short introduction, in which some textual and linguistic questions are briefly presented.

Key words: *Bruno of Würzburg, Expositio psalmodum, Latin, Dmitry Gerasimov, Church Slavonic translation, Lord's Prayer*

Мария Кьяра Ферро*Университет г. Кьети – Пескара им. Г. д'Аннунцио, Италия*

maria.ferro@unich.it

Методология создания многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов: новый подход

172

В рамках проекта создания многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов представляется новый методологический подход в изучении семантики слов. Новизна состоит в анализе употребления лемм в прямых источниках на основе текстов, включенных в исторический раздел НКРЯ.

Ключевые слова: *лексикон религиозных и философско-богословских слов, НКРЯ, понятие «разумъ», понятие «мудрость»*

Составление многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов было начато в 2012 г. [Ferro 2012]. В результате анализа некоторых групп лексем, выбранных на семантической основе (а именно: именованний и атрибутов Бога [Ferro, Romoli 2013]; именованний и атрибутов Богородицы [Ferro, Romoli 2014a, 2018; Romoli 2016; Romoli, Ferro 2018]; именованний и атрибутов дьявола [Ferro, Romoli 2014b]), стала очевидной необходимость нового методологического подхода к анализу слов.

До сих пор семантика названных терминов, охватывающая этимологию слова, его значение в разных языках и перевод на итальянский язык, устанавливалась на основе толкования лексем в словарях разной типологии: этимологических, словарях греческого, латинского, старославянского и церковнославянского языков, а также двуязычных русско-итальянских словарях (полный список см. в [Ferro, Romoli 2014b]).

Теперь, в целях более точного определения семантических оттенков слов в различных контекстах, тра-

диционный анализ сопровождается поиском лемм в историческом разделе НКРЯ, в частности в субкорпусах: древнерусском (источники XII–XIII вв.), старорусском (источники XIV–XVIII вв.) и церковнославянском (литургические тексты).

В докладе представлены результаты анализа двух ключевых понятий восточнославянского средневековья – лемм «разумь» [Ferro 2018] и «мудрость» [Romoli 2018].

В отличие от комментариев словарей результаты запросов по НКРЯ позволяют более точно оценить семантику слова и контекстов его употребления, что представляется полезным и при определении итальянских эквивалентов. В результате использования этой методики обнаруживаются случаи несоответствия между истолкованием слов, содержащихся в словарях, и их функционированием в источниках.

Исследование имеет целью доказать практическую ценность и уместность предложенной методики при составлении многоязычного лексикона религиозной и философско-богословской лексики.

Литература

Ferro 2012 – Ferro M.C. Tradurre i lemmi russi appartenenti al lessico agiografico slavo ecclesiastico. Difficoltà e proposte // Studi Slavistici. Firenze, IX. 2012. P. 133–148.

Ferro, Romoli 2013 – Ferro M.C., Romoli F. Gli attributi di Dio. Per una traduzione slavo ecclesiastico-russo-italiano del lessico religioso e teologico-filosofico // Studi Slavistici. Firenze, X, 2013. P. 237–248.

Ferro, Romoli 2014a – Ferro M.C., Romoli F. Appellativi e attributi della Madre di Dio. Per un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi // Studi Slavistici. Firenze, XI, 2014. P. 99–122.

Ferro, Romoli 2014b – Ferro M.C., Romoli F. Un *lexicon* slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi e filosofico-teologici. Presentazione del progetto e primi risultati, con commento degli attributi del diavolo // Stephanos, VII/5, 2014. P. 96–120.

Ferro, Romoli 2018 – Ферро М.К., Ромоли Ф. Церковно-славянско-русско-итальянский лексикон религиозных и философско-богословский слов. Об именовании и атрибутах Богородицы (II). // Кирилло-Мефодиевские чтения. Selecta. Славянское средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. Под ред. Н. Запольской. М., 2018. P. 137–182.

174

Romoli 2016 – Romoli F. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici. Ancora a proposito degli appellativi e attributi della Madre di Dio // Stephanos, XIX/5, 2016. P. 26–44.

Ferro 2018 – Ferro M.C. Sl.eccl. разумъ. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici // Ferro M.C., Salmon L., Ziffer G. (под ред.). Contributi italiani al XVI congresso internazionale degli Slavisti (Belgrado 20–17 agosto 2018). Firenze, 2018. P. 23–36.

Romoli 2018 – Romoli F.S Sl.eccl. мудрость. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici. // Ferro M.C., Salmon L., Ziffer G. (под ред.). Contributi italiani al XVI congresso internazionale degli Slavisti (Belgrado 20–17 agosto 2018). Firenze, 2018. P. 23–36.

Romoli, Ferro 2018 – Ромоли Ф., Ферро М.К. Именования и атрибуты Богородицы. К созданию многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов. // Восьмые Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции (Рим-Флоренция, 5–10 февраля 2018г.), под ред. Н. Запольской, М. Обижаевой. М., 2018. P. 120–123.

Maria Chiara Ferro

Gabriele d'Annunzio University of Chieti – Pescara, Italy

maria.ferro@unich.it

For a Multilingual Lexicon of Religious and Philosophical-Theological Words: Methodological Advancement

Within the framework of the project of a multilingual lexicon of religious and philosophical-theological words, the paper presents a recent methodological advancement concerning the analysis of the semantics of words. The novel-

ty consists in the analysis of lemmas use in direct sources, on the basis of those texts that are included in the historical section of the Russian Nacional Corpus (NKR).

Key words: *dictionary of religious and philosophical-theological words, National Russian Corpus, Chrurch Slavonic разумъ, Chrurch Slavonic мудрость*

—
175
—

Роман Фишер

независимый исследователь, Австрия

roman.ernestowitsch@yahoo.de

Школьное образование святых Кирилла и Мефодия

Античная система образования в восточной половине Римской империи не погибла, и после кризиса иконоборчества в X в. в Византии сложилась своя система образования. Мефодий учился в высшей школе для высших государственных чиновников, Константин-Кирилл постигал все науки греческой античности в частных общеобразовательных школах у самых знаменитых учителей X в. Кирилл и Мефодий дополняли друг друга своими знаниями, благодаря своему образованию они состоялись как учителя славян в делах веры, языка, администрации и цивилизации.

Ключевые слова: *Кирилл и Мефодий, византийская система образования, Лев Математик, Фотий, тривиум и квадривиум наук, учителя славян*

В рамках тематического блока мы обратим наше внимание на школьное образование свв. Кирилла и Мефодия и на значение их образования для разнобразия и успеха их миссионерской деятельности.

Античная образовательная система в восточной половине империи не погибла, и после кризиса иконоборчества в X в. в Византии сложилась своя система образования.

Первую ступень сформировали элементарные школы, которые существовали почти в каждом городе или деревне. Учителя жили на плату учеников за учёбу. Начиная с шестого или седьмого года жизни, мальчики учились читать и писать с помощью известных библейских текстов, постигали правила греческой грамматики и немного арифметики [Koder 2016].

После окончания элементарной школы молодые византийцы обычно выучивались профессии у какого-либо мастера этого ремесла, а одарённые ученики, имевшие нужные средства, могли продолжать свое образование в высших общеобразовательных школах в Константинополе и в других больших городах. Ими руководили учителя, которые имели свою частную школу. Расходы держателей школ были высоки, как и плата за учёбу. Но были и школы, получавшие денежную помощь от высокопоставленных лиц [Koder 2016].

Учёба в высших школах была двухступенчатой. В первое время ученики занимались «тривиумом» – грамматикой, диалектикой, риторикой, а после успешного изучения «тривиума» – «квадривиумом наук», т.е. арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией [Koder 2016]. Кроме этих общеобразовательных школ были и высшие профессиональные училища для юристов [Koder 2016] и высших государственных чиновников [Christou 1967].

Житие Константина-Кирилла сообщает, что Константина отдали в элементарную школу, вероятно, когда ему было семь лет. Об образовании старшего брата Константина, Мефодия, средневековые источники ничего не сообщают [Пространное Житие Мефодия], но из слов «Пространного Жития Мефодия» о том, что «царь .... поручил ему держать славянское княжение», можно сделать вывод, что Мефодий учился в какой-то высшей школе для высших государственных чиновников [Christou 1967]. Позже под покровительством логофета Феоктиста он сделал блестящую военно-административную карьеру [Малышевский 1885].

Младший брат Константин ещё в элементарной школе решил стать учёным и учителем, но у него не было средств для обучения в высшей школе. Только после 842 г., когда ему стал покровительствовать логофет Феоктист, юноша смог учиться в столице в высшей школе. Помимо учёбы Константин должен был работать при царском дворе как помощник под надзором главного учителя, которым мог быть Фотий. В «Житии Константина-Кирилла» упоминаются и два его педагога, Лев и Фотий, которые были самыми знаменитыми учёными того времени.

—
177
—

Константин освоил «тривиум» и «квадривиум наук», а кроме того занимался медициной, греческой и римской историей [Wilson 1994], богословием и филологией. Но любимым предметом Константина была филология: кроме греческого он владел латинским, славянским, сирийским, еврейским, сарматским, арабским и турецким языками [Christou 1967].

Не следует недооценивать влияние на успех миссии в Моравии деятельности Константина-Кирилла в роли учителя или репетитора молодого царя Михаила III: он общался с высокопоставленными лицами, что очень помогло при ведении переговоров со славянскими князьями и с папой Римским.

Царь Михаил III и патриарх Фотий отобрали для миссии в Моравии двух братьев, дополнявших друг друга своими знаниями: Константин-Кирилл был искусен во многих науках и искусствах, а Мефодий имел хорошее образование и опыт в государственно-административных делах. Благодаря своему образованию братья состоялись как учителя славян не только в делах веры и языка, но и администрации и цивилизации.

Литература

Мальшевский 1885 – Мальшевский И. И. Свв. Кирилл и Мефодий // Труды Киевской Духовной Академии, 1885. С. 5–11.

Пространное житие Мефодия – URL: <https://pravoslavie.ru/61732.html>. Дата обращения 19.11.2018.

Житие Константина-Кирилла – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/050520124441.htm>. Дата обращения 19.11.2018.

Christou 1967 – Christou P. K. Die Heiligen Kyrillos und Methodios. Thessaloniki, 1967. URL: <https://www.impantokratoros.gr/kyrillos-methodios.de.aspx>. Дата обращения 19.11.2018.

Koder 2016 – Koder J. Die Byzantiner: Kultur und Alltag im Mittelalter. Wien, 2016.

Wilson 1994 – Wilson N. G. Photius: the Bibliotheca. Bristol, 1994.

—
178
—

Roman Fischer

Independent researcher, Austria

roman.ernestowitsch@yahoo.de

School Education of Saints Cyril and Methodius

The ancient education system never collapsed completely in the eastern half of the Roman empire, after the iconoclasm crisis during the ninth-century in Byzantium there was a well-developed private education system. Methodius studied at a high school for public administration, his younger brother Constantine-Cyril studied the complete circle of sciences of Greek antiquity at private general educating high schools from the most famous teachers of his time the complete sciences of Greek antiquity. Cyril and Methodius supplemented each other with their knowledge, thanks to their education, they justified the expectations as teachers of Slavs in matters of faith, language, administration and civilization.

Key words: *Cyril and Methodius, byzantine education system, Leon the mathematician, sciences of Greek antiquity, teachers of slavs*

Антон Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина,
Московский педагогический государственный университет,
Институт языкознания РАН, Россия
fagraey64@hotmail.com

**От Кирика до Посошкова: конструкция *им. п.* + *инфинитив*
в истории русского языка***

179

В докладе на материале памятников древнерусского и среднерусского периодов рассматриваются синтактико-семантические особенности восточнославянской конструкции *земля пахать*, где дополнение инфинитива получает *им.п.* В среднерусский период данная конструкция имела тенденцию к превращению в грамматикализованный маркер инфинитивных клауз с модальным значением.

Ключевые слова: *древнерусский язык, старорусский язык, инфинитивные клаузы, именительный падеж, дифференцированное маркирование аргументов*

Конструкция *им.п.* + *инфинитив*: грамматика и семантика.

Конструкция *им.п.* + *инфинитив*, иногда называемая в литературе оборотом ‘земля пахать’ [Станишева 1966], где дополнение инфинитива, выражающее семантическую роль пациенса, получает *им.п.* вместо ожидаемого *вин.п.*, является одной из самых известных особенностей восточнославянского синтаксиса. В русском языке она прослеживается, начиная с берестяных грамот XII в. [Зализняк 2004: 156], ср. *в волости твоеи только вода (им.п.) тити въ волости в городищаньх* Ст.Р. 10 (1160–80 гг.) ‘В твоей волости Городище только и мож-

* Исследование поддержано проектом РФФИ 18-12-00307 «Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь».

но, что пить воду’ и «Вопрошания Кирикова» (ок. 1130 – 1156 гг.). Конструкция чаще всего встречается при словах ж.р. склонения на *-а*, попадающих в позицию дополнения инфинитива, но может быть диагностирована и в других случаях, например, при полных именных группах (DP) типа *соль своя* (им.п.) *явити* (1554–1555 гг.), *та страсть* (им.п.) *победити* (1492 г.), сочиненных группах (CoP), [_{CoP} [_{NP1} *лень*] и [_{NP2} *пенька*]] *гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно* (И.Т.Посошков, 1724 г.). Конструкция *земля пахать* выражает значение необходимости и возможности и может реализоваться как на основе независимого предложения, так и на основе инфинитива, вводимого безличным глаголом (ср. *достойть*) или предикативом (*надобѣь, волно* и т.п.). После каузативных и волитивных глаголов в контекстах типа ‘X заставляет Y осуществить P’/ ‘X хочет, чтобы Y осуществил P’ дополнение инфинитива обычно не ставится в им.п., особенно в ранних памятниках, хотя прямого запрета нет. Оформление дополнения деепричастия им.п. встречается в той же группе памятников, где представлена конструкция им.п. + инфинитив. Такие примеры менее частотны и лишены модального значения, ср. *Ино государю правда давши, взять свое* ‘после того, как господин (хозяин) установит порядок, он может взять свое’ (Псковская судная грамота, 1397–1467 гг.). Еще реже встречаются примеры, где дополнение инфинитива или деепричастия выражает периферийную семантическую роль, ср. *улица граду кдому приходити бываше* [Повесть об Ионе, архиепископе новгородском (1495–1505)]. Корпусные данные, а также исследования избранных древнерусских и старорусских памятников [Ронько 2016; Попова 2017] подтверждают, что регулярные случаи употребления оборота *земля пахать* связаны с маркированием пациентивного аргумента в модальных контекстах, выражающих значения необходимости и возможности. Отклонения от прототипической семантики, в том числе, употребление им.п. дополнения при

деепричастии, форме императива, после каузативных и волитивных глаголов, а также случаи маркирования им.п. непациентивных аргументов могут интерпретироваться как проявление экспансии конструкции в средне-русский период.

Древнерусские и старорусские памятники.

В домонгольский период конструкцию часто связывают с новгородско-псковским диалектом, поскольку из всех древнерусских летописей она представлена только в ИНПЛ, что наряду со свидетельством берестяных грамот XII–XV вв., а также пергаменных грамот XIII–XVI вв., локализованных в псковских и новгородских землях, включая Двину и Обонежье, позволяет рассматривать ее как ареальную черту циркумбалтийских языков (финно-угорских, латышского, литовского), где дополнение может маркироваться им.п. [Ларин 1975; Timberlake 1974]. Точная локализация группы русских диалектов, где изначально появилась конструкция им.п. + инфинитив, неясна, так как она рано засвидетельствована как в северо-западных, так и в западных (полоцких и смоленских) диалектах.

В духовных и договорных грамотах XIII–XV вв. и памятниках Московского государства XIV–XVII вв. данная конструкция столь частотна, что ее наличие в конкретной группе актов, вопреки названию работы [Котков 1959], где описаны южнорусские акты, уже не свидетельствует о диалекте. Отсутствие конструкции в книжном тексте может объясняться ориентацией на церковнославянские образцы, где после инфинитива в неотрицательном предложении должен употребляться вин.п. Вместе с тем, авторы, прибегающие к конструкции с им.п. дополнения инфинитива, используют в ней имена разной семантики, включая названия церковных реалий. Так, в тексте «Домостроя», наряду с *бочка купити*, *рубашика делати*, *животина водити всякая*, *хоромина та запечатати*, представлены и сочетания *милостыня даяти*, *свершиати просфира*, *А дома всег-*

да *навечерница и полунощница, и часы пѣти*, а также абстрактная лексика, ср. *подати и нужна его всякая исполнити*. Тот же разброс значений характерен для текстов, обозначающих нижнюю и верхнюю границу распространения конструкции им.п. + инфинитив — «Вопрошании Кириковым» (сер. XII в.) и «Книги о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова (1724 г.).

Историческая перспектива.

В старославянском и церковнославянском языках конструкции с оформлением дополнения инфинитива им.п нет. Возможное исключение — *навечерница пѣти* — встретилось в русском списке Студийского устава, датированном концом XI — началом XII вв.: *Аще настане(тѣ) днѣ нарочита стѣго. иде(жѣ) р(ч)еть(с) пра(з). тѣгда наве(ч)рница пѣти*. 21.15–16 [Успенский 2006: 67]. Диалектная характеристика списка неясна, но оборот им.п. + инфинитив логично считать чертой языка переписчика. В языке Кирика и среднерусских текстах ИГ *навечерница* была бы однозначно интерпретирована как дополнение инфинитива, но для языка Студийского устава ее допустимо трактовать и как подлежащее. В работах Ф. Миклошича, А. А. Потебни, А. В. Попова, А. А. Шахматова, В. Б. Крысько в качестве исконного пункта развития конструкции *земля пахать* постулировалась структура с подлежащим в им. п. и обстоятельственным инфинитивом [Потебня 1958; Крысько 1994]. Примеры, подтверждающие эту интерпретацию, появляются поздно, ср.: *трава же пить очень приятна* (А. Т. Болотов), нерегулярны и, вероятно, отражают не исконное состояние, а колебания позднейшего периода. Относительно ранний пример оформления аргумента модального инфинитива как подлежащего, связан с грамотой ГВНП 331 (к. XIII в.): *а мониста Тѣшатина у Якъмовы свободна Тѣшатѣ възяти* ‘а Т. вправе взять свое монисто у жены Я.’ В старорусском корпусе НКРЯ на 1000 примеров оформления ИГ в им.п. как дополнения инфинитива приходится 1 пример оформления ИГ как подлежащего: *и с тѣх*

мгъсть истгъкають три кладязи прудко велми, и вода их питу сладка велми и студена [Заметка о Риме (1438)]. Еще дальше от оборота *земля пахать* находится структура с подъемом аргумента глагола мышления или знания, ср. др.рус. *Подобает убо комуждо пребывати въ своих пргъдгълех и мгърах и познавати своя, и не мнгъти себе глава* (им.п.) *быти* (инф.) [Из Тактикона Никона Черногорца (1300–1400)].

Конструкция *земля пахать* встречается в старобелорусском языке и в украинских грамотах конца XIV в. в тех же контекстах, что и в древнерусском: *всакому ми делу йсправа ему чинити и его лю(д)мь* (1387 г.). Обороты с инфинитивом глагола восприятия *писня чути, рука знати* фиксируются в ряде диалектов у Киева, в Полесье, в отдельных местах Днепропетровщины, Харьковщины, Сумщины, Кировоградщины, Нижинщины [Даниленко 2003: 246]. В ряде диалектов русского Севера конструкция *земля пахать* пережиточно сохраняется при глаголах разной семантики [Кузьмина, Немченко 1964], при этом недавно проведенные исследования [Ронько 2017] указывают на ее низкую частотность в речи носителей.

Дифференцированное маркирование дополнения и корпусный анализ.

В типологическом плане русская конструкция *земля пахать* является случаем дифференцированного маркирования аргументов, т.е. механизма, в соответствии с которым дополнение получает разный падеж в зависимости от своих прагматических характеристик [Aissen 2003; Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016]. Важно, что одни и те же авторы употребляют в инфинитивных клаузах и им.п., и вин.п. дополнения, причем их распределение предсказуемо. В [Ронько 2016; Ронько, Циммерлинг 2015] высказана гипотеза о том, что им.п. приписывался, если дополнение инфинитива имело коммуникативный статус ремы или контрастной темы, при этом препозиция ИГ в им.п. может трактоваться как

случай эмфатического сдвига акцентоносителя влево. Ср. аналогичные примеры в финитных клаузах: *да пришли сороцищу, сороцищъ забыле* ‘да пришли рубашку, я рубашку забыл’ (Новг. 43, 1380–1400 гг.), при нейтральном порядке *забыле сороцищъ*. Такое объяснение подходит для Кирика, Посошкова и иных авторов, представленных сопоставимо большим количеством употреблений им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив. Предпринятый нами корпусный анализ текстов среднерусского периода, дающих суммарные данные по носителям разных идиолектов, позволяет уточнить зону конкуренции конструкций. Проверялось 110 ИГ, большинство из которых представлено в Старорусском корпусе НКРЯ в позиции после инфинитива в обоих падежах. Общее число употреблений вин.п. после инфинитива выше, но если исключить употребления после каузативных и волитивных глаголов, оказывается, что им.п. выбирается после инфинитива в прототипических для конструкции модальных контекстах на 45% чаще (967 пример с им.п. vs 531 примеров с вин.п.). Доля препозитивных употреблений для конкурирующих падежей почти идентична (70, 6 — 70, 8%).

Всего им.п.	Без каузативов и волитивов	Nom-Inf	Всего вин.п.	Без каузативов и волитивов	Acc-Inf
1054	967	746	1516	531	1070
100%	92, 75%	70,8%	100%	35%	70, 6%

Таб. 1. Конкуренция им.п. и вин.п. дополнения в инфинитивных клаузах, по данным среднерусского корпуса НКРЯ.

Таким образом, в старорусский период конструкция с им.п. инфинитива имела тенденцию к превращению в грамматикализованный маркер инфинитивных клауз с модальным значением. В этой связи, быстрое вытеснение оборота *земля пахать* из русского языка XVIII–XIX вв. нуждается в дополнительном осмыслении.

Список сокращений:

- ІНПЛ** – Новгородская первая летопись старшего извода
НКРЯ – Национальный корпус русского языка
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.А. Валка. М.-Л., 1949.

Литература

Даниленко 2003 – Даниленко А. І. Предикати, відмінки і діатези в українській мові: історичний і типологічний аспекти. Харків, 2003.

Зализняк 2004 – Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Котков 1959 – Котков С. И. Конструкция типа земля пахать в истории южновеликорусских говоров // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1959. 18, 1. С. 45–53.

Крысько 1994 – Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Кузьмина, Немченко 1964 – Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 151–176.

Ларин 1975 – Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.

Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016 – Лютикова Е.А., Ронько Р.В., Циммерлинг А.В. Дифференцированное маркирование аргументов: Семантика, морфология, синтаксис // Вопросы языкознания № 6, 2016. С. 113–127.

Попова 2017 – Попова А. В. Попова Конструкция типа вода пити по данным московских памятников XVI – нач. XVIII вв. // Русский язык в научном освещении № 1 (№ 33), 2017. С. 251–265.

Потебня 1958 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.

Ронько 2016 – Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 1 (31), 2016. С. 158–181.

Ронько 2017 – Ронько Р.В. Надо корова доить! Номинативный объект в севернорусских диалектах // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 2017. С. 244–264.

Ронько, Циммерлинг 2015 – Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки. № 1. 2015. С. 57–66.

Станишева 1966 – Станишева Д. С. Конструкция типа земля пахать в системе синтаксических средств восточславянских языков // Slavica. 35. 1966. С. 1–16.

Успенский 2006 – Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / Под. ред. Б. А. Успенского. Т. 2. М., 2006.

Aissen 2003 – Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory 21, 2003. P. 435–483.

Timberlake 1974 – Timberlake A. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974.

Anton Zimmerling

*Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow Pedagogical State University,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
fagraey64@hotmail.com*

From Kirik to Pososhkov: the Nominative + Infinitive Construction in the History of Russian

This paper discusses the syntax and semantic of the East Slavic construction *земля пахать*, where the infinitival complement is marked with nominative case. In Late Old Russian, this construction had a tendency towards grammatilizing as a marker of infinitival modal clauses.

Key words: *Early Old Russian, Late Old Russian, infinitive clauses, nominative case, differential object marking*

Ирена Шпадиер

Белградский университет, Сербия

i.spadijer@gmail.com

«Молодой Папа» П.

Соррентино как агиографический нарратив

—

—

Художественный язык сериала «Молодой Папа» Паоло Соррентино (2016) очень современен. Проблемы, которые поднимаются в сериале, вневременные, универсальные, но произведение в определенной степени затрагивает и некоторые агиографические темы. В работе рассматриваются именно эти, «средневековые» аспекты сериала, их обработка и значение.

Ключевые слова: *«Молодой Папа», Паоло Соррентино, агиография, святость, чудо*

Творчество итальянского автора Паоло Соррентино ознаменовало собой первые десятилетия XXI в. не только в кинематографе, но и в литературе. Наряду со значительными достижениями в кино, Соррентино опубликовал также два романа и один сборник рассказов. Вот почему неудивительно, что сериал «Молодой Папа» (2016) имеет яркие литературные черты. Ведь это скорее кинороман из десяти глав, чем классический телесериал, о чем наилучшим образом свидетельствуют слова самого автора: «The clear signs of God's existence. The clear signs of God's absence. How faith can be searched for and lost. The greatness of holiness, so great as to be unbearable when you are fighting temptations and when all you can do is to yield to them. The inner struggle between the huge responsibility of the Head of the Catholic Church and the miseries of the simple man that fate (or the Holy Spirit) chose as Pontiff. Finally, how to handle and manipulate power in a state whose dogma and moral imperative is the renunciation of power and selfless

187

love towards one's neighbour. That is what 'The Young Pope' is about» [Variety 2015].

Однако кажется, что суть данного произведения гораздо сложнее, чем это выразил (или хотел выразить) сам Соррентино.

—
188
—
Хотя художественный язык сериала «Молодой Папа» (образы, ситуации, диалоги, музыка и особенно монтаж) нарочито современны, частично даже в духе постмодернизма, а вопросы, которые он поднимает, универсальны, произведение все же обращается к ряду агиографических, средневековых тем.

Главный герой, когда-то сирота Ленни Белардо, а ныне Папа Пий XIII, на первый взгляд оставляет впечатление довольно субверсивное. Он относительно молод (47 лет), курит, на завтрак пьет исключительно диетическую черри-колу, держится высокомерно, осознает, что хорошо выглядит. Все это расходится со стереотипом римского понтифика и ставит под сомнение ряд постулатов, на которых покоится двухтысячелетняя организация католической церкви; таким образом, Папа априори отчужден, отмечен ярлыком и не принят в обществе. С другой стороны, с помощью периодических флешбэков, снов и визуализации личных переживаний Папы автор умело создает совершенно иной образ главного героя, который тоже не принят и не понят окружающими. Так, перед зрителями вырастает необычная и сложная комбинация средневекового святителя и современного интеллектуала, религиозного фанатика и критического мыслителя, непоколебимого религиозного предводителя и эмоционально ранимого существа, которое всю жизнь ищет любви. Основной идеей проекта Соррентино была не деконструкция веры и не критика католической церкви, как это могло показаться на первый взгляд, а аффирмация любви как верховного христианского начала. Различными действующими лицами сериала неоднократно произносится основной новозаветный благовест «Бог

есть любовь» из Первого послания Иоанна (4, 8). Образ главного героя, Ленни/Пия XIII, как бы парадоксально это ни звучало, построен на манер лика святых, а его жизнеописание характеризуется чертами агиографического нарратива. Приведем некоторые из них:

Особенность с юных лет. Ленни – брошенный ребенок. Родители, американские хиппи конца шестидесятых годов XX в., оставляют его перед приютом с объяснением, что они уезжают в Европу (в Венецию, мрачные улицы и каналы которой всю жизнь преследуют героя во сне). Возможно, уже в семилетнем возрасте он проявляет свою «причудливость» и исключительность, хотя причины его оставления нигде четко не звучат. Они существуют только в штрихах, а именно: (1) в последней серии, когда кардинал Войелло говорит папе: «Тот, кто имеет храбрость оставить ребенка, найдет силы и отречется от него»; (2) в сцене в самом конце сериала, которая, по некоторым признакам, может быть плодом папиного воображения и в которой он обращается к пастве, собравшейся на Площади Св. Марка в Венеции. Там он «видит» пожилую пару хиппи, которая его слушает некоторое время, а потом без слов удаляется из массы, и это выглядит как воплощение предположения, изреченного кардиналом несколько ранее.

Чудотворение. Еще с ранней юности главный герой может творить чудеса. В начале эта мысль проходит дискретно, а затем обозначается четко. Не признанный окружающими и непопулярный Папа признается чудотворцем ближними, знающими его с детства. Действуя как инструмент Божий, он и сам не понимает чудес, которые совершает, и отказывается говорить о них. Эта его особенность, идущая вразрез с внешним высокомерием, определенным образом соответствует агиографическому топосу «бегства от славы». Чудотворения Пия XIII типологически перекликаются с библейскими чудесами. Приведем лишь некоторые из них:

чудо исцеления, которое Папа совершает еще ребенком, исцеляя мать своего друга, находящуюся при смерти. Это его первое чудо, однако оно раскрывается окончательно лишь в девятой серии, а его свидетелями оказываются Сестра Мэри и друг Ленни из приюта Эндриу, впоследствии кардинал Дюссолье;

чудо с *Эстер*, которое имеет прочную основу в средневековой житийной литературе (жития Алексия, человека Божия, Саввы Сербского и т. д.). Молитвой, произнесенной в то время, когда Эстер вступает в интимные отношения со своим мужем, папа способствует тому, чтобы неродящая женщина могла зачать;

чудо с *сестрой Антонией*, возможно, самое специфическое, т. к. представляет собой так называемое «негативное чудо»*, которое также ведет начало от библейского ветхозаветного нарратива. Лицемерная и извращенная сестра Антония, которую папа пытается вразумить во время путешествия в Африку и которая надменно отказывается повиноваться, погибает именно от папиной молитвы. Такое так называемое «убийство на расстоянии» имеет почти идентичные параллели в средневековых мираклях, таких как миракль св. Димитрия Солунского, где святой убивает врага, осаждающего Солунь, или о смерти вероотступника Стреза в сербских средневековых житиях, посвященных Симеону Мироточивому и святому Савве, в которых соответствующие эпизоды совпадают с произведением Соррентино до деталей [Стефан Првовенчани 1988: 90–91, 93, 94; Доментијан 2001: 171–179; Теодосије 1988: 176–184].

Святость. Папа Пий – святитель, святость которого проявляется в его чудотворстве и полной отдаче Господу. Несмотря на бушевающие его сомнения

---

* Ср.: «...saints performed various 'negative' miracles, chastising and occasionally even killing those who had mistreated them or their supporters» [Geary 1994: 170].

и на то, что он, как и любой подвижник, постоянно борется с искушениями, у него есть свой путь, с которого он не сворачивает несмотря на терзающие его моральные сомнения. Подобно средневековому святому, он бескомпромиссен в осуществлении своей цели, каковой является служба Господу. Эксплицитнее всего это выражено в первом обращении Папы к кардиналам. Это речь, которая имеет программный характер и которая и по содержанию, и по композиции – она находится в средней, пятой серии – является кульминационной точкой сериала: «Когда Иисус взшел на крест, – говорит Пий XIII, – он не пошел на компромиссы. И я не пойду». В числе главных характеристик средневекового святого вовсе не миловидность, не податливость. Средневековый святой не обязательно добр, он прежде всего – борец за веру. Или, как в какой-то момент говорит Сестра Мэри, воспитавшая его: «Папа – святой. Говоря «святой», я не имею в виду «хороший человек», я имею в виду буквально/дословно – святой!»

–
191
–

Литература

Variety 2015 – URL: <https://variety.com/2015/tv/news/the-young-pope-diane-keaton-cast-hbo-paolo-sorrentino-series-1201549701/>. Дата обращения 17.11.2018.

Geary 1994 – Geary P. J. The Saint and the Shrine: The Pilgrim's Goal in the Middle Ages // Living with Dead in the Middle Ages. Ithaca and London, 1994, P. 163–176.

Доментијан 2001 – Доментијан Житије светога Саве. предг. Љ. Јухас-Георгиевска, прев. Т. Јовановић. Београд 2001.

Стефан Првовенчани 1988 – Стефан Првовенчани Сабрани списи. Прег. Љ. Јухас-Георгиевска. Београд, 1988.

Теодосије 1988 – Теодосије Житија. прир. Д. Богдановић, прев. Л. Мирковић. Београд 1988.

Irena Špadijer

University of Belgrade, Serbia

i.spadijer@gmail.com

—
**Paolo Sorrentino's *The Young Pope*
as Hagiographical Narrative**

192

—
Paolo Sorrentino's *The Young Pope* (2016) has an explicitly modern artistic expression - comprised of characters, situations, dialogues, music, and especially montage. The problems issues it deals with, however, could be defined as „all-timers“ or universal, and yet the show itself reactualizes a set of clearly determined, hagiographical subjects. In this paper we discuss these „medieval“ phenomena of the series, their treatment and meaning.

Key words: *Young Pope, Paolo Sorrentino, hagiography, holiness, miracle*

Мария Шульга

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Россия

shoulga@mail.ru

Грамматика и текст: *тысячей* — *тысячью*

В докладе выявляются грамматические признаки имени существительного *тысяча*, которые могут рассматриваться как признаки потенциального числительного. На материале грамматик и текстов обнаруживается выразительное распределение форм Т. ед. *тысячей* и *тысячью*, Р. мн. *тысячей* и *тысяч* между названием числа и названием количества. Для названий чисел, составляющих разряды, это необходимый этап при переходе в числительные. Используются материалы Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: *формирование числительных, грамматические признаки числительных, вариантность тысячей и тысячью*

Грамматика-80 характеризует имя числительное следующим образом: «Числительное как часть речи представляет собой непополняемую группу слов» [Русская грамматика 1980: § 1366]. Тем не менее, она называет грамматические признаки имени существительного *тысяча*, которые могут рассматриваться, на наш взгляд, как признаки потенциального числительного. Не являемся ли мы наблюдателями и участниками образования нового числительного *тысяча*?

Это ожидаемо, если учитывать, что только на протяжении 19-го века – совсем недавно по меркам грамматики – сформировались грамматические признаки числительного у существительного *сто*. Да и до сих пор «родимые пятна» предметного имени – формы множественного числа и управление в непрямых падежах – у него окончательно не изжиты. Ср.: «с несколькими *стами десяти* великопленных торфяных болот» (В.В. Набоков «Другие берега», 1954).

На какие особые признаки слова *тысяча* указывает Грамматика-80?

Наряду с регулярной формой *тысячей* по модели существительных на *-а*, признается нормативной форма *тысячью* (ср. *пятью*). При этом Т. ед. *тысячью* отражен также в составном числительном (§ 1378): *тысячью (тысячей) двумястами восьмьюдесятью семью*.

Форма *тысячью* приводится как управляющая существительным, называющим считаемые предметы, и как согласуемая (по образцу числительных): *тысяча человек, тысячей (и тысячью) человек (и человеками), тысячей (и тысячью) рублей (и рублями)*. Согласование формы *тысячью* в Грамматике-80 ограничивается синтаксическим условием – отсутствием определения (§ 1367): *с тысячью рублей и рублями (но только с одной тысячей рублей, с каждой тысячей рублей)*.

Тексты выявляют убедительное преобладание на протяжении уже более двух столетий словоформы *тысячью* и не подтверждают каких-либо ограничений в ее функционировании. У слова *тысяча* обнаруживаются также другие выразительные признаки, свойственные счетным словам: согласование не только в Т. ед., но и в Т. мн., а также в Д. и П. падежах, как у числительных; признаки утраты множественного числа; грамматическое разграничение названий количества (Т. ед. *тысячью*, Р. мн. *тысяч*) и названия числа (Т. ед. *тысячей*, Р. мн. *тысячей*).

Здесь мы остановимся на последнем явлении. Наши наблюдения опираются на тексты из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и собственные материалы.

Соотношение форм *тысячью* и *тысячей* (тысячею).

Исследование обнаруживает, что в текстах основной формой Т. ед. является *тысячью*. В НКРЯ она представлена 401 вхождением. Форма *тысячей* представлена 115 вхождениями, форма *тысячею* — 25 вхождениями.

Форма *тысячью* убедительно документирована в текстах с XVIII в., наряду с *тысячей*. На протяжении всего представленного в НКРЯ периода значительно преобладает словоформа *тысячью*. Соотношение словоформ *тысячью* – *тысячей* для разных временных отрезков следующее: XVIII в.: 10 и 2; 1800–1850-е гг.: 35 и 1; 1851–1900-е гг.: 86 и 12; 1901–1950-е гг.: 110 и 20; 1951–1980-е гг.: 38 и 16.

Мы особо выделяем период после 1980 г. – выхода «Русской грамматики». Соотношение словоформ *тысячью* и *тысячей* для 1980–2014 гг. следующее: словоформа *тысячью* отражена 110 вхождениями; словоформа *тысячей* – 50 вхождениями.

Из приведенных количественных характеристик видно, что после 1950 г. удельный вес словоформы *тысячью* по сравнению с *тысячей* несколько снизился. Возможно, не без влияния ограничительных рекомен-

даций Грамматики-52 и Грамматики-80. Тем не менее, на отрезке 1980–2014 гг. словоформа *тысячью* составляет 69 % среди словоформ Т. ед.

Грамматические признаки имени существительного у Т. ед. тысячей (тысячею).

На словоформу *тысячью* не распространяются какие-либо ограничения, перечисленные в Грамматике-80. На ее фоне словоформа *тысячей* (*тысячею*) довольно последовательно сохраняет грамматические признаки существительного: она широко представлена без существительного, называющего считаемые предметы; может иметь при себе определение; практически не употребляется в структуре составных числительных; последовательно управляет Р. падежом, а не согласуется.

Если исходить из конкретного материала, то у словоформ *тысячей* (*тысячею*) употребление без существительного, называющего считаемые предметы, составляет более 15 процентов. При этом она свободно сочетается с согласуемым определением: *не одной тысячей*.

Она редко встречается также в структуре составных числительных, единичные случаи не исключают стилизации. Например: *с тысячей восьмьюдесятью пятью жемчужинами, с ее полутора тысячею ночей, тысячей двумястами детей*.

Выразительную особенность словоформы *тысячей* составляет последовательное управление: существительное, называющее считаемые предметы, стоит в форме Р. мн. И это убедительно документировано текстами на протяжении XIX–XX вв. и начала XXI в.

Таким образом, в употреблении словоформы Т. ед. *тысячей* тексты последовательно отражают грамматические признаки существительного. Возможно, это имел в виду Л.В. Щерба в своем следующем замечании: «**Любопытно отметить**, что *тысяча с обывательской точки зрения плохо представляется как число, а*

скорей как некоторое единство, как «существительное», что и выражается типом связи: *тысяча солдат, с тысячею солдат* [Щерба 1924].

Р. мн. тысячей.

Регулярной флексией Р. мн. у существительного *тысяча* является нулевая флексия (*тысяч*). Грамматика-52 называет несколько существительных на *-а* с ударной флексией Р. мн. *-ей*: *бахчей, каланчей, пращей, свечей, вожжей, свечей* [Грамматика 1952: § 234]. Здесь появление флексии *-ей* обусловлено ударностью окончания во всей парадигме. О неударном окончании *-ей* Н.А. Еськова сообщает следующее: «Неударное окончание *-ей* (оно может быть только у существительных с ударением на основе во всех формах) является отступлением от стандарта. К таким нестандартным формам относятся *юношей, дядей, офеней*; вариативные формы у слов общего рода *грязнулей, разиней, тихоней*. Предпочтению не ударного *-ей* способствует наличие в конце основы существительного некоторых групп согласных: *распрей, буклей, саулей* и др.» [Еськова 2014: 484].

В исследованных текстах встречается словоформа Р. мн. *тысячей* с нерегулярной флексией *-ей*, морфонологически не обусловленная и до сих пор грамматиками не замеченная. Она представлена достаточно убедительно – 57 вхождениями. Например: «Четверть века прошло с той поры, как свои жалобы и пени предъявил этот «среди *тысячей* небожителей — единственный человек», и что же?» (С. Чупринин «Высокая (ли) болезнь» // «Знамя», 2004) (цитата из А. Вознесенского); «... После крови, *тысячей* смертей, после позорного отступления Ташкент поразил Бориса» (Т. Окуневская «Татьянин день», 1998); «... Во имя этих жертв и всех тех *тысячей* и *тысячей*... остановимся, довольно» (Н. Л. Давыдова «Полгода в заключении», 1920–1921).

В употреблении Р. мн. *тысячей* на фоне регулярной формы *тысяч* наблюдаются те же особенности, кото-

рые мы отметили для Т. ед. *тысячей* (*тысячею*). Это употребление без существительного, обозначающего считае­мые предметы, с согласованным определяющим словом, вне составного числительного.

Еще одна выразительная особенность: сравнительно регулярное употребление с местоименными числительными: *столько тысячечей, сколько тысячечей, несколько тысячечей, для многих тысячечей, много тысячечей*. Такое употребление характерно для замен числительных существительными в сочетаниях типа *несколько десятков, несколько сотен*. Грамматика-80 рекомендует заменять числительное *сто* существительным *сотня* в сочетаниях типа *несколько сот, несколькимистами*.

Описанные особенности в употреблении словоформ Т. ед. и Р. мн. *тысячей* наводят на мысль, что в грамматической системе намечается разграничение названия количества (числительное Т. ед. *тысячью*, Р. мн. *тысяч*) и названия числа (существительное Т. ед. и Р. мн. *тысячей*). Для чисел, образующих разряды, это необходимый этап развития. Мы наблюдаем такое разграничение при обозначении десятков и сотен. Переход существительных *десять* и *сто* в числительные сопровождается грамматическим размежеванием названия количества и числа: *десять* и *десяток, сто* и *сотня*.

Литература

- Грамматика 1952* – Грамматика русского языка. Т.1. М., 1952.
Еськова 2014 – Еськова Н.А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М., 2014.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980.
Щерба 1974 – Щерба Л. В. О частях речи в русском языке (1924) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77–100.

Maria Shulga

Lomonosov Moscow State University, Russia

shoulga@mail.ru

Grammar and Text: *тысячей* — *тысячью*

—
198
—

The report reveals some grammatical features of the noun *тысяча*, which in its dynamics could be indicated as signs of a potential numeral. Grammars and texts reveal a distinctive distribution between forms of number names and numerals in the instrumental case, singular number *тысячей* and *тысячью*, and in the genitive case, plural number *тысячей* and *тысяч*. It is an essential phase in the transformation of number names into numerals. The research contains materials incorporated in the Russian National Corpus.

Key words: *ways of numeral formation, grammatical features of numerals, variation of *тысячей* and *тысячью**

Ирина Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия

iriwonok@yandex.ru

О текстологических швах в Киевской летописи

В настоящей работе пойдёт речь о лексических и грамматических признаках, по которым можно предположить текстологические границы внутри Киевской летописи. Для выделения этих границ будет рассмотрено распределение лексических синонимов а также синонимичных грамматических форм и синтаксических конструкций (например, *береньдичи/береньдъеве*, *-думати/-гадати/съвъщати-*; формы *ipf. du -ста/-шета*, суффиксы причастий на *-щ/-ч-*; конструкции *ать/да* + презент, *начати/почати* + инфинитив и др.).

Ключевые слова: *Киевская летопись, древнерусский язык, грамматика, лексика, текстология*

Некоторые исследователи обращали внимание на то, что в Киевской летописи (КЛ) по языковым характеристикам можно выделить отличающиеся друг от друга части. Так, например, на то, что в летописи заметна существенная разница между текстом до 1146 года (краткие статьи) и после 1146 года указывает А.А. Пичхадзе в [Пичхадзе 2002: 149]. Об отличиях в согласовании причастий в начале и в конце летописи писал В. М. Живов [Живов 2017: 431]. П. В. Петрухин отделяет последнюю четверть текста КЛ от первых трёх с точки зрения распределения форм *бъ/бъше* в составе плюсквамперфекта [Петрухин 2008: 216].

В настоящей работе предпринимается попытка обнаружить некоторые из текстологических швов внутри летописи.

С точки зрения структуры летописных статей сразу заметна разница между первыми статьями КЛ (до 1145 г., лист 118б:12) и последующими: начиная с 1146 г. краткие статьи сменяются значительно более пространственными. Но, как кажется, можно отметить и другие границы.

В качестве объектов для сравнения выбраны лексические и грамматические синонимы. Среди таких синонимов рассматриваются этноним *береньдичи/береньдъеве*, существительные *божьница/божьнька* наряду с *цьркы*, глаголы с корнем *бъг-* и *тек-*, глаголы *достояти/подобати*, *-думати/-гадати/-свьѣщати-*, местоимения *азь/язь/я*, синонимичный союзу *и* союз *да*, варианты *аче/аще*; предложное и беспредложное управление глаголов *льстити*, *надгъятися*, *отъступити*; синонимичные полногласные/неполногласные корни; формы имперфекта и аориста с аугментом и без, формы дуалиса имперфекта на *-ста/-шета*, инфинитивные конструкции с *начати/почати*, аорист/имперфект глаго-

ла *быти* в составе форм плюсквамперфекта, действительные причастия настоящего времени с русскими и церковнославянскими суффиксами, *ать/да* + индикатив, конструкции с *и до*.

Наиболее показательна статистика по некоторым грамматическим явлениям: перифрастический претерит с начинательными глаголами, имперфект с наращением и без, простые претериты в составе форм плюсквамперфекта. Но кажется бесполезным учесть и другие явления. На пересечении статистических данных выделяются приблизительные границы в тексте КЛ, внутри которых можно увидеть некий набор отличительных признаков. Предлагается выделить пять частей.

Часть первая (статьи до 1146 г., ок. 12 л.): ipf. du только на *-шета*; из синонимичных слов спользуется только *аще, береньдичи, ради, бѣжати(бѣжноути), достояти*; для обозначения церкви используется почти исключительно *църкы (божьница* есть, но только в составе топонима *Турова божьница*); из корней, имеющих в летописи полногласные и неполногласные варианты, встречаются только полногласные: *ворогъ, ворота, съдоровъ, хоромъ*; примерно поровну распределены: *нача/поча* в претеритных конструкциях, *бѣ/бѣше* в составе плюсквамперфекта, конструкции с *ать/да*, церковнославянские/русские суффиксы в действительных причастиях.

Часть вторая (примерно до 1149 г., ок. 25 л.): появляется ipf du на *-ста*, появляются варианты *аче, береньдѣеве, дѣлѣ, -тещи*, наряду с *-думати* и *съвъщати* начинается употребляться вариант *-гадати*; из четырёх параллельных корней у двух появляются неполногласные варианты (*вragъ* и *врата*, причём *врата* есть только в этой части); *нача* с инфинитивами употребляется почти в два раза чаще, чем *поча*; процент имперфектов с аугментом выше, чем в предыдущей части; *бѣше* в составе плюсквамперфекта встречается в пять раз чаще, чем *бѣ*; в половине случаев в качестве личного местоимения первого лица выступает вариант *я*.

Часть третья (примерно до 1159 г., ок. 33 листов): впервые появляется сочинительный союз *да*, впервые появляется аорист с аугментом, пропадает окончание *-ста* у *ipf. du*, пропадает глагол *свьѣцати*, перестают употребляться варианты *врагъ* и *врата*; *аче* встречается существенно чаще, чем *аще* (в пять раз); первые *божьница* выступает в свободном употреблении, добавляется вариант *божьнька*; *бѣ/бѣше* в составе плюсквамперфекта, в отличие от предыдущей части, опять распределяются примерно поровну; возрастает частота сочетаний с *до* наподобие *оли (и) до, доже и до, и до*; среди синонимов *азь/язь/я* нет предпочтений; только в этой части глагол *надѣятися* управляет генитивом.

Часть четвёртая (примерно до 1174, ок. 26 листов): *аще* становится единственным вариантом, *нача* с инфинитивом встречается чаще *поча* более чем в восемь раз; опять появляется неполногласный вариант *врагъ*, впервые встречается *сѣдрав-*; падает частота имперфектов с аугментом; пропадают аористы с аугментом; исчезает местоимение *азь*; впервые встречается управление *льстити* + творительный падеж.

Часть пятая (до конца, ок. 40 листов): *ipf. du* вновь употребляется только с окончанием *-ста*; опять появляется *аче*; пропадает *божьнька*; возрастает частота союза *да*; по контрасту с предыдущей частью глагол *поча* с инфинитивами по сравнению с *нача* используется чаще более чем в два раза; наряду с *хоромъ* появляется *храмъ*, и в таком виде есть только здесь; имперфектов с аугментом здесь больше, чем без, почти в полтора раза; снова начинает использоваться аорист с аугментом; суффиксов *-аиц/-яиц/-уиц/-юиц* в четыре раза больше их древнерусских соответствий с *ч*; *бѣше* в составе плюсквамперфекта в четыре раза чаще, чем *бѣ*; частица *ать* с индикативом в четыре раза реже, чем *да*; исчезают сочетания наподобие *оли (и) до, доже и до*.

Литература

Живов 2017 – Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. Том I. М., 2017.

Петрухин 2008 – Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М., 2008. С. 213–240.

Пичхадзе 2002 – Пичхадзе А. А. Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI—XIII вв. // Русский язык в научном освещении, №2 (4). 2002. С. 147–170.

Irina Yuryeva

*Vinogradov Institute of the Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Russia
iriwonok@yandex.ru*

Textual Seams in the Kievan Chronicle

The aim of the present paper is to identify lexical and grammatical characteristics that may indicate textual borders in the Kievan Chronicle. To find these borders, the distribution of lexical synonyms as well as parallel grammatical forms and syntactic structures will be considered (for example, *berendichi/berendieeve*, *-dumati/-gadati/sveshchati-*; forms of the ipf. du *-sta/-sheta*, suffixes of participles with *-shch/-ch-*; constructions *at'/da+praes.*, *nachati/pochati+inf.*, etc.).

Key words: *the Kievan Chronicle, Old Russian language, grammar, vocabulary, textology*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕВЯТЫЕ
РИМСКИЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

РИМ — САЛЕРНО
4—9 ФЕВРАЛЯ 2019 г.

Издательство «Индрик»

Редактор *И. Вернер*
Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
13,0 п. л. Тираж 300 экз.